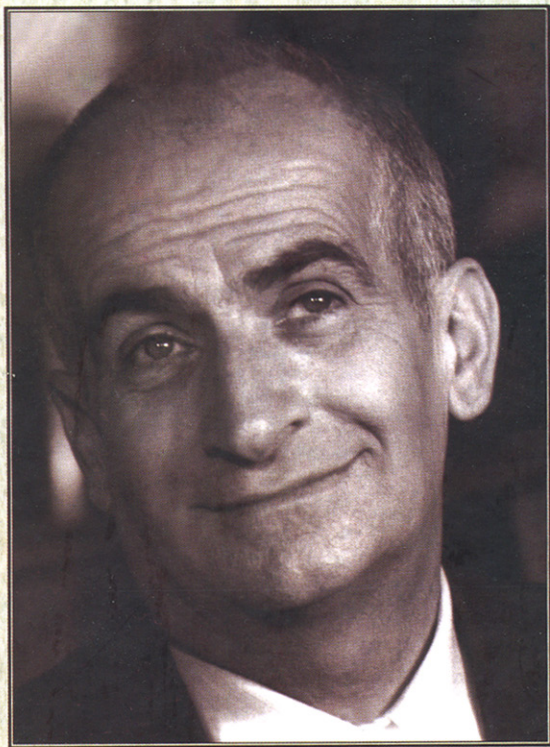

Луи де Фюнес НЕ ГОВОРИТЕ ОБО МНЕ СЛИШКОМ МНОГО

ПАТРИК И ОЛИВЬЕ ДЕ ФЮНЕС

ЛУИ ДЕ ФЮНЕС

Не говорите обо мне
слишком много, дети мои!

ТЕКСТ

t
T

t
e
k

x
c

t
T

PATRICK ET OLIVIER
DE FUNES

LOUIS DE FUNES

Ne parlez pas trop de moi, les enfants!

LE CHERCHE MIDI

ПАТРИК ДЕ ФЮНЕС,
ОЛИВЬЕ ДЕ ФЮНЕС

ЛУИ ДЕ ФЮНЕС

*Не говорите обо мне слишком много,
дети мои!*

*Перевод с французского
А. Брагинского*

УДК 791.43(44)(092)
ББК 85.374(3)-8
Ф99

ISBN 978-5-7516-0650-3
ISBN 978-985-16-2150-3 (ООО «Харвест»)
© Le cherche midi, 2005
© «Текст», издание на русском языке, 2007

«Какие же вы молодцы, Патрик и Оливье, что написали эти воспоминания, в которых стремились как можно точнее отразить атмосферу юмора, царившую в нашем доме.

Мы с Луи всегда считали своей задачей дать нашим детям возможность максимально раскрыть свои таланты.

Читая эту книгу, рассказывающую подробности о прожитой вместе жизни, насыщенной яркими событиями, я понимаю, что Луи удалось в полной мере осуществить все, к чему он стремился».

Жанна де Фюнес

*Мариш Анжелес и Сами Нуира,
моим друзьям из Туниса*

Патрик де Фюнес

*Моей жене Доминик и моим детям
Жюли, Шарлю и Адриену*

Оливье де Фюнес

ПРОЛОГ

Патрик

1973 год. Триумф фильма «Приключения раввина Якова». Отец вложил все силы в роль вспыльчивого человека, вовлеченного в невероятные приключения. Сцена в чане с жевательной резинкой снималась в разрушенной фабрике, при температуре не выше десяти градусов. Оставаясь промокшим до костей между дублями, он много раз погружался в зеленую жижу, состоявшую из смеси сладкого теста и пищевого красителя.

После трех дней этой пытки, оглохнув на левое ухо, он бросился к отоларингологу, который обнаружил зеленоватую пробку, прилипшую к барабанной перепонке. С помощью мини-брандспойта в виде огромного шприца он направил в ухо сильную струю воды.

— Позвольте дать вам совет, господин де Фюнес, — заключил он. — Перестаньте прочищать ухо ватой на спичке: этим вы только все усугубите и придется снова прибегать к подобной неприятной процедуре.

Пренебрегая этим советом, пациент продолжал прежние манипуляции. Но, едва обнаружив легкое снижение слуха, сам прибегал к струе воды из маленькой резиновой клизмы. Однажды вечером вместе с матерью Жерара Ури — Марселой мы решили отправиться в шикарный ресторан «Тайлеван». Отец пригласил на ужин также доктора Джиана, знаменитого рентгенолога, полную противоположность чопорности и высокомерию. Отец весьма ценил его как остроумного собеседника.

— Ну вот, я опять плохо слышу левым ухом! — воскликнул он в дверях. — Обождите минуту, я только его прочищу.

Перевернув все шкафчики в ванной, он не нашел свою чудесную клизму. Пришлось идти, не прибегнув к спасительной процедуре.

— Ну вот, я не услышу, что будет говорить Джиан.

Открыв нам дверь, Марсела Ури даже не успела нас расцеловать, как он воскликнул:

— Милая, у тебя не найдется клизмы?

Не понимая, о чем идет речь, она так и замерла на месте.

В общем, по дороге в ресторан говорили только об этом. Марсела тщетно старалась его успокоить:

— Послушай, Луи, ты же прекрасно все слышишь!

— Сейчас, может быть, но Джиан говорит так тихо. Придется сесть слева от него, чтобы слышать правым ухом.

Наш друг уже поджидал нас в ресторане. Узнав о случившейся катастрофе, он лишь рассеянно посочувствовал. Тогда отец подозвал вышколенного метрдотеля, вероятно ожидавшего, что гость закажет шампанское, и сказал ему:

— Вы можете послать курьера в дежурную аптеку и купить мне резиновую, предпочтительно детскую, клизму?

Достоинство подобных заведений заключается в том, что там ничему не удивляются. «Разумеется, господин де Фюнес», — был ответ.

Можно себе представить, сколько разговоров по этому поводу было на кухне! Четверть часа спустя, на удивление всем, грум принес на серебряном подносе маленькую розовую клизму. Широко улыбнувшись, отец тотчас отлучился ненадолго и по возвращении объявил, что ему гораздо лучше.

Оливье

Жизнь с отцом была полна приятных и непредсказуемых неожиданностей. Во всяком случае, ее не назвать

ни банальной, ни скучной. Миф о комическом актере, который по выходе из театра забывает о юморе и надевает маску страдающего меланхолика, в нашем доме не признавался напрочь.

Луи де Фюнес в жизни был такой же смешной, как на экране, не прибегая, однако, к одним и тем же приемам, ибо в первую очередь был истинным профессионалом и совершенствовал свое мастерство всю жизнь.

Любопытство его зрителей остается неизменным.

«Как он находил свои трюки?» — спрашивают они.

«Правда ли, что он был очень нервным человеком?»

«Рассказывал ли он вам свои гэги до того, как их сыграть?»

«Говорят, он был очень строг на съемочной площадке».

«Был ли он строг с вами?»

И еще множество вопросов, на которые мы отвечаем в этой книге, — мы, простые свидетели его отнюдь не банальной жизни.

1. ЛУИ И ЖАННА

Патрик

Мои родители появились на свет в одном и том же 1914 году, накануне Первой мировой войны. В день перемирия в 1918 году, в то самое время, когда все колокола Курбеуа возвещали победу, маленького беспечного Луи де Фюнеса интересовали лишь редиски, которые он выдергивал в семейном огороде. Его отец Карлос де Фюнес был жив. Будучи испанцем, он не подлежал призыву в армию и таким образом остался в живых.

Десятью годами раньше Карлос бежал из Испании, похитив мою бабушку Леонор Сото де Галарца, в которую влюбился в Мадриде. С первой же встречи девушка не осталась равнодушной к шарму этого красивого андалузского адвоката, но родители не одобрили ее выбор, мечтая для нее о другой партии. Когда же претендент на ее руку посмел обратиться к ним за их согласием, они просто-напросто выставили его за дверь. Запертая в своей комнате, Леонор находилась день и ночь под неусыпным оком дуэньи, похожей на Алису Саприч в «Мании величия». Несмотря на принятые меры, влюбленные сумели бежать совсем как в романах. Зная свою бабушку, я не удивлюсь, если окажется, что она спускалась из окна с помощью простыни... Голубки благополучно пересекли границу и поселились в Курбеуа, близ Парижа. В 1906 году появилась на свет Мари (по прозвищу Мина), в 1910-м Шарль и спустя четыре года Луи. Затем семья переехала в коммуны Бекон-ле-Брюйер, где мой отец провел свои молодые годы.

Не имея права на адвокатскую практику во Франции, дед решил заняться изготовлением искусственных

изумрудов. Идея была довольно смелая, если учесть, что он страдал дальтонизмом. Для него что красный цвет, что синий, что зеленый — все было едино. Отличать ему удавалось лишь черное от белого. Шестилетнему Луи приходилось подсказывать деду, какого цвета были его опытные образцы.

— Скажи, малыш, какого цвета этот камешек — зеленый или голубой? — спрашивал он

— Но он... желтый.

— Папа был истинным художником! — рассказывал мой отец. — Он отличался уравновешенным и спокойным нравом. В доме его не было слышно. Он был отменно вежлив, с большим чувством юмора, вот только повседневные заботы его не очень волновали. Большую часть времени он проводил в кафе. Это был истинный южанин!

К счастью, моя бабка Леонор была женщина с головой и умудрялась все же прокормить семью. Общаясь с продавцами мехов, она направляла к ним дам из общества. С ловкостью хорошей актрисы ей удавалось их убедить, что манто из норки сделает их похожими на Грету Гарбо.

Затем наш дед отправился в Венесуэлу, надеясь там преуспеть. Письма от него приходили все реже. А мой отец оказался в интернате зловещего коллежа в Куломье.

— Дети мои, вы никогда не будете жить в пансионе, — часто повторял он нам. — Мы там мерзли зимой, а мне было лишь десять лет. Никто не приходил меня проведать. Это была настоящая тюрьма!

Спустя три года Леонор отправилась на поиски блудного мужа. Забрав Луи из коллежа, она поручила его заботам доктора Пуше, заправлявшего в долине Шезврез приютом для брошенных младенцев. Сей врач якобы изобрел микстуру, способствующую быстрейшему росту детей. Моя бабушка надеялась, что этот сироп будет полезен ее сыну, на ее взгляд, очень маленькому для своих лет. У доктора Луи чувствовал себя как рыба в воде. Он был счастлив оказаться подальше от Куломье, ка-

тался на велосипеде, укачивал младенцев, совал им в рот соски. Так продолжалось до тех пор, пока его мать не привезла домой мужа, который, подхватив туберкулез, стал тенью самого себя. Боясь заразить сына, он не поцеловал Луи, а только протянул ему дрожащей рукой крошечное чучело. «Это колибри, самая маленькая птичка в мире, — заверил он его между двумя приступами кашля. — К тому же «колибри» на арго означает «изумруд!»» Всю жизнь отец не расставался с набитой соломой птичкой.

Ему приходилось по несколько раз в день опрыскивать антисептиком квартиру, дабы избежать заражения. Потом дед вернулся один в Малагу, где и умер 19 мая 1934 года.

В тот самый день, когда 25 октября 1957 года умерла, в свою очередь, моя бабушка, отец играл в пьесе Саша Гитри* «Давайте помечтаем». Он был потрясен, но не считал возможным сорвать спектакль. Сопровождавшая его мама говорила, что никогда он не играл лучше, чем в тот вечер.

Моя бабушка, несмотря на сильный, не лишенный шарма кастильский акцент, хорошо говорила по-французски. Мы приходили к ней в гости каждое воскресенье. Она обращалась к отцу по-испански, но он плохо изъяснялся на нем и отвечал ей на том, на котором думал, — по-французски.

Прирожденная актриса, она всякий раз при расставании с нами разыгрывала целый спектакль. Сжимая нас в объятиях, произносила бесконечную тираду: дескать, мы видим ее в последний раз. Мы оставляли ее сидящей в кресле, с руками, прижатыми к сердцу, словно готовому вот-вот разорваться.

---

* Французский актер, драматург, кинорежиссер (1885—1957). Среди самых его известных фильмов «Если бы мне рассказали о Версале», «Если бы мне рассказали о Париже», «Жизнь честного человека», «Наполеон».

Луи де Фюнес часто вспоминал ее в своих интервью, утверждая, что она первая научила его играть комедию. Он даже сравнивал ее с Рэмию*, а однажды рассказал забавный анекдот:

— Мама обладала невероятной находчивостью. Не могу забыть историю с дядюшкой из Мадрида, приславшим ей свое фото. Увидев на нем его усатое лицо, она поспешила упрятать подарок в кладовку. Ему же написала, что поставила фото на пианино. Однажды он неожиданно появился в нашем доме. Я и сейчас вижу его с чашкой чая в руках, вопрошающего, где его фото. Мама слегка растерялась: она совершенно об этом забыла. Но, посмотрев на дядю кристально честными глазами, заявила: «Я отправила его увеличить!» Вот это был спектакль!

Старшая сестра отца Мина превратилась в прелестную изящную женщину. Кутюрье Жак Эймс даже пригласил ее на работу манекенщицей. Будучи замужем за летчиком, она влюбилась в модного актера Жана Мюра и вместе с ним уехала в Мадрид, где легкомысленно представила его родственникам как своего мужа.

— Как странно, — заметили они, — такое впечатление, что мы его уже где-то видели!

Мина любила повелевать и властно обращалась со своим маленьким братцем.

— Мне не давали слова сказать, — рассказывал он нам. — Помню, как она повела меня к своей приятельнице, актрисе Рене Сен-Сир. Мне было восемнадцать лет, и я очень смущался перед предстоящей встречей со знаменитостью. Еще бы! Но мы оказались в пустой квартире! Она в нее еще не переехала. Мина привела меня для того, чтобы я обошел триста квадратных метров в поисках хозяйки. У меня потом неделю болели ноги!

Словом, в присутствии отца было лучше не произносить имя Рене Сен-Сир. Но это происшествие не поме-

---

* Французский актер (1883—1946), прославившийся еще в немом кино и успешно снимавшийся в довоенном французском кино.

шало ему позднее успешно сняться у ее сына — Жоржа Лотнера в фильме «Бонвиваны».

В молодости отец выкуривал по две пачки сигарет в день. Он кашлял, харкал и отличался удивительной худобой. Армейские врачи сочли, что он болен туберкулезом. Сам же он навсегда уверился, что они спутали его медицинскую карту с чьей-то другой. Но, несмотря на это, как свидетельствует его военный билет, он несколько раз призывался в армию. В 1947 году после трехдневного пребывания в лагере Майи его окончательно комиссовали.

Участь моего дяди Шарля де Фюнеса была трагической: в 1939 году его настигла очередь из немецкого пулемета. Отец тяжело пережил утрату. С братом были связаны их детские игры, они объездили на велосипедах часть Франции. Мне кажется, именно эти поездки научили отца преодолевать усталость и боль.

А вот малышке Жанне Бартелеми, будущей мадам де Фюнес, не суждено было пожить с родителями. Ее отец Луи был убит снарядом под Верденом в 1918 году. А мать умерла в муках вскоре после него. Наверняка она подхватила окопную лихорадку, когда приехала опознать тело мужа в ангаре Бар-ле-Дюк.

Вместе с братом Пьером Жанна была отдана на попечение «мамы Титины», бабки по линии отца, проживавшей у подножья Монмартрского холма. У той были четыре дочери — Мари, Жюлия, Жанна и Валентина и сын Анри, чудом уцелевший в битве под Верденом. Каникулы мать и Пьер проводили у тети Мари, жены Шарля, графа де Мопассана. Статую кузена Ги, знаменитого писателя, затерявшуюся среди тополей парка Монсо, можно было увидеть из больших балконных окон их прекрасного парижского особняка. Весной тетя Мари и дядя Шарль покидали Париж, чтобы насладиться мягким климатом их имения в Алонне, в департаменте Анжу, а лето проводили в своем замке в Клермон-сюр-Луар, близ Нанта, в том самом, в котором мы поселимся позднее.

Мои родители познакомились во время оккупации в 1942 году в школе джаза по улице Фобур-Пуассоньер. Мама увидела объявление об открытии этого заведения в переходе метро. Для молодежи того времени джаз был синонимом свободы. Она со всех ног бросилась туда.

— Я не смогу оплачивать учебу! — объявила она хозяину заведения Шарлю-Анри.

— Мне важно знать, какие у тебя пальчики. Они очень тебе понадобятся! С гаммами ты знакома?

— Мизинцы мои не очень разработаны... За пишущей машинкой я чувствую себя лучше.

— Вот и отлично, мне как раз нужна секретарша! Я уверен, у тебя все получится. Взамен будешь бесплатно учиться...

Мой отец тоже записался накануне в эту школу, чтобы овладеть гармонией и сольфеджио, так как понятия не имел о нотной грамоте. И тем не менее уже играл на рояле в «Горизонте», одном из баров в районе площади Мадлен.

— Я ишачил там по двенадцать часов без перерыва, — рассказывал он. — Перед началом мне давали пять минут, чтобы поесть в гардеробе. Не разрешали даже сходить в туалет. И требовали, чтобы я постоянно улыбался.

Тут толпилась самая разношерстная публика: разоде-тые полуночники и неряшливые красотки, мелкие проститутки, заглянувшие передохнуть между двумя клиентами, их сутенеры в слишком добротном сшитых костюмах и горстка вооруженных до зубов бандитов. Не считая затянутых в зелено-серые мундиры немецких офицеров.

Мама вспоминала об их встрече так, словно это было вчера:

— Я стучала на машинке, когда в комнату с криком ворвался Шарль-Анри: «Скорее, Жанна! Ты увидишь феноменального человека!» Он был очень возбужден и потащил меня в зал для занятий. Там-то я впервые увидела твоего отца. Он сидел за роялем. Остальные ученики столпились вокруг. «Ты только послушай, это просто

невероятно, — прошептал мне Шарль-Анри. — Не понимаю, зачем ему брать уроки! Боюсь, если начну его учить, он начнет размышлять и загубит свой талант.

Можно предположить, что, подобно сержанту Крюшо и госпоже полковничихе в фильме «Жандарм женится», между Жанной и Луи, едва они познакомились, пробежала искра. Так или иначе, больше они не расставались.

— Не можешь ли ты мне давать частные уроки? — попросила его покоренная мама.

— Сначала приходи меня послушать в «Горизонт». Я угощу тебя ужином.

Она отправилась туда в тот же вечер.

— Он велел приставить к роялю низкий столик, на котором были сервированы омары и шампанское, — вспоминала мама. — Потратил на это все месячное жалованье. Мы много лет смеялись по этому поводу! В перерыве он сел рядом, как вдруг хлопнула дверь и появилась высокая брюнетка. Не говоря ни слова, подбоченясь, она встала напротив твоего отца и отвесила ему оплеуху. После чего повернулась и была такова. А он, обыграв ситуацию, поскользнулся на каблуках и грохнулся в кресло, словно получил сильнейший удар. В зале громко засмеялись. «Мы с ней едва знакомы, — объяснил он мне. — Я совершенно забыл, что назначил ей свидание!»

Мама была очарована этим энергичным молодым человеком и стала завсегдатаем «Горизонта». Там пели. Танцевали. Не вполне понимая слова, немцы хором подхватывали американские куплеты, которые мой отец запевал, сидя за роялем. Когда он видел, что они здорово надрались, то заставлял их повторять строчки собственного сочинения:

— И мы их поймеем...

— И мы их поймеем! — вторили они хором.

— ...Пинком под зад!

— Под зад! — орали они во все горло.

Это была опасная игра. Немцы напоминали тигров под анестезией. Однажды вечером отец заметил, как к маме подошел некий Фридрих и склонился, чтобы поцеловать ей руку. Отец при этом даже сбился с такта. Этот

завсегдатай был большой шишкой в комендатуре. Мама так и застыла от ужаса. Взяв пару аккордов, отец встал, чтобы ее выручить. Вынужденный импровизировать, он выбрал роль смиренного.

— Герр Фридрих, позвольте вам представить мою невесту! — застенчиво произнес он, низко склонившись, с подобострастным выражением в глазах.

— Ах! Ваша невеста! Гут, гут! Тогда нельзя трогать! — воскликнул офицер и удалился.

Эта сценка чудесным образом воскреснет двадцать лет спустя в «Большой прогулке», когда немецкий офицер обзовет Станисласа Лефора в его гримборной в Опере «толстым плутом».

В ту ночь, опоздав на метро, отец впервые поцеловал маму.

— Отныне считай, что мы обручены.

В дальнейшем, пропустив последний поезд метро, он провожал маму к ее брату на улицу Мобеж. А затем пешком через весь Париж шагал к себе домой.

В 1942 году бродить по улицам после наступления комендантского часа было чистым самоубийством. Патрули забирали в заложники всех схваченных ими горожан, некоторые из них потом были расстреляны на горе Мон-Валерьен. Держась за руки и прижимаясь к стенам домов, родители прятались в подворотнях.

— Однажды на углу улицы твоей отец толкнул меня, прошептав: «Не смотри!» Но я успела разглядеть грузовик с трупами.

Когда Жанна объявила бабушке и теткам, что встречается с пианистом из бара, те и бровью не повели. Но они разволновались, услышав об их ночных прогулках. После чего дядя Анри, который держал вместе с женой Жюстиной отель на улице Кондорсе, в двух шагах от дома моей мамы, предложил отцу прекрасный номер на первом этаже. Надо ли говорить, что все они не испытывали никакой симпатии к оккупантам. Так, горничная Симона, открыв однажды дверь двум гестаповцам и услышав, что они желают видеть некоего Луи де Фюнеса, ибо Служба обязательной трудовой повинности нужда-

лась в рабочей силе, не растерялась и сказала, что он покинул отель и уехал неизвестно куда. Новое поколение по-прежнему смеется на фильмах с Луи де Фюнесом во многом благодаря этой женщине.

Но отец забыл об одной важной детали: он уже был женат... В 1936 году он женился на женщине по имени Жермен. Наверное, они не были созданы друг для друга, ибо спустя месяц решили расстаться. От этого брака родился ребенок — Даниель.

Маму эта новость огорчила.

— Моя семья никогда не согласится, чтобы я жила с женатым мужчиной. Я тоже этого не хочу. Наша встреча останется чудесным воспоминанием, Луи, но на том и порешим...

Тогда, поняв, что надо брать быка за рога и развестись, он отправил сестру Мину прощупать почву. Она недавно сама пережила развод с первым мужем и знала, что надо предпринять. Оказалось, что Жермен и сама была рада расстаться с фамилией де Фюнес. Встретив Анри, мужчину своей жизни, она мечтала поскорее выйти за него замуж и ставила лишь одно условие: Луи никогда не станет общаться с Даниелем, которого Анри считал своим сыном.

Мама никак не могла привыкнуть к мысли, что увела мужа у другой женщины.

— Чтобы ты успокоилась, я завтра отвезу тебя к Жермен! — предложил отец. — Она хочет с тобой познакомиться!

Им открыла дверь приятная, улыбчивая женщина. Поцеловав маму, она воскликнула:

— Какая вы красивая! Я так рада за Луи!

У мамы сложилось впечатление, что она нанесла визит кухне своего жениха. Жермен провела их в гостиную, где их ожидал Анри, держа на коленях семилетнего мальчугана — Даниеля. Дабы избежать всякой двусмысленности, он сразу сказал: «Жермен так рада наконец развестись. Даниель наш сын и, разумеется, будет жить с нами».

Эта проблема была решена, и мама, прежде чем отправиться к алтарю, должна была представить своего

будущего супруга семье. Поездка в замок Клермон напоянала экспедицию: поезда часто останавлявались срьд поля и приходилось подвергаться многочисленным проверкам. Когда наконец под ботинками отца заскрипел песок с Луары, тщательно рассыпанный по главному двору замка, он не мог скрыть своего восторга перед открывшимся ему волшебным видом. Мари де Мопассан только что похоронила мужа. В свои шестьдесят она выглядела без всяких преувеличений грандамой. Тетя Жюлия, ее старшая сестра и моя будущая крестная, задала тон разговору, сказав:

— Избранник Жанны не может не обладать всеми необходимыми для мужа достоинствами.

Теплый прием помог моему болезненно застенчивому отцу преодолеть свою робость. Молодой человек навсегда полюбил эту семью. Мама Титина стала ему бабушкой, которой он будет верить все свои тайны.

Тетки мамы были очень разные. Каким же кладезем вдохновения стали они для многих образов, сыгранных отцом! В особенности тетя Жанна, сестра Мари, которую можно обнаружить во многих персонажах его фильмов. Эта крохотная женщина обладала непривычными вкусами. Поселившись в замке вместе с мужем, когда город Нанси оказался в руках немцев, она больше всего хотела быть полезной. Мой отец очень любил ее. У нее всегда был хмурый вид, и не проходило дня, чтобы она не заливалась слезами, услышав по радио какое-нибудь пустяковое известие или сообщение о чьей-то смерти. Много лет спустя отец обнаружил ту же способность заливаться слезами по требованию у Робера Дери*.

— Изобрази-ка тетю Жанну, — часто просил он его.

В сцене «Маленького купальщика» Робер плачет так выразительно, что видно, как отец закрывается одеялом, чтобы скрыть смех.

---

* Известный комический актер, часто работавший вместе с Луи де Фюнесом.

В этой новой семье отец как бы заново родился, забыв свое прошлое, похоронив его в сокровенных глубинах души.

Развод отца с Жермен был оформлен без труда, но церковь отказывалась признать его. Никакой религиозной церемонии для повторного брака! Генрих VIII Тюдор послал Папу Римского к чертям, когда женился вторым браком на Анне Болейн, но Луи де Фюнес не был королем Англии. Ему пришлось удовольствоваться гражданским бракосочетанием в мэрии 9-го округа в апреле 1943 года.

Надо бы навсегда покончить с легендой, которая повторяется во всех его биографиях: на свадьбе была подадена не колбаса, а очень жирная птица, присланная тетками из Клермона. Колбасу подавали накануне во время скромного мальчишника, устроенного отцом и Робером Дейссом, другом детства. Робер тоже был обручен с некой Жанной, и они решили, что будет забавно пожениться в один день. А чтобы картина была совсем полной, оба назвали своих сыновей Патриками.

Небольшая двухкомнатная квартирка на улице Миромениль, которую Робер одолжил моим родителям, оказалась очень миленькой. Друзья входили в нее через окно. Даниель Желен*, сам закоренелый холостяк, только что женился на Даниель Делорм, звезде тех лет, игравшей роли бедных печальных девушек. Ему Луи де Фюнес обязан приобщением к актерской профессии. В то время денег ужасно не хватало. Мои родители и их друзья жили одним днем. Желен, успешно выступавший в ролях молодых любовников, посоветовал отцу начать с массовки. Будучи хорошо информирован, он сообщал ему, какие фильмы будут сниматься.

После Освобождения в семье Желенов начались раздоры. Даниель Делорм «заболела» Советским Союзом и демонстрировала интеллектуальные претензии. Они

---

* Французский актер (р. 1924), снимавшийся также в Голливуде у Хичкока. Известен у нас по фильмам «Завещание Орфея» Ж. Кокто, «Горит ли Париж?» Р. Клемана, «Затухающее пламя» И. Аллегре.

стали реже появляться у нас. Имея теперь возможность рассчитывать только на небольшие гонорары, родители разработали хитроумную систему, которая требовала... добротной обуви. Разгуливая взад и вперед под ручку перед рестораном «Фуке» на Елисейских Полях, где обычно обедали или заходили выпить рюмку вина многие кинематографисты, они в конце концов сталкивались со знакомыми.

— Как я рад тебя видеть! Мы тут случайно, — говорил отец, мастерски разыгрывая удивление.

— Луи, загляни завтра на студию. Ты понадобишься на одну смену.

Однажды они столкнулись таким образом с режиссером Жан-Пьером Мельвилем*:

— Луи, Жанна! Как жаль, что я не встретил вас раньше. Мне нужен был пианист для сцены встречи Нового года, но я его уже нашел. Вам, случайно, не знаком какой-нибудь аккордеонист?

— Я сам недурно играю на аккордеоне, — солгал отец, который ни разу в жизни не брал в руки этого инструмента.

Мельвиль пригласил его сниматься. Отец постарался найти такое место за пианистом, чтобы скрыть левую руку, предназначенную для игры на кнопках, которыми ему вряд ли удалось бы воспользоваться. С правой, перебирающей клавиши, он кое-как справлялся, вертясь ужом, чтобы не отстать от пианиста. Мельвиль был отнюдь не дураком. Он широким жестом заплатил ему двойной гонорар, тем самым отдав дань человеку, который целый вечер столь умело водил его за нос.

В дальнейшем отец не пропускал ни одного фильма Мельвиля. Он боготворил его так, что в один прекрасный день Жерар Ури даже рассердился:

---

* Французский кинорежиссер (1917—1973), которого называли «самым американским французским режиссером». Поставил ряд знаменитых триллеров, среди которых «Самурай», «Армия теней», «Полицейский».

— Ты молишься на него, а он тебя ни разу не пригласил сниматься!

Ответ отца был, вероятно, уклончивым, он предпочел пропустить этот упрек мимо ушей. Будучи человеком застенчивым, он не любил рассуждать по поводу того, как возникает дружба, что такое благодарность и в еще меньшей мере — близость.

Оливье

Отец всю жизнь увлекался джазом. На его очередной день рождения я неизменно дарил ему новый альбом Оскара Петерсона или Эррола Гарнета, его любимых пианистов. У нас в доме всегда стоял рояль, но он на нем почти не играл. Вероятно, чтобы не вспоминать о своих несчастливых молодых годах. Он точно так же сердился на клавиатуру, как и на испанский язык, на котором отказывался говорить.

Думая, что он один, отец иногда наигрывал мелодии «Sweet Lorraine» или «Sophisticated Lady». Пальцы по-прежнему подчинялись ему, только слегка огрубели. Стремясь во всем к совершенству, он не хотел, чтобы кто-нибудь слышал, как он играет.

— Я играю, как свинья, мне следовало бы больше упражняться.

Отец жаловался, что недостаточно разрабатывал левую, когда играл в барах. А ведь именно эта рука сообщала ритм игре и обеспечивала ему успех. Не одобряя людей, которые садятся за рояль в конце вечера, чтобы побренчать, он считал, что ни они, ни он сам не имеют права играть то, что он называл «всякой бузой». Такая скромность объяснялась его бесконечным уважением к профессиональным музыкантам, равняться на которых он не считал для себя возможным. Его желание во всем достигать совершенства лишило нас возможности оценить его талант пианиста.

2 . МОЛОДЫЕ ГОДЫ

Оливье

В 1952 году мы переехали с улицы Миромениль, где жили на первом этаже, в маленькую квартирку на улице Мобеж. Мне было три года, Патрику — восемь. Дом был скромный, наши две комнаты выходили на маленький сквер, на месте которого позднее построят начальную школу.

Мы прожили там восемь лет, в течение которых отец приложил немало сил, чтобы оборудовать ванную, шкафы и гостиную. С поступлением более регулярных предложений сниматься его тревога о нашем комфорте развеялась. Жизнь стала веселее. В помощь маме была нанята очаровательная дама по имени Эмильена. Она заботилась о нас во время долгих отлучек родителей и научилась готовить их любимые блюда — голубей с горошком, бургундских улиток, почки в мадере. У нас появился телевизор. Мне разрешалось смотреть «36 свечей» по пятницам и «Последние пять минут» по вторникам вечером. В передаче выступали любимые папины певцы — Морис Шевалье, Жильбер Беко... С увлечением смотрел он и знаменитую информационную программу «Пять колонок на первой полосе». Нужда постепенно отступала, но, по мнению отца, она еще ждала случая нанести нам визит. Париж был грязен и заполнен автомашинами. Мы возвращались из школы Тюрго бледные и запыленные, постоянно болели трахеитом. Наша парижская жизнь протекала спокойно, похожая на быт других обитателей этого тогда простонародного района Парижа. Торговцы, об-

служивавшие г-на де Фюнеса, справлялись о здоровье его детей. Он еще не был популярным актером и потом сожалел об этих минувших временах.

Мы часто навещали Анри, дядю со стороны мамы, который держал вместе с женой Жюстиной красильню на улице Бельфон. Этот симпатяга рассказывал нам о своем участии в боксерских боях в молодости. Отец восхищался его физической силой и мужеством, с которым тот, не жалуясь, вел свое утомительное дело. К тому же Анри был членом семьи, которая так тепло приняла его во время войны в те времена, когда он ухаживал за малышкой Жанной... Дядя был счастлив рассказывать о всяких пустяках, смешить всех вокруг, приносить нам пакетики со сладостями. Но его не покидала тревога за будущее.

Патрик

Соседи Планш с верхнего этажа своими раздорами мешали нам спать. Особенно когда высокая и сильная хозяйка сваливала шкаф на голову своего коротышки-мужа. Узнав, что тот повесился, дабы избежать диктатуры супруги, наш отец решил срочно переехать на другую квартиру.

Г-н Симон был нашим соседом снизу. Сорокалетний красавец; он носил строгий синий в клетку костюм и всегда снимал свою фетровую шляпу, приветствуя маму. Его остроумные замечания восхищали отца.

— Я никогда не работал, дорогой месье, не платил налогов, а проживающая над вами дама вполне удовлетворяет все мои потребности. Я ее постоянный гость.

По поводу алжирцев, которые боролись тогда за независимость, он говорил:

— Этим людям вполне хватает горстки фиников и стакана молока! Чего им еще надо?

Взгляды этого господина сильно отличались от отцовских, однако пародии отца на него были лишены презрения: он вообще всегда был снисходителен к эксцентричным людям. Ему нравился господин Симон.

Когда я смотрю «Приключения раввина Якова», я вижу в глазах отца, играющего Виктора Пиво, когда он осмеливается сказать: «Вы видели новобрачных? Она негритянка! А он — белый!», выражение глаз нашего дорогого соседа. Напоминает мне его и Леопольд Сароян, делец из «Разини», который носил такую же фетровую шляпу и столь вероломно поступил с Антуаном Марешалем—Бурвилем, разбив вдребезги его машину!

В 1952 году отец играл в пьесе Фейдо «Блоха в ухе» в театре «Монпарнас». А по окончании спектакля мчался в театр «Верне» на Елисейских Полях, чтобы сыграть в труппе Бранкиньюлей первый скетч «Бубуль и Селекция». По-быстрому напялив фрак, он выходил в зал под руку с Колетт Броссе, когда там появлялся бармен — Робер Дери с чашкой кофе и, поскользнувшись, выплескивал ее содержимое ему в лицо. Уверенные, что это настоящий клиент, зрители выражали полный восторг. Потом отец перебежал через улицу, чтобы появиться в другом театре еще в одном скетче, уже в роли пожарного со шлангом в руках. Однажды вечером, увидев его в этом костюме на улице, швейцар известного кабаре «Распутин» стал срочно эвакуировать гостей. Затем отец ехал на метро в кабаре на улице Кюжас, где изображал клошара.

В 1959 году в маленьком кабаре Робера Рокка «Помидор» он играл сразу несколько ролей в инсценировке «Дневника» Жюля Ренара. Критик Жан-Жак Готье, чье перо могло как заполнить зал, так и опустошить его, написал восторженную рецензию. Сыграв в одном из скетчей хранителя музея, отец услышал объявление по внутренней связи: его вызывали на бис, сказала рецензия Готье. Ничуть не смутившись, отец самоуверенно сыграл сценку снова. Саша Гитри, поклонник Жюля Ренара, захотел встретиться с отцом. Тот вернулся от него в полном восторге, осторожно неся портрет автора «Рыжика», который набросал Гитри. Этот портрет долго стоял на видном месте с надписью: «Луи де Фюнесу, превосходному актеру — от Саша Гитри, жалкого художника».

Забросив учебу в средней школе, отец испробовал много профессий. Мне кажется, он слегка приукрашал это в своих интервью, ибо дома никогда не вспоминал их. Будучи художником-оформителем витрин, он недурно владел карандашом и даже писал не лишённые очарования, немного наивные пейзажи. Отец любил сопровождать свои рисунки заметками, скажем, такими: «Некто рисует крепыша, осыпает его оскорблениями, а затем стирает, чтобы тот не сумел ему ответить».

Школьные годы не оставили у него незабываемых воспоминаний. Как и у меня, кстати сказать. Лицей Жака Декура, куда я поступил в седьмой класс, был хуже тюрьмы, а учителя отличались полной бездарностью. Отец, ничего не смысливший в латыни и математике, не смог мне помогать, а мама заставляла меня без конца зубрить слащавые стишки из программы. С таким же упорством она исправляла дикцию мужа, пока та не стала идеальной.

Как и в «Человеке-оркестре», отец безуспешно разыгрывал для меня басни Лафонтена. Он изображал рукой вороний клюв, который открывался и закрывался при виде воображаемого сыра, делал лицемерные глаза лисицы или, расставив руки, показывал, как лягушка превращается в быка, а потом громко лопаётся, — ничего не помогало! Мне было скучно. Более того, я возненавидел сыр и не мог проглотить кусочек грюйера, который мне клали в тарелку за обедом. Родители, склонные к преувеличениям, причитали, что я никогда не вырасту. Во Франции не шутят, когда в организме не хватает кальция.

К великому огорчению отца, мои отметки становились все хуже, так что он был готов меня выпороть. В 1955 году родителям пришлось уехать в Гамбург, где снимался фильм «Ингрид» венгерского режиссера Реза Радвани, а потом в Италию, где партнером отца в фильме «Просто потрясающе» («Удачный трюк») был итальянский комик Тото. Они тщательно подготовились к отъезду. Милейшая Эмильена, которую мы без конца

изводили, должна была нас поить и кормить, а репети-тор Оливье, весьма умный молодой человек, поселился у нас в доме. Как беспристрастный свидетель, он объяснил родителям, что мои трудности связаны с безответственностью учителей. Я понял, что оправдан, и мои отметки поползли вверх. На Рождество я получил мотоллер. То было лишь началом. Мне дарили при каждом успехе в конце учебного года по машине. Кривая полученных отметок чудесным образом воздействовала на настроение в семье: все радовались выздоровлению умственно отсталого ребенка.

Желая похвастать своими знаниями, я заявил однажды за ужином, что Людовик XVI предал Францию и это стоило ему головы! Отец поперхнулся салатом, а мама уронила кастрюлю...

— Учитель сказал нам, что он хотел продать секретные документы австрийцам.

— Он посмел вам такое сказать! Какой идиот! Завтра же пойдем к директору, малышка, — объявил он маме, а нам пояснил, что бедняга король, как и он сам, обожал возиться в саду и вообще был хорошим парнем, хоть и королем. Что касается Марии-Антуанетты, то она оказалась несчастной, немного легкомысленной королевой. Я понял, что не всегда надо принимать услышанное на веру.

Оливье

Иногда съемки лишали нас присутствия родителей по многу недель. Я по ним очень скучал и каждый день не спускал глаз с входной двери, ожидая, что каким-то чудом они вернулись пораньше. Фильм «Не пойман — не вор» снимался летом 1957 года. На сей раз мы заперли эту окаянную дверь снаружи и все вместе отправились в Бургундию. С этой поездкой связаны мои первые воспоминания о съемках. Продюсеры предоставили нам две комнаты в деревне Семюр-ан-Оксуа. Мы с Патриком спали в меньшей, но это не помешало брату принести с рынка живую дикую утку. Шумливая

и не очень привыкшая к правилам гигиены, симпатичная птица обосновалась в ванной родителей! Она была, однако, хорошо принята и даже приглашена жить в парижской квартире — наши увлечения были священны для всех.

Патрик

Эта утка откликнулась на имя Бидюль. Она стала партнершей отца в одном из фильмов. Конечно, никто не решался зажарить ее! На улице она бежала за мной, как собачка, сопровождая в ресторан, в магазин, повсюду. И стала деревенским аттракционом.

Оливье

Я присутствовал на съемках каждой сцены, и мне очень нравилась атмосфера съемочной площадки. Я впервые видел отца за работой. Получив разрешение проникнуть в этот мир, недоступный для многих, я открывал для себя кулисы зрелища, которое предлагал экран нашего ближайшего кинотеатра «Рокси». Ив Робер* позволял мне заглядывать в глазок камеры и покрутить хромированные ручки, которые направляли объектив в заданном направлении. Я постиг профессиональный жаргон и настоящую тишину, когда все глаза прикованы к игре актеров. Меня пьянили запах дерева и жар софитов. Я был частью этой семьи, наблюдая за отцом, который постоянно изобретал новые гримасы.

Именно на этом фильме он начал шлифовать свою игру, не ограничиваясь написанным в сценарии, ища мелкие детали, которые все меняли в сути действия. Он очень смело играл симпатичного браконьера. Придумав кличку собаке Пошел-Вон, он очень смешно произно-

---

* Французский актер и режиссер (1920—2002), постановщик таких популярных и у нас комедий, как «Не пойман — не вор», «Высокий блондин в черном ботинке» и его продолжение, «Близнец».

сил: «Иди сюда, Пошел-Вон!» Не отказываясь от дополнительных дублей, чтобы найти верную интонацию, отец много спорил с партнерами — Пьером Монди и Клодом Ришем, стремясь находить новое и оставаясь по-прежнему смешным.

Отец избегал продолжительных застолий со съёмочной группой в местных ресторанах. Он нуждался в отдыхе, чтобы предложить очередную находку. Стремление к совершенству преследовало его постоянно, буквально сжигало его всю жизнь. Только часы, проведенные с нами, приносили ему желанный покой. Но он тотчас забывал об отдыхе, едва мы хлюпали носом или жаловались на головную боль...

«Не пойман — не вор» имел огромный успех. Никому, кроме близких, не известный, Луи де Фюнес без всякой помощи со стороны прессы притягивал толпы зрителей: хватало одного рекламного ролика. Отец уже стал популярен после фильмов «Ах, прекрасные вакханки!», «Папа, мама, служанка и я», «Через Париж». «Не пойман — не вор» закрепил этот успех. Но его тревоги только возросли: он считал, что слава его недолговечна.

Патрик

Когда отец получил в 1957 году роль в картине «Как волосок в супе», самый крупный тогда импресарио Бернхейм пригласил его в свою «конюшню». Отказаться было трудно: все знаменитые актеры были связаны с ним контрактами. Наша хитрющая мама быстро обнаружила, что тот использует ее мужа в виде разменной монеты, ну, в точности как поступают виноделы, предлагающие десять бутылок среднего качества «в нагрузку» к одной из лучших сортов. Бернхейм уступал Луи де Фюнеса продюсеру при условии, что тот возьмет еще двух бездарных актеров.

— Послушай, да он просто издевается над тобой! — взорвалась она однажды. — Пошли его к чертям! Иначе ты всю жизнь будешь сниматься в плохих фильмах в окружении ничтожеств.

— Ты права, малышка! Это настоящий пройдоха. Отныне мои дела будешь вести ты одна.

В результате маме пришлось пережить немало унижений. В 1955 году во время репетиции «Некрасова» в театре Антуана постановщик (404-й «сосыетер» «Комеди Франсез») Жан Мейер постоянно прерывал отца и цеплялся к каждому слову. Из глубины зала моя мать прерывала его:

— Только посмейте, месье, сказать, что мой муж плохой актер!

— Вы сами это сказали!

Родители тотчас покинули театр. После переговоров отец получил от директора театра Симоны Беррио приличные отступные и почувствовал себя свободным. Ни пьеса, ни ее автор Жан-Поль Сартр не нравились ему.

— Он унизил меня прилюдно!

— Напрасно нервничаешь, малышка. Рано или поздно Боженька отомстит за нас!

И действительно, пьеса провалилась. Более того: спустя десять лет уже Жан Мейер умолял отца дать ему маленькую роль в «Разине». И тот согласился.

— Видишь! Вот ты и отмщена! — шепнул он маме на ухо.

В то самое время Эльвира Попеско, возглавлявшая «Театр де Пари», решила предложить Луи де Фюнесу, о котором стали много говорить, роль в пьесе ее любимого автора Анри Бернштейна.

— Послушайте, мадам, мой муж достоин играть на большой сцене! — воскликнула мама, узнав, что спектакль предназначался для малой.

— Вас не спрашивают! Учить меня вздумали? Вопрос решен — он будет играть в малом зале, — ответила дама, внезапно превратившись в солдафона.

Видя, что ее окрик не произвел на маму впечатления, она добавила:

— У вас хоть хватает времени заниматься любовью?

— Можете не беспокоиться на этот счет!

Директриса молча повернулась и вышла из комнаты. Прождав ее некоторое время, мама тоже удалилась.

Спустя десять лет родители отправились на премьеру в этот театр. Широко улыбаясь, Эльвира Попеско встретила их на лестнице.

— Теперь я предлагаю вам большой зал! — с радушным видом сказала она отцу.

Но тот не удостоил ее ответом.

В те годы его партнерами на экране были такие великие актеры, как Фернандель и Мишель Симон, с которыми он раскрывал все новые, неожиданные стороны своего таланта. Однако продюсеры с их косыми взглядами навязывали ему в качестве партнерш огромных полных женщин: по их мнению, так было смешнее. Мама не любила, когда ее мужа ставили в глупое положение. Она внимательно следила за его карьерой и добивалась, чтобы к нему относились в соответствии с его рангом. Так, она настояла, чтобы его перестали называть Фюфю. И для одних он стал господином де Фюнесом, для других — Луи.

Но она не переставала сетовать:

— Луи, надо чтобы твои жены на экране были элегантными и красивыми. На кого ты похож рядом с Жоржеттой Анис и ей подобными? Они прекрасно играют, но обесценивают тебя.

Это замечание оправдало себя в «Оскаре», еще на театральной сцене, в 1959 году. Мария Паком выглядела очень достойно в роли госпожи Барнье. Ее игра придавала иной общественный смысл роли моего отца. Зритель увидел его другими глазами, и с тех пор приключения его героев стали еще забавнее. Так мама сделалась его «свахой» и принялась искать актрису, обладающую хорошими манерами и индивидуальностью.

С Клод Жансак она подружилась в 1952 году во время съемок «Жизни честного человека» Саша Гитри. Клод была замужем за Пьером Монди, и ее очень смущали ухаживания исполнителя главной роли Мишеля Симона, который пытался заручиться поддержкой моих родителей. Со своей стороны и она попросила их о по-

мощи. Все эти маневры вызывали безумный смех на съемочной площадке. Так мама обнаружила редкую жемчужину.

— Вот кто будет твоей женой! — объявила она отцу.

Их содружество началось в 1967 году во время съемок экранизации «Оскара», а затем продолжалось практически во всех картинах. Они выглядели идеальной парой, причудливой и забавной. Клод Жансак никогда не докучала ему капризами и личными неурядицами. Она была, как говорится, отличной подружкой и никогда не мнила себя мадам де Фюнес ни на студии, ни в жизни. Не стараясь бессмысленно тянуть одеяло на себя, она играла просто и легко. Как прежде с Бурвилем, отец расслабился, и его творческие находки стали еще ярче.

3. ПЕРВЫЕ КАНИКУЛЫ В ЗАМКЕ КЛЕРМОН

Оливье

Дорога из Парижа в Нант, где мы проводили часть наших каникул, была долгой. Я приближался к совершеннолетию, и мои воспоминания достаточно ярки, несмотря на прошедшие годы. Нас пригласили к тете Мари, воспитавшей маму после безвременной кончины ее родителей. Замок в стиле Людовика XIII с его 350 окнами возник перед нами после шести часов пути в машине с папой за рулем. Перспектива пожить тут целый месяц делала нас снисходительными к его талантам шофера. Через несколько дней, к его великому огорчению, ему предстояло покинуть нас и отправиться на съемки. Возможность побыть с нами значила для него больше, чем профессия. Но ведь ему надо было зарабатывать на хлеб!

Владения тети примыкали к городку Клермон-сюр-Луар, возвышавшемуся над рекой к востоку от коммуны Селлье. Справа от главного здания замка из розового кирпича и туфа находилась ферма, а слева — огород с оранжереей, ставшей любимым местом отдыха отца, разводившего там цветы. Поднимая клубы пыли, способные скрыть гостей от хозяев при въезде на главную аллею, мы все же успели издали разглядеть статную фигуру тети Мари на крыльце рядом с уже приехавшими родственниками, среди которых была и тетя Жанна. Ритуал, сопровождавший наш приезд, был неизменным: чай и хлеб с вареньем подавались в одном из помещений фасада, откуда открывался дивный вид на Луару и на расположенную рядом оранжерею с ее дурманящими

ароматами и гнездами ос, готовых тотчас бросить против нас свои эскадрильи...

От нас требовался краткий отчет о путешествии. То, что мы добрались до места, несмотря на поломки и ошибочно выбранное направление, было просто чудом. Ничуть не смущаясь, отец красочно и остроумно описывал нашу поездку. В то время еще не было автострад, и мы часто подолгу плутали. Не спуская глаз с карты, мама руководила отцом, который не скрывал отчаяния перед выпавшими на его долю сложностями и упорствовал в своих ошибках с каким-то разрушительным фатализмом.

— Луи, мы пропустили развилку!

— В таком случае я поеду прямо!

— Надо свернуть направо...

— Нет, поеду вперед!

— Послушай, так мы въедем в лес!..

— Плевать! Пересечем всю Францию и вернемся назад!

Через двадцать километров он все-таки спрашивал дорогу у прохожего и делал разворот обратно. Бессонная ночь не облегчала его задачу: словно ребенок перед Рождеством, он так радовался поездке в Клермон, что накануне не мог уснуть. Потешив всех своими признаниями в упрямстве, он начинал расспрашивать о соседях. Не только из уважения к тете Мари: он искренне интересовался здоровьем тех, кто любил фермеров, господина кюре, управляющего поместьем Александра и надеялся завтра же навестить всех.

В течение тех немногих дней, что он проводил здесь с нами, вдали от студий и театра, ему нравилось окружать себя приятными людьми. Благодарный за теплый прием, оказанный ему семьей нашей мамы в те трудные времена, когда он еще играл на рояле в ночных барах, отец платил им тем, что развлекал теток и гостей, вникая в малейшие детали их жизни.

Нас каждый год селили на втором этаже в одних и тех же комнатах с видом на Луару. Вместе со мной отец предвкушал радость от возможности снова увидеть те

места, которые я покинул год назад. Они сохранили те же запахи и то же очарование: чердак с чучелами животных, которых я боялся, бильярдную, кухню с деревянным ледником и плитой, ферму и хлев, конюшню, где стояли две коляски — их запрягали для поездки на деревенский праздник... Мы совершали этот короткий обход, чтобы убедиться в том, что все на месте. Изменился только огород, где мы обнаружили новые грядки горошка и салата-латука. Отец указывал на помидорные и дынные всходы, на малинники, по пути мы срывали несколько инжирин, изгибами которых он любовался на просвет, как винодел, разглядывающий цвет своего вина.

— Как твои отметки в школе, малыш? Ты мне покажешь свой дневник вечером?

А когда я говорил, что мои отметки не блестящи, он отвечал:

— Вот и прекрасно! Завтра в наказание я пойду на рыбалку один.

Подыгрывая ему, я возражал, говорил, что все равно пойду с ним, ибо так хочет мама.

— Завтра утром, — не унимался он, — я прекрасно обойдусь без тебя! Я наловлю огромных рыб! А ты посидишь в своей комнате, считаешь красивые книжки...

Я покатывался со смеху, слушая знакомые мне слова. А он уже разыгрывал, как поймает на свою удочку шестифунтовую щуку. Затыкая ухо, отец демонстрировал тишину, царящую в лодке, делал удивленные глаза при виде рыбы, попавшейся на крючок с наживкой, изображал борьбу с ней, завершившуюся его победой.

Весь вечер я думал о долгожданной минуте, когда встану вместе с отцом в пять утра, представлял, как мы минуем парк с его столетними дубами и доберемся до черно-серых вод Луары, дразня своими удочками окуней и плотву.

Скрип паркета будил меня в нужное время. Открыв дверь своей комнаты, я обнаруживал человека в рыбацких штанах, в высоких сапогах и прорезиненной куртке. Он жестом призывал меня следовать за ним и захо-

дил на цыпочках походкой канатоходца, которая так присуща героям его фильмов. Пока мы шли по извилистой дороге к реке, он предостерегал меня от гадюк, которые прятались под тяжелыми плоскими камнями или могли забраться в лодку. Со всеми предосторожностями мы пересекали железнодорожные пути, проложенные вдоль Луары. Его тревога за мою безопасность с годами только усиливалась.

У Мари, на маленькой ферме, славящейся своим творогом, нас ожидал вкусный завтрак: жареные пирожки и большая кружка кофе. Розовощекая, ростом в метр сорок, Мари Клеман делилась последними деревенскими сплетнями. Обожавший такие истории отец мог слушать ее часами. Его интересовало также, где сейчас самый лучший клёв. Но главное поджидало нас на обратном пути: проживавший на ферме Сержан угощал нас аперитивом. Он эмигрировал из Португалии перед войной и работал на фабрике в нескольких километрах отсюда. Во время бомбежек он так привык прятаться на ферме, что стал ее пожизненным жильцом.

Заранее радуясь предстоящей встрече с ним, мы шли к приготовленной лодке, чтобы на ней пересечь Луару. Это была плоскодонка бутылочного цвета, приблизительно шести метров в длину и водоизмещением в триста кило. Мы торопились переплыть реку, чтобы избежать уже многочисленных тогда поклонников или просто скучающих прохожих.

— Какой сегодня клёв? — спрашивали они.

Операция по загрузке лодки была не простая, ибо течение так и норовило утащить ее от берега. При этом отец, как и в машине, быстро начинал нервничать... Поскольку у меня не хватало сил долго держать ее за цепь, он помогал мне, прежде чем прыгнуть в лодку. Однако нам приходилось снова возвращаться на берег, чтобы погрузить остальное снаряжение.

— Ну вот, опять она норовит уплыть, теперь все пропало! Знаешь что? Вернемся домой, мне не по силам с этим справиться!

Но мы все же кое-как усмиряли лодку и, работая веслами, оказывались на стремнине. Чтобы достичь другого берега, приходилось, выбрав нужное направление, бороться с капризным течением. Настолько капризным, что мы в конце концов редко оказывались в желаемом месте. Самое же трудное заключалось в том, чтобы не столкнуться с проплывавшими по реке баржами.

— Вот эта сейчас на нас налетит, дурень-рулевой нас даже не замечает!

Несмотря на все усилия, лодку сносило в сторону, но в конце концов мы оказывались в тихом, хотя и не предусмотренном заранее месте, где могли закинуть наши удочки. Обеспеченные личинками, червями, прикормом, спиннингами, сачками, свинцовыми грузилами, перьями и пробками, мы могли рассчитывать на потрясающий улов. Увы, стратегия отца оставляла желать лучшего. Его перемещения взад и вперед по берегу производили столько шума, что могли распугать всю рыбу. Потом мы долго ждали, когда начнется клёв. Отец радовался, что может побыть в тишине на лоне природы. Когда удочка ломалась, он с усердием часовщика тщательно чинил ее, а потом сплевывал на пальцы, чтобы усмирить леску, которая норовила улететь по ветру. Время текло медленно, почти нежно. Иногда нам удавалось наловить рыбы на обед для всей семьи. Если же на всех не хватало, мы отдавали свой улов Мари Клеман, которая кормила нескольких жильцов, проживавших у нее со времен войны.

Я обожал поезда и ждал, когда промчится экспресс Париж—Нант, приближение которого мы слышали издалека. Его тянул паровоз марки «Пасифик-231». Стремительно выползая из туннеля, он окутывал харчевню густым облаком дыма, запах которого доносился до нашей лодки.

— Смотри, как мчится! Это что за машина?

Спрашивая, отец давал мне повод просветить его в чем-то.

— Это «Пасифик-231», папа.

— Ты уверен?

— Конечно. У него два колеса впереди, три в центре и одно около тандема.

— Похоже, ты прав! Ты, оказывается, дока, старина!

Разыгрывая незнайку, он часто таким образом давал нам с Патриком возможность блеснуть своими познаниями. Вероятно, это позволило нам, не тяготясь бременем его успехов, выбрать ту профессию, которая подходила больше всего. Он одобрял любую. Шофер автобуса, летчик, врач или скотовод? Все профессии были для него интересными. Чтобы доставить мне удовольствие, он, зная заранее, что проиграет, предлагал пари:

— Спорим, что пролетевший над нами самолет — «каравелла»?

— Нет, это был «Боинг-707».

— Нет, четырехмоторная «каравелла».

— На «каравелле» только два мотора!

— Держу пари на десять франков, что это была «каравелла»!

Мне достаточно было открыть одну из моих книг по авиации, чтобы он признал себя побежденным:

— Ты прав. А я был так уверен. Ладно, получишь шесть франков

— Десять!

— Я не говорил о десяти, я сказал шесть! Ты путаешь шесть с десятью, они звучат похоже.

Как правило, я получал двадцать франков...

Чтобы достичь нашего берега, требовались те же усилия, что и утром. У нас уходило не меньше четверти часа, чтобы добраться до харчевни, и еще столько же, чтобы выгрузить снаряжение. Сержан уже дожидался нас с бутылочкой мюскаде. Этот веселый человек, с рябоватым лицом и крупным носом, на котором сидели сильные очки, весь так и светился ухмылкой. Если бы не его скромность, он мог бы раззвонить повсюду, что смешил, как никто другой, самого Луи де Фюнеса. Любимой темой их бесед было высмеивание хозяев за их отношение к рабочим.

— Здравствуйте, господин де Фюнес! Как рыбалка? — спрашивал он со своим сильным португальским акцентом.

— Отменно, Сержан. Вам же известно, что я хороший рыбак.

— Да, да, знаю. Но я что-то не вижу большого количества рыбы в вашем садке.

— Рыб тут нет, они в другом месте.

— Конечно, конечно, кто бы сомневался.

— Скажите лучше, как поживает ваш хозяин?

— Лучше всех, он в отпуске. Но перед отъездом опять отказал мне в прибавке, которую я прошу три года.

— В прибавке! Но с какой стати? Вы в ней ведь не нуждаетесь!

— Разумеется, но себе-то он в ней не отказал.

— Это нормально. Он управляет крупным предприятием, и ему нужна отличная машина!

— Да, да. Теперь, когда вы меня просветили, я готов поделиться с ним своей зарплатой!

— Скажите, Сержан, вы ловили вчера рыбу?

— Да, и даже поймал большущую щуку!

— Так вот, отдайте ее мне, потому что нам сегодня отчаянно не везло, а вы ведь живете один...

— Я хотел подарить ее хозяину, когда он вернется. Я с утра копчу ее на солнце.

Таким вот образом отец, сам того не сознавая, оттачивал свои взгляды на власть имущих, так потихоньку вызревал его любимый герой. Но он не работал, он забавлялся. Ему нравилось беседовать с простыми людьми. Он чувствовал себя человеком из народа и хотел им остаться навсегда. Встречи с «важными шишками», как он их называл, утомляли его.

Мы возвращались домой западной частью парка, чтобы остановиться перед статуей Девы Марии, которая более века стояла в углублении скалы. Подходя к ней, мы задумывали желания и были уверены, что они непременно исполнятся. Отец взирал на эту гипсовую статую с восторгом первоприсутника. Он вел себя точно

так же, как в церкви на мессе: преклонял колена, не очень, правда, веря тому, что ему диктовала религия, но убежденный, что какая-то божественная сила управляет миром, с которым не может справиться ни один смертный. Он скорее критически относился к верующим, которые, получив отпущение грехов после трижды произнесенного «Отче наш», сразу же бросались пакостить ближнему.

— Ты видел всех этих богомоллов? Пришли молиться за себя самих и ничуть не за других! Едва выйдя из церкви, они сразу начинают цапаться!

Религиозные ритуалы были, однако, частью довольно строгого воспитания, полученного от родителей, которое помогало ему, не ища легких путей, идти своей дорогой. Рядом с замком находилось также распятие, внушавшее ему инстинктивное уважение к святости. Это понятие, вероятно, определяло те границы, через которые он не мог перейти в своей игре: способный изображать не без изящества самых гнусных персонажей, он считал святым делом не касаться души человека, его верований, любви, страдания, отчаяния, но также и великих традиций. Поэтому он восхищался французскими королями, хоть и не очень церемонился с ними. Он также считал, что Иисус был потрясающим человеком.

— Вот кто был крепким орешком, он не боялся вступать в драку! Смелый человек!

По дороге он всегда срывал в парке цветочки для мамы.

— Это тебе, малышка!

Он ждал вечера, чтобы остаться с ней наедине и отправиться на прогулку до поселка Селлье, откуда они возвращались лишь с наступлением темноты.

Вечером в замке отец смешил теток, изображая тех, кого они не любили, или вспоминая годы оккупации:

— Помнится, тот немецкий офицер был очарователен, хорошо одет. Воспитанный, достойный господин...

— Вот именно, Луи, и настолько достойный, что опустошил все погреба, не оставив ни одной бутылки! — подхватывала Мари.

— Согласен, но все равно это был приличный господин. Кстати, я ему об этом однажды сказал.

Жалкие трусишки уже стали его любимыми героями. Он интересовался теми, кто из страха или ради личного благополучия льстил оккупантам. Но он никогда не смог бы сыграть убежденного коллаборациониста.

Несколько дней, проведенных с нами, были наполнены радостью и хорошим настроением. Соседи, нантские друзья, врач, господин аббат — все приходили с визитами, внося оживление в свою скучную провинциальную жизнь. Отец пристально наблюдал за ними, выслушивал, расспрашивал. И постепенно в его голове формировались карикатурные образы разных людей. Он моментально находил в них смешное и делился на другой день с нами своими находками, но, изображая людей, никогда их не высмеивал.

Этот дом не мог сравниться с куда более скромными жилищами, которые он ценил больше всего, но простой образ жизни моих теток заставлял его из любви к маме забыть о величии и знатности этого здания, которое однажды будет принадлежать ему. А потом наступало утро, я видел, как он исчезает в облаках пыли. И у меня сжималось сердце.

Патрик

В 1959 году у тети Мари де Мопассан заболел палец на ноге. Врачи решили, что его необходимо ампутировать. В то время мой отец еще не был настолько знаменит, чтобы позволить себе звонить каждые пять минут в клинику. Он отправил туда дежурить маму. Выйдя из операционной, известный хирург добродушно успокоил ее:

— Ничего страшного, завтра ее можно будет выписать.

Когда спустя несколько дней Мари вернулась домой, ее розовые щеки очень контрастировали с белыми кружевными подушками.

— Как вы себя чувствуете, тетя? Вы хорошо выглядите, — сказал ей отец.

— Превосходно, дорогой Луи. А вот у вас усталый вид. Вы слишком много работаете.

Затем, повернувшись к маме, она добавила:

— Жанна, видишь ту даму на полотне напротив меня, в белом платье с декольте, я застала ее однажды в тот момент, когда усатый господин, склонившись к ней, шуровал в ее корсаже! Я ей крикнула: «Мадам, тут приличный дом! Если так будет продолжаться, я вас выставлю за дверь!»

Мама побледнела. Отец, будучи хорошим актером, ничем себя не выдал. На другой день нейрохирург вынес окончательный диагноз: тетин мозг пострадал от наркоза. Галлюцинации вскоре участились. Ей являлись не Дева Мария или Христос, а гримасничающий сборщик налогов. Приходя на обед в воскресенье, она вместо приветствия говорила отцу:

— Мой бедный Луи, налоги, налоги! Сколько забот! Если б вы знали!

Чтобы отвлечь ее, он изображал этого ненасытного чиновника. Его рука превращалась в язык коровы, которая щиплет траву. Он подносил ее ко рту, с наслаждением что-то поглощая, а потом с довольным видом скрещивал руки на животе. Тетка хохотала до упаду, в точности как впоследствии зрители при виде его мельтешащих рук.

Тетя Мари в конце концов решила уехать в свою очаровательную усадьбу Тибодьер, близ Сомюра, и почила там в 1963 году. Ее похоронили в Алонне, в семейном склепе Мопассанов. Это кладбище, как две капли воды, напоминает кладбище в «Замороженном». Но, отправляясь туда, отец был не таким оживленным, как в фильме, и не суетился! Он не называл свою жену «моя козочка», не надевал кричащих галстуков и не засовывал платок в кармашек пиджака. Эти могилы из серого

или розового гранита, обрамленные керамическими фиолетовыми цветами, не нравились ему. Ему были ближе военные кладбища с тысячами одинаковых белых крестов — он показывал их нам, мальчишкам, возле пляжей в Нормандии, где проходила высадка союзников в 1944 году.

Оливье

Кладбище в Арроманше производило на него сильное впечатление: кресты, выстроенные в ряд на газоне, венчали могилы молодых американских солдат, убитых при высадке десанта... Он даже просил нас позднее поставить над его могилой такой же строгий памятник. Преклоняя колени перед могилами жертв войны, он, наверно, вспоминал брата, погибшего на поле боя. Однако нам он никогда не говорил о нем. Свои глубокие переживания он не выставлял напоказ, вероятно, из присущей ему застенчивости. Эстетика этого кладбища нравилась ему потому, что оно являло современную картину последнего упокоения, когда тело уже не существует, но напоминает без ненужного обожествления о том, что теперь лишь дух этих солдат витает где-то в небесах.

— Как только я отдам концы, быстренько похороните меня, — говорил он. — Не хочу, чтобы на меня смотрели, вот будет ужас!

Патрик

— Сами подумайте! — говорил он. — На заре человечества, когда один человек владел тремя камнями, другой захотел иметь четыре! И так далее. Всегда хочешь иметь больше, чем сосед, то же самое относится к могилам.

Особо сказывались черты его иберийских предков в разговорах о смерти: он часто повторял: «Когда меня не будет». Я не очень обращал на это внимание, чего нельзя сказать о маме.

— Послушай, Луи! Перестань так говорить!

— Но ведь когда-нибудь нам придется разлучиться, такова жизнь!

— Послушай, дай нам спокойно доесть десерт...

Моему дяде Пьеру тоже были не по душе эти намеки, особенно после инфаркта, который случился у отца в 1975 году. Дядя и сам пережил сердечный приступ. Однажды после обеда в Клермоне, взбодренный вином «Шамболь-Мюзиньи», он увидел, что отец делает ему какие-то знаки:

— Пьер! Эй, Пьер!

Его рука рисовала в воздухе нечто идущее от уха к уху под подбородком. По тому, как он потом закрыл глаза, дядя Пьер понял, что тот показывал ему, как подвязывают челюсть мертвецу, чтобы она не отвисла. В заключение отец прошептал:

— Давай же пользоваться жизнью, ведь оглянуться не успеешь, как сыграем в ящик.

Бедный дядюшка едва не поперхнулся пирожным.

— Я люблю гулять по кладбищам, — говорил отец. — Там, по крайней мере, встречаешь молчаливых людей, которые никому не перечат.

Это даже помогало ему находить новые гэги.

— Представляете, памятник, на котором вдова пишет адрес и номер телефона магазина мужа!

«Не забывай, что на кладбище мы будем соседями», — повторял он Жану Карме*, который разводил виноград поблизости, в Сен-Никола-де-Бургей. Они много смеялись по этому поводу. Но не сложилось: отец похоронен в Селлье.

Жители Аллона внезапно обнаружили, что господин, с которым они запросто здоровались, оказывается, знаменитость, которую знала вся Франция. Они стали устраивать в его честь банкеты, праздники, даже шест-

---

* Французский актер (1921—1994), много снимавшийся на вторых ролях и только к концу жизни ставший звездой. Среди наиболее известных его роли в «Спасибо, жизнь», «Высокий блондин в черном ботинке», «Папаши» (все Ива Робера).

вия с мажоретками и лотереи. Можно было ожидать, что все эти празднества будут смущать его. Но своим искренним выражением чувств они выгодно отличались от парижских. В столице люди держат нос по ветру, здесь же его чувствовали простые крестьяне с заскорузлыми пятернями, «трудяги, а не пустобрёхи». Они не относились к нему, как к цирковой обезьяне, не считали чудом, перед которым надо замереть со слезами на глазах. Обожествление в конце концов начинает надоедать. Никакой тяжеловесной фамильярности здесь себе не позволяли, но и излишнюю дистанцию не держали. Разговор шел о зеленом горошке, которым славятся эти места, о разнообразии сортов яблок или груш и, разумеется, о виноделии. Отец уходил с целым ворохом новых шуток. А что делала мама, спросите вы? Она принимала живейшее участие в этих разговорах. Мои родители никогда бы не поженились, если бы не имели на все одинаковых взглядов. Мама была не из тех женщин, которых встречают на званых обедах, высказывающих свое мнение о работе мужей, рассуждающих по поводу учебы детей, их болезней и потенциальной гениальности. Родителей интересовали другие люди. Их дружба с жителями Аллона длилась много лет, ибо была продиктована не обязанностью, а взаимным удовольствием.

Оливье

Всю жизнь мой отец заботился о ближних. В один из новогодних праздников, когда он особенно любил проявлять свою щедрость, началась великая эпоха велосипедов. Сказав в один прекрасный день, что Дед Мороз должен подарить велосипеды всем детям на земле, он поинтересовался у окружающих его людей: садовника, сторожей и деревенских ремесленников, — есть ли у их детей велосипеды. И вот 24 декабря новенькие велосипеды были доставлены счастливым избранныкам. Но его подарки не всегда производили желаемый эффект. Некоторые воспринимали их как унижение, как подачки богача беднякам.

Причуда с велосипедами длилась несколько лет, уступив затем место цветным телевизорам. У «других» был черно-белый? Надо, чтобы все непременно воспользовались прогрессом и видели синее море, зеленые деревья, красные машины. Маме пришлось притормозить его порыв, ибо он обзавелся таким запасом телевизоров, какой можно увидеть только в магазине электротоваров. Позднее благодаря его щедрости я смог часто менять марки мотоциклов. С 18 лет я увлекся этими быстроходными машинами и сумел без труда убедить родителей, что вполне способен без опасности для жизни управлять ими. Лишь много позднее я узнал, как они дрожали от страха, зная, что я мчусь со скоростью 180 километров в час из Парижа в Нант! Когда я, весь покрытый пылью, возвращался из своего опасного путешествия, отец неизменно поджидал меня в главном дворе замка. А потом, убедившись, что я цел и невредим, спрашивал:

— Ты быстро ехал? Не слишком ли большое движение было на дороге? Твой мотоцикл в порядке? Во всяком случае, выглядит он отлично. Похож на акулу. Пойду-ка нарву спаржи на вечер. Ты ведь любишь спаржу, мой самый маленький?

Это блюдо к моему приезду мама заправляла соусом с эстрагоном.

Чтобы уговорить отца подарить мне новую марку «акулы», я заговаривал о новых тормозных системах, безупречном состоянии дорог и своем умении легко обогнать транспорт.

— Хорошо, что на этой модели поставили дисковые тормоза!

— В самом деле? Дисковые тормоза — это отлично! А дорогу содержат в порядке?

— Конечно! Бордюры выкрасили очень ярко.

Очень быстро наш разговор приобретал характер скетча:

— Разумеется, новая марка стоит значительно дороже?

— Разумеется.

— Разумеется! Гм... Рождество не за горами?

— Разумеется.

— Я полагаю, заказать надо побыстрее?

— Лучше бы прямо завтра. Иначе нам может не достаться.

— Разумеется! Скажи-ка, а ты не морочишь мне голову?

Он готов был расхохотаться, и я знал, что дело в шляпе. Теперь достаточно было призвать маму и изложить ей мои аргументы. Несмотря на то что я никогда этим не злоупотреблял и уж никак не пытался затащить его к продавцу, дело быстро кончалось заключением сделки.

4. ПАПЕ ОСТАЛОСЬ ТОЛЬКО СЫГРАТЬ В «ОСКАРЕ»

Патрик

В 1959 году братья Карсенти связались с отцом, чтобы пригласить принять участие в организуемых ими гастроях.

— Я всегда мечтал сыграть «Скупого», — признался он им.

— Роль Гарпагона вам подходит идеально. Но Мольер не для нашего зрителя... Вы что-нибудь слышали об «Оскаре»?

— Ничего.

— И неудивительно. Когда его сыграли в театре «Атене» с Пьером Монди и Жан-Полем Бельмондо, он с треском провалился. Вам предлагается главная роль. Прочитайте пьесу и позвоните.

— Они не клюнули на «Скупого», — разочарованно рассказывал отец маме. — Им хочется, чтобы я сыграл в каком-то «Оскаре», который однажды с треском провалился.

Но на завтра он повеселел:

— Дети мои, этот «Оскар» работает, как мотор «феррари». В пьесе все выверено до миллиметра!

Я услышал, как прыскала от смеха мама, когда он рассказывал ей, что собирается вытворять на сцене.

Уже после первых представлений пьеса имела огромный успех. На всем протяжении гастролей публика валом валила на спектакль. Зрители захлебывались от смеха. Элегантная Мария Паком была неотразима. Молодой Ги Бертиль удивлял своими находками.

На рождественские каникулы мы с Оливье отправились с мамой в Марсель. После восьми часов в поезде мы наконец увидели встречавшего нас на перроне вокзала Сен-Шарль отца.

— Как доехали? Какой красивый поезд этот «Мистраль»! Представляете, он развивает скорость до ста сорока километров в час. Локомотив, кажется, побил мировой рекорд!

Тогда он еще не мог себе позволить попросить машиниста показать ему свою кабину, чтобы получить необходимые пояснения.

В тот же вечер я познакомился с орущим и жестикулирующим, перепутавшим чемоданы героем пьесы Бертраном Барнье. Я хохотал, совершенно позабыв, что этот человек — мой отец.

На другой день после Нового года мы с Оливье уезжали обратно в Париж. По мере приближения нашего отъезда родители все сильнее нервничали. Особенно отец, которого страшил первый в его жизни полет в Тунис через Средиземное море на двухпалубном самолете «бреге дё пон». Их поцелуи на вокзале напоминали прощание навсегда. Но все обошлось. Отец победил свой страх. После посадки он позвонил нам в полном восторге от двухэтажного самолета, который с такой легкостью взмывал в небо. Их гастроли закончились в Алжире и Марокко, и домой они вернулись на сверхсовременном «суперконстелейшн». Отец дал автографы на меню всему экипажу и, в свою очередь, попросил автографы у них!

Париж остался глух к благожелательным откликам об этих гастролях. Начались трудные времена. Звонки раздавались редко... Отцу предлагали лишь второстепенные роли в фильмах, эпизоды (например, в «Капитане Фракассе»). Потом продюсер Жан-Жак Виталь решил возобновить «Оскара» в театре «Порт-Сен-Мартен». Вопреки ожиданиям, родители, особенно мама, не были в восторге от этого предложения.

— Знаешь, пьеса, однажды провалившаяся на премьере в Париже, обречена заранее.

— Возможно, но мне так хочется играть, что я готов рискнуть.

— Послушай, Луи, в случае провала твоей карьере придет конец. Тебе останутся только третьестепенные роли. Да еще неизвестно, получишь ли ты их!

Они говорили об этом днем, ночью, утром... Через несколько дней в столовой, когда я корпел над латынью, родители в сотый раз обсуждали одно и то же:

— А если я соглашусь?

— Нет, дорогой! Это слишком рискованно!

— Послушайте! — вмешался я. — Раз папе так хочется, пусть играет «Оскара»! Мне эта пьеса нравится!

Отец ничего не ответил. Во время ужина разговор вращался вокруг моей приболевшей морской свинки.

— Ну хватит. Раз Патрик за, я буду играть в этой пьесе, — сказал он маме перед сном.

Великие решения принимаются подчас совершенно случайно! Начались репетиции. Утром перед премьерой у отца был вид приговоренного к казни. На другой день о Луи де Фюнесе говорил весь Париж. В его уборной толпились самые разные люди — министры и знаменитые актеры, врачи при галстуках, господа с орденскими розетками и парижские салонные шаркуны — все они внезапно вспыхнули симпатией к этому актеру, о котором еще накануне никто из них слыхом не слыхал.

— Перед поднятием занавеса я не желаю знать, есть ли в зале мои знакомые, — предупреждал он. — Совершенно бессознательно я стану играть лишь для них одних.

Мама сговаривалась с друзьями, прося их хранить тайну. После спектакля все они оказывались в его артистической уборной.

Однажды костюмерша по глупости ляпнула ему, что Патрик с двумя приятелями сидит в третьем ряду партера.

Катастрофа! Каждый раз, уходя со сцены, он говорил маме: «Я никогда так плохо не играл!»

Мы же ничего не заметили, даже наоборот. Как-то вечером публика вела себя на удивление вяло. Ни смешка. Пришлось отцу поинтересоваться:

— Что происходит? В зале президент Республики или кто-то еще? — спросил он при очередном уходе за кулисы.

— Ничуть! Все места забронировали продавцы дамского белья!

На другой день он поделился с нами:

— В конце концов я их расшевелил, но пришлось потрудиться! Невольно вспоминаю, что произошло однажды с Робером (Дери) и Колетт (Броссе). Как называется курортное местечко для кишечных больных в Оверни?

— Шательгийон. А что?

— Уму непостижимо, как они доиграли спектакль. Зрители то и дело выходили в туалет, а когда возвращались, все шепотом спрашивали, как они справили нужду. Им тихо аплодировали, если все проходило гладко...

Оливье

Я тогда достиг возраста, позволявшего сопровождать по субботам маму в театр. В этот день отец разрешал себе после спектакля отужинать в ресторане. В 21 час нас уже поджидало заказанное «радиотакси». Проезжая по улицам, мы слушали громкие переговоры шофера с диспетчером. «Дом 23 по улице Скриба», «Дом 92 авеню Оперы»... «Красный 56-й по улице Скриба». Мне хотелось стать таксистом!

Через служебный вход мы поднимались по узкой лестнице в коридор с гримуборными. Во время представления туда смутно доносились взрывы смеха. Казалось, они исходят откуда-то из нереального мира, существующего лишь во время представления. Когда мы открывали маленькую дверь, на которой было написано «Луи де Фюнес», нас ослепляли яркие лампы вокруг зеркала с прикрепленными к нему поздравительными телеграм-

мами: «Спасибо за смех», «Я позабыла все свои заботы...», «Луи, ты потрясающий актер!»

Мама вешала сухую сорочку на лакированную вешалку. После сражения на ней окажется его мокрый от пота сценический костюм. Казалось, эта маленькая комната хранила секреты всех побывавших здесь актеров. Ни одна самая прекрасная картина не могла бы лучше украсить эти дурно выкрашенные стены, чем тени знаменитых актеров, переодевавшихся тут на протяжении многих лет. Именно в этой комнате отец старательно готовился к выходу на сцену. Гримируясь, он повторял свой текст, потом, вытянувшись на полчаса на кушетке, старался прогнать ненужные мысли и победить страх, который неизменно охватывал его перед спектаклем. Страх необходим, говорил он, чтобы преодолеть самого себя.

Затем мы отправлялись в тесные кулисы, заполненные проводами и декорациями. На сцене тем временем страсти достигали апогея. Чемоданы оказывались перепутаны, любовник не был больше любовником, его место занял шофер. Мой отец играл безумие, а зрители стонали от восторга. Я прислушивался к звукам, доносившимся со сцены. Реплики словно зависали на некоторое время в складках красного бархатного занавеса, чтобы быть лучше понятыми. В сторонке дремал пожарный. Актеры покидали сцену, потом появлялись на ней снова. Так я познавал мир театра.

Я смеялся каждый вечер все сильнее, обнаруживая новые и новые находки господина Барнье. Текст пьесы я знал наизусть и мог оценить, насколько удачны импровизации отца, новые паузы, которые он придумывал, вдохновляясь реакцией публики. Обнаружив нас во время короткого ухода за кулисы, он возвращался на сцену, чтобы с еще большим подъемом сыграть финал. Как только выдерживала сцена его козлиные прыжки? Как не задыхались зрители от смеха? Подобно сыну боксера, присутствующему на мировом чемпионате, я волновался за него, восхищался им, оценивал его феноменальный талант. Наконец занавес опускался. Отец

выглядел счастливым, но совершенно измотанным. Как истинный чемпион мира, он всего себя отдавал победе. Уставший от затраченных усилий, с серым лицом, он рассказывал нам, что ему удалось, а что не удалось в этот вечер, но быстро приободрился при мысли, что осчастливит нас и себя тем, в чем себе отказывал всю неделю, — ужином в ресторане. Подписав множество автографов, мы садились в такси и ехали на вокзал Сен-Лазар. «К «Пивному королю», пожалуйста!»

По прибытии мы первым делом выпивали по кружке холодного пива. Вторая подавалась к ужину. Мы заказывали тушеную капусту или эскалоп по-милански, а под конец пили отменный кофе. Зал был полон, но мало кто узнавал отца. То были последние часы, когда он мог себя чувствовать спокойно в общественном месте. Позднее я часто слышал от него:

— Помнишь пивную? Как славно было тогда!

Уверенные, что получают хорошие чаевые, официанты отлично обслуживали нас. Отец считал, что восходящая слава требовала от него проявления щедрости. Поэтому ему случалось заказывать дорогие блюда, хотя он бы с удовольствием ограничился более скромной едой.

— Я не могу себе позволить заказать салат. Закажу-ка фуагра, — говорил он.

Или:

— Я уже сыт, но придется заказать десерт.

Воскресенье было злосчастливым днем: «Оскара» играли утром и вечером. У отца было лишь три часа, чтобы прийти в себя после первого спектакля. Он так вопил при виде чемодана, из которого вываливаются не банкноты, а бюстгальтеры, что начисто лишался голоса, обрести который снова ему помогал только приготовленный мамой чай с медом. Я боялся, что у него не хватит сил играть вечером, так он был бледен. Тогда он объяснял мне, какой магической силой обладает театр:

— Мне действительно не хочется возвращаться, я измочален и чувствую, что буду не в силах играть. Но

к счастью, оказавшись на сцене, я снова становлюсь господином Барнье! И может быть, сыграю лучше, чем утром.

Для отца перемена адреса никогда не становилась предлогом начать жизнь на широкую ногу. Его заботили лишь наше самочувствие и успехи в учебе. Когда позднее доходы позволили ему вести более роскошную жизнь, он сожалел, что не живет больше на улице Мобеж или улице Рима, хотя все равно избегал пышности и претензий на новом месте. Несмотря на то что шум на улице Рима мешал всем нам, он находил там после очередного марафонского забега необходимый покой.

Четыре из шести окон нашей квартиры выходили на железную дорогу, по которой мчались поезда на запад. Это начиналось в шесть утра и заканчивалось в половине двенадцатого. По ночам мы слышали гудки «пасификов», дремавших в депо. Их бурлящие котлы посылали нам свои стоны. Спасительный свисток, вырывавшийся из клапана, пробуждал нас от сна, после чего эти звери возобновляли свои глухие и регулярные стенания. Мы наслаждались новой квартирой, живя в ритме отправления поездов в Гавр, Шербур или Кан. После переезда на улицу Рима с ее грохотом поездов, к которому мы постепенно привыкли, отец успокоился относительно нашего комфорта. Пережив поэтапно все послевоенные трудности, он научился ценить то, что мы имели. Он даже стыдился этого и до конца жизни считал, что другие заслуживали лучшей жизни в не меньшей мере. Теперь его беспокоили лишь наши школьные успехи. По совету друга семьи мы с Патриком оказались в коллеже Сен-Барб, от которого нас отделяли двенадцать остановок автобуса. Отца волновали эти поездки. Он не переставал думать о наших позвоночниках под грузом десятикилограммовых ранцев, о том, что нас могут похитить, или о неприятных встречах по дороге.

Мы прожили на улице Рима два года, до выпускных экзаменов брата в 1962 году. После того как меня отчислили за нарушения дисциплины, я был помещен в дру-

гое, не менее скучное католическое заведение Сент-Мари де Монсо, но теперь путь в школу стал короче. Выбор родителей был продиктован не столько религиозными убеждениями, сколько практичностью: новый коллеж находился в двух шагах от нашего нового дома.

Патрик

На улице Рима моя комната быстро превратилась в курятник. Я установил электрический инкубатор, куда помещал великолепные яйца исландских кур, которых разводил в нашем поместье в Аллюэ. Их следовало переворачивать одно за другим два раза в день, смачивать и главное — следить за ртутным термометром. Малейший перегрев мог оказаться роковым. По счастью, отец большую часть дня отдыхал в пижаме на постели, чтобы собраться и «зарядить себя энергией» перед тем, как отправиться играть «Оскара». Ему не составляло труда следить за тем, чтобы температура не превышала 39 градусов, в противном случае надо было крутить ручку нагрева в обратную сторону. Потом в течение часа он не спускал глаз с ртутного столбика. На двадцать первый день в ожидании появления цыплят в квартире ощущалось заметное напряжение. Отец звонил из театра, чтобы узнать, начались ли «роды». В субботу цыплят помещали в коробку из-под обуви и мама отвозила нас в Аллюэ в своей малолитражке.

Оливье

Малолитражка была в то время нашей семейной машиной. Приходилось пользоваться тормозным башмаком, чтобы остановить машину на подъеме и на спуске. Однажды мама позабыла об этом, и машина завершила пробег пятьюдесятью метрами ниже, упершись в ворота чужого гаража. «Мне стоило такого труда раздобыть этот башмак, — сказал ей отец. — Придется порыскать на всех барахолках, чтобы найти другой!»

Такой уж он был человек!

Патрик

Наш деревенский домик одиноко стоял на опушке леса на склоне большого земельного участка. Поскольку нас не раз грабили, мы тщательно запирались на ночь. Отец приезжал к нам после спектакля. Он спускался по аллее с револьвером в руке, как в гангстерском фильме, а нам велел никогда не встречать его. Он очень рисковал, имея оружие, — шла война в Алжире, теракты ОАС следовали один за другим, и полицейские патрули появлялись повсюду. Однажды ночью его задержали. Разыграв сценку, он сумел отвлечь внимание полицейского, который мог обнаружить револьвер, спрятанный под платком в бардачке... Дом был буквально нашпигован маленькими пушками, стрелявшими холостыми снарядами, на случай, если бы кто-то попробовал влезть в окна. Только отец умел их отключать. В его отсутствие мы жили с закрытыми ставнями. Потом он заменил эту систему более современной сигнализацией. Выключавшее ее устройство находилось снаружи, за пустыми бутылками, которые надлежало убрать, прежде чем вставить ключ в скважину. Пару раз, нагруженный пакетами, он забывал выключить эту систему, и поднимался вой, как при воздушной тревоге. Заткнув уши, он тотчас выскакивал на двор, разбрасывая и разбивая по пути бутылки. Но, вспомнив, что оставил ключ в машине, первый начинал хохотать, ругаясь на чем свет стоит.

Через месяц после того, как была установлена эта система, мама неожиданно приехала за его костюмом. Он так потел на «Оскаре», что переодеваться приходилось трижды. Довольная успехом пьесы, мама напевала, спускаясь по аллее, когда включился сигнал тревоги. Замерев на месте и увидев, что часть крыши разобрана, она, как в триллере, со всех ног бросилась к машине и с большим трудом сумела ее завести. Когда жандармы вошли в дом, воры уже дали дёру, основательно обчистив помещение.

— Вам надо благодарить мужа, — сказали они ей. — Не будь сигнала, вы бы столкнулись с ними, и одному Богу известно, что бы с вами произошло.

После этого случая отец сразу же продал дом.

Оливье

Когда родители решили купить дом у моря, отец остановил свой выбор на Довиле. Это может показаться странным: он всегда сторонился светского общества, особенно тех мест, где люди кичатся друг перед другом. Но я убежден, что в этом не было никакого снобизма. В 1961 году родители купили маленький дом по соседству с ипподромом. Они его отремонтировали и сделали пристройку для занятий брата. Дом именовался «Санта Мария де Ортигера», по названию деревни, где родилась бабушка. Улица называлась Окар-де-Тюрто. Таким образом, наш почтовый адрес занимал много места: «Луи де Фюнес де Галарца, Санта Мария де Ортигера по улице Окар-де-Тюрто, Довиль». Тут мы проводили каникулы. Приезжать каждый год на прежнее место очень нравилось отцу, который не любил путешествий. Только съемки принуждали его отправляться на далекие расстояния, скажем в Нью-Йорк, ради картины «Жандарм в Нью-Йорке». Плавание через океан на лайнере «Франция», небоскребы и возвращение в «Боинге-707» были его лучшими воспоминаниями. Но отдыхать он чаще всего отправлялся с мамой в Венецию: здесь вся красота мира была в двух часах полета от Парижа.

Несмотря на растущую популярность, прогулки по городу еще были вполне возможны. Надев серую кепку, он сопровождал нас на пляж и участвовал в ловле креветок, забрасывая длинную сеть на глазах нескольких поклонников, которые сзывали других, чтобы получить автограф.

Именно в это время я впервые загордился, чувствуя себя сыном знаменитого человека. Однако родители всегда решительно сдерживали наши с Патриком претензии. Основное в нашем воспитании заключалось,

как мне кажется, в следующем: мы могли заниматься чем угодно, но никогда не задирать нос. Они нас баловали, но мы должны были сознавать это и не злоупотреблять их добротой. Признаюсь, я часто испытывал удовольствие от того, что ношу свою фамилию, но старался не козырять этим и понимал, что мои личные достоинства не имеют к ней никакого отношения. Конечно, тот факт, что я сын Луи де Фюнеса, время от времени кружил мне голову. Приятно пользоваться привилегиями, которые дает громкое имя. Я помню день, когда впервые это оценил. Это было в шестидесятые годы во время поездки с отцом в машине. Разогнавшись на автостраде, он решил обогнать здоровенный фургон, заехав на хорошо видную желтую разделительную полосу. На его несчастье, это заметил полицейский-мотоциклист.

— Здравствуйте, месье, национальная жандармерия!

Всегда вежливый, отец решил разыграть святую простоту.

— Вы пересекли желтую линию, обгоняя грузовик, — продолжал полицейский.

— Вы ошибаетесь, это не я!

Реплика жандарма, который, конечно, узнал отца, была достойна прозвучать в одном из его фильмов:

— Вы правы! Это я ошибся! Я не разглядел. Теперь, после ваших слов, я понимаю, что это случилось вчера... Проезжайте и извините меня!

Не все жандармы обладали таким чувством юмора, но и впоследствии я часто пользовался их снисходительностью.

— Не станете же вы составлять протокол на сына старшего сержанта Крюшо!

Но знал я и людей, которые, вставая в позу защитников равенства, доказывали свой демократизм не в мою пользу. Так, во время военной службы в казарме Монлюсон ротный сразу поставил точки над «i»:

— Вот что, де Фюнес. Вам тут не кино. Мы не играем комедию. Вы начнете с того, что будете чистить туалеты всю неделю!

Сей милейший военный был наказан за дискриминацию полковником, которому я пожаловался на другой день. Спустя несколько недель он дал мне увольнительную вне очереди, чтобы я встретился с его дочерью на субботнем балу.

Короткие каникулы в Нормандии позволяли отцу пожить семейной жизнью, которой он был лишен из-за своих постоянных отлучек на съемки. Он отдыхал в заботах о нас. Посещение ресторанов и ловля тунца в Турке позволяли ему забывать о профессии. Он любил отвозить маму поболтать с супругой Фернана Леду*, которая держала антикварную лавочку в Вилервиле, между Довилем и Онфлером. Затем они все вместе пили чай. Сосьетер «Комеди Франсез» с 1931 года, великий актер, рассказывал о театре и вспоминал счастливые времена, когда они с отцом снимались в фильме «Папа, мама, служанка и я» и его продолжении «Папа, мама, моя жена и я» и много говорили о Луи Жуве**, которого оба знали и высоко ценили.

Во время наших прогулок мы добирались до Байе, где отец заказал одному столяру десертный столик под цвет знаменитого ковра.

Довиль был тем редким местом, где он поддерживал отношения с коллегами. Надо сказать, что это было неизбежно в столь маленьком городке: несколько ресторанов, казино и кинотеатр — вот и все места, где можно было развлечься по вечерам. Особенно памятны наши встречи с Фернаном Рейно. Как в настоящем поединке;

---

* Французский актер (1877—1993), много снимавшийся еще до войны («Вечерние посетители» М. Карне); самые известные роли послевоенного периода сыграл в комедиях «Папа, мама, служанка и я», «Папа, мама, жена и я» и в «Отверженных» — все Ж.-П. Ле Шануа.

** Французский актер (1887—1954), получивший большую известность после роли Актера в фильме Жана Ренуара «На дне» по Горькому; сыграл также в фильмах «Северный отель» и «Странная драма» М. Карне.

нам на радость, они состязались в остроумии. Вот когда я понял, в чем заключается власть смешного и какой нужен талант, чтобы ею должным образом пользоваться. Так я постигал, какими замечательными людьми они оба были. Рейно часто приходил, чтобы поговорить о профессии, но особенно поделиться заботами, которые были насущными и для отца: о будущем детей. «Как нам поступить с нашими малышами?» Эти размышления привели нас на курсы математики и латыни два раза в неделю в лицее Трувиля, дабы обогатить познания и обеспечить необходимыми для определенного успеха в жизни дипломами.

Фернан Рейно приезжал на роскошной машине, кремовой, обитой внутри красной кожей, или в черной, обитой внутри бежевой кожей, которую он ставил рядом с нашей куда менее заметной, марки «версай» белой, с зеленым верхом. Отец восхищался этими огромными лимузинами, но купить такой же не намеревался. Во-первых, из-за отсутствия средств и еще потому, что считал их чересчур бросающимися в глаза. Машины не имели для него значения, и если он их менял, то лишь под влиянием друзей, которые нахваливали устойчивость на дорогах, тормоза, толщину кузова или надежность мотора других марок.

Отец пользовался отпуском, чтобы набраться впечатлений, наблюдая за людьми на пляже, в ресторане, в казино, которыми затем он делился с нами. Он никогда не скучал, даже там, где ему не нравилось. Этот фешенебельный курортный город позволял ему наблюдать за самыми разными человеческими типами. Свои впечатления он записывал в блокнот.

— Человек, входя в ресторан, знает, что на него смотрят: он выпрямляется, выпячивает грудь и громко говорит. В казино они ходят лишь для того, чтобы себя показать. Прежде чем войти, им надо убедиться, что их заметили, — говорил отец.

Где бы он теперь ни появлялся, особым интересом у него пользовались сильные мира сего. Шикарные заведения стали источником новых находок, но он не

любил там задерживаться... Когда мы шли в ресторан, он выбирал простенькую закусочную, где подавали скромные блюда, а вокруг сидели простые люди. Если, на свое несчастье, он был зван в места для снобов, то с самого утра начинал капризничать и портил нам весь день.

— Придется вечером нарядиться обезьяной! К тому же они рассчитывают, что я стану их потешать!

И все-таки он любил этот цветущий город, где так нравилось жить его жене и детям. К тому же и до сельской местности было недалеко.

5. ПОБЕДНЫЙ ВАЛЬС

Патрик

Приближались летние каникулы 1961 года. Успех «Оскара» не ослабевал. Директор «Порт-Сен-Мартен» поговаривал о том, чтобы возобновить представления в октябре. Уставший от спектаклей отец не имел ни времени, ни сил, чтобы ухаживать за своим садом. Грядки с капустой и морковью заросли одуванчиками и крапивой. Он опасался, что персонаж Бертрана Барнье прилипнет к нему намертво и придется возиться с чемоданами на сцене всю жизнь. Решив больше не играть «Оскара», он потихоньку подписал контракты на фильмы «Джентльмен из Эпсома» и «Столкновения».

Однажды из-за снежной бури супруги Дери застряли в одном из аэропортов США. Чтобы как-то убить время, Робер наблюдал за поведением таможенников. Он хохотал над их надменностью и назойливыми придирками к пассажирам. Вот кто был достоин внимания Луи де Фюнеса! Как было бы здорово натянуть на него их форменное кепи и поместить в ревю с танцовщицами на музыку Жерара Кальви!

Он бросился на почту и отправил в театр телеграмму следующего содержания: «Имею для тебя пьесу».

— Еще одно поздравление! — решил, увидев синий конверт, директор театра, в котором играл в «Оскаре» отец. И тотчас позвонил в его артистическую.

— Прочтите, пожалуйста, — попросил тот.

Вот тогда-то бедняга понял, что все его планы на начало нового сезона могут быть порушены.

Сюжет «Большого вальса» тоже был связан с чемоданами, но на сей раз только с одним, огромным, занимавшим почти всю сцену. Когда-то отцу уже пришлось сделать несколько танцевальных па в фильме «Ах, прекрасные вакханки!». Удачно справившись с пассодоблем в «Такси, тележке и корриде», он понимал, что тот танец не шел ни в какое сравнение с севилианой, которую ему предстояло исполнить на сей раз. Все лето Колетт вместе с испанскими танцорами репетировала с ним. Но больше всего он был озабочен механизмом чемодана, который открывался из-за кулис с помощью тросов, имевших противное свойство запутываться. Упаси Бог назвать их веревками, ибо это слово, как и зеленый цвет, по старому театральному суеверию якобы приносит несчастье. Тот, кто их ненароком произнесет, должен угостить всю труппу аперитивом. В конце каждой недели отец забавлялся, прикидываясь рассеянным:

— Почему веревка валяется на сцене? Какое у тебя красивое зеленое платье, Колетт!

Эта игра доставляла особую радость рабочим сцены и осветителям — они так и слышали хлопки пробок, вылетающих из бутылок с шампанским.

Действие «Большого вальса» происходило в большом аэропорту. Приятель Робера, командир самолета в компании «Эр Франс», приходил иногда на репетиции, чтобы высказать свое мнение. Отец, еще не забывший свой перелет через Средиземное море, донимал его вопросами о его «Боинге-707». Польщенный пилот предложил ему посетить один из них на стоянке в ангаре аэропорта Орли.

Не мешкая, в одно прекрасное октябрьское утро, родители, Оливье и я прибыли заблаговременно в указанное место, где происходит смена экипажей. Стоявший как раз напротив бегов в Лоншане, наш «ДС-19» поблескивал под осенним солнцем. Отец пребывал в большом волнении.

— Дети мои, не забывайте обращаться к нему «командир»! Не волнуйтесь, он очень простой человек. Вы

никогда не поверите, что он способен поднять на воздух такую махину!

Мама, куда более раскованная, любовалась пожелтевшей листвой на деревьях. Мы же с Оливье как раз пытались определить простейшие марки самолетов, способные, по словам отца, взлетать и садиться, когда рядом с нами притормозила красная «альфа-ромео» с открытым верхом. Смахивающий на Дина Мартина* мужчина с седыми висками и в защитных очках приветствовал нас кивком головы и предложил ехать следом за ним. Сев за руль своей желто-лимонной машины, отец послушно выполнил этот приказ.

— Ты видел, какая у него машина, папа? Шестицилиндровая! Она стоит целое состояние!

В те благословенные времена никто не опасался террористов: сторож открыл ворота и мы припарковались прямо под хвостом самолета. Получив общие сведения, мы поднялись по трапу и вошли в хвостовую часть. В салоне еще не убрали, на полу валялись обрывки бумаги и прочий мусор. Отвратительный запах рвоты, смешанный с запахом духов командира, вызывал тошноту.

— О-ля-ля! — воскликнул отец, попав в кабину пилота. — Как вы разбираетесь во всех этих кнопках? Я бы потерял голову!

Он чувствовал себя сейчас в полной безопасности, ведь все происходило на стоянке в ангаре, а не в ожидании взлета.

— До свидания, капитан! — сказала на прощание наша мама.

Отец не хотел, чтобы я присутствовал на генеральной репетиции «Большого вальса».

— В зале будут зрители, не заплатившие ни сантима. Они придут лишь для того, чтобы себя показать. Подождите настоящего зрителя, который приобрел билеты.

---

* Американский певец и актер (1914—1995), известный у нас по фильмам «Рио-Браво» Г. Хоукса и «Аэропорт» Дж. Ситона.

Его герой, таможенник Руссель, был встречен с большим одобрением. Все светские особы, которых отец недолюбливал, стоя аплодировали ему. На другой день всесильный критик Жан-Жак Готье разразился дифирамбами:

«Луи де Фюнес — это нечто! Феноменально ритмичный, живчик, полный энергии и задора, он достигает грандиозного результата, оставаясь уморительно-забавным в своем шутовстве. Перед вами актер, обладающий поразительным комическим даром».

Но отцу, чтобы рассеять страхи, требовалось нечто большее. Каждый час он звонил кассирше театра «Варьете», выпрашивая, как раскупаются билеты. Только услышав, что она не успевает продавать, он наконец успокоился. В своем мастерстве отец достиг зрелости. Робер предсказывал ему, что он станет одним из великих французских актеров. Это предсказание начинало сбываться.

Присущие его прежним героям выражения и поведение достаточно накопились в его памяти. Теперь он мог прибегнуть к ним в любой момент, чтобы сделать характеры новых персонажей более отточенными, внося изменения по своему усмотрению, дабы придать им — тому же таможеннику, жандарму, хозяину ресторана — универсальный характер... В нашей повседневной жизни он обрел беспечность, от которой лицо его так и лучилось. Это можно заметить в его тогдашних интервью.

Отец не забывал данного жене обещания — обеспечить ей тот образ жизни, от которого она отказалась ради него. Однажды утром, в день, когда «Большой вальс» не играли, они отправились под руку пройтись по парку Монсо и остановились перед частным особняком Мопассанов, который после войны превратился в офисное здание.

— Нам ведь неплохо живется на улице Рима, — сказал он.

— А я не буду счастлива до тех пор, пока из моего окна не увижу это, — в тон ему пошутила мама, указав рукой на деревья парка.

Предложив ей пройтись вверх по аллее и остановившись метрах в пятидесяти дальше, перед зажиточным домом, он показал ей на большой балкон и произнес:

— Теперь ты сможешь любоваться этим видом! Я дарю тебе здесь квартиру.

Новые соседи по улице Монсо узнали о нашем переезде по вою тотчас установленной сигнализации. Они, впрочем, были снисходительны к нам, за исключением тех случаев, когда наш безродный пес набрасывался на йоркширов, маленьких породистых собачек, которых сжимали в объятиях дамы в роскошных манто. В девять вечера согбенный пожилой сторож открывал тяжелые ворота, чтобы пропустить нашу машину. Он рассказывал, что эта работа по ночам позволяет ему днем заботиться о больной матери. Отцу было неловко беспокоить его своими поздними возвращениями из театра, и он неизменно давал ему приличные чаевые. А узнав, что старая дама гриппует, не ограничивался одной купюрой.

— Вы наверняка устаете, — сочувствовал он ему.

— Я держусь лишь благодаря соку сельдерея, господин де Фюнес. Вам тоже стоит выпивать по утрам большой стакан этого сока.

Совет не был пропущен мимо ушей. На другой день мама купила соковыжималку, и клубни магического растения стали прибывать в огромном количестве. Отец добросовестно пил это неудобоваримое пойло.

В один прекрасный день сторож по-тихому исчез. Только тогда мы узнали, что его мать умерла сорок лет назад! Отец добродушно посмеялся:

— Этот свин сумел недурно разыграть меня! Вот кто настоящий актер!

Но теперь он уже куда более трезво оценивал столь же вонючую, сколь и бесполезную микстуру, в которую имел глупость поверить.

Все складывалось как нельзя лучше, но работы было невпроворот. «Большой вальс» делал полные сборы. Я был вознагражден за свои успехи на выпускных экзаменах черным «фольксвагеном» и нередко заезжал за ро-

дителями после спектакля, прихватывая и супругов Дери, когда мы отправлялись поужинать в ресторан на площади Клиши. Зажатый между мамой и Колетт, отец то и дело давал мне советы:

— Ты гонишь слишком быстро! Посмотри налево! Осторожно!

Робер на своем «месте смертника» разыгрывал испуг, сползая с сиденья. Мастер розыгрышей, он рыдал, обливаясь самыми настоящими слезами страха. В ресторан мы входили, корчась от хохота.

В течение некоторого времени мне, однако, не пришлось возить всю эту веселую компанию. Робер вступился за актера Мишеля Модо, которого отец отчитал слишком резко, когда тот неосторожно заметил:

— Луи, у тебя что-то голова пухнет от успеха!

На другой день таможенник Руссель, обхватив голову руками, жестами показывал, как она у него распухает, повторяя тем самым трюк с носом в «Оскаре». Она становилась такой тяжелой в ходе дальнейших спектаклей, что все больше клонилась к полу. Шутка имела огромный успех, и под общий хохот все помирились. Таким образом, я снова стал их постоянным шофером.

6. ОТЕЦ ОБУЧАЕТ МЕНЯ ПРОФЕССИИ

Оливье

За время его карьеры — которая и сегодня вызывает столько толков — я слышал много неправды о характере отца и его отношениях с коллегами. Колюш стал тому свидетелем во время съемок картины «Крылышко и ножка». Нашлись люди, которые пророчили ему трудные дни рядом с этим стервецом, который, мол, уж постарается, чтобы партнера всегда снимали со спины.

— Мне говорили, — рассказывал он, — «Сам убедишься, как непросто сниматься с де Фюнесом, он никому не уступит место звезды». Так вот, могу тебя заверить, что этот милейший человек, который всячески помогал мне проявить свои способности, потребовал, чтобы мое имя было написано на афише тем же шрифтом, что и его. Можешь сам в этом убедиться!

Некоторые ошибочные суждения объясняются вымыслом журналистов, меньше всего озабоченных тем, чтобы донести правду. Биографии отца из-за отсутствия добросовестных воспоминаний наполнены нелестными шаблонами. Сам он никогда не рассказывал о своей жизни или актерской технике, в его редких выступлениях речь шла о фильмах и только о них. Поэтому я хочу рассказать о моем отце-актере, опираясь на воспоминания, которые позволят его лучше понять.

В 1965 году он предложил мне сыграть несколько маленьких ролей в своих картинах, снимавшихся во время летних каникул. Он никогда ничего мне не навязывал, но считал, что воспользоваться такой возможностью не помешает. То, что я был сыном Луи де Фюнеса,

облегчало задачу. Мне не пришлось клянчить роли, и я мог пользоваться бесценными советами отца. Мне часто говорили: «Очень трудно сделать себе имя, будучи сыном такого-то». Я так не думаю. Майкл Дуглас, Клод Брассер, Венсан Кассель, Шарлотта Гензбур и многие другие доказали обратное. Их фамилии позволили им заключить первые контракты, а полученные от родителей советы помогли избежать многих ошибок. Неизбежные и, разумеется, неприятные сравнения продолжались недолго. Талант был налицо, и зритель охотно принял их, забыв о том, кто их отец или мать. Некоторые дети актеров не преуспели, потому что слишком верили в наследственность таланта и не прилагали сил, чтобы добиться успеха. Лично я достаточно сомневался в своих способностях, чтобы в конце концов выбрать другой путь. Решив пойти по стопам отца, ты невольно ставишь перед собой более высокую планку. Он научил меня главному — не лукавить, знать себе цену и не слишком принимать себя всерьез.

— Другие актеры так и ждут, что ты споткнешься на повороте, но, если проявишь себя хорошо, можешь понравиться публике. Истинный судья — зритель! — утверждал он.

Однажды я разговаривал с другом, пансионером «Комеди Франсез», о трудностях, которые подстерегают молодежь на пути к успеху. Мы согласились, что не достаточно окончить актерские курсы и вступить в небольшую провинциальную театральную труппу, чтобы на тебя там однажды обратили внимание. Не имея тех возможностей, которыми располагал я, этот актер решил сначала поучиться в Парижской консерватории драматического искусства, чтобы затем пробиться в Дом Мольера, как называют во Франции театр «Комеди Франсез». Я имею в виду Бруно Пютцюлю.

Первый опыт съемок в 15 лет у меня связан с фильмом «Фантомас разбушевался», а конец моей «карьере» в 22 года положил спектакль «Оскар» в театре «Палей-Рояль». Шесть фильмов, в которых я снялся за эти годы, позволили мне осознать поджидавшие меня труд-

ности. Мне очень нравилось играть в комедии, но полученный опыт принес больше страхов, чем радостей. А ведь я был обласкан режиссерами и главное — отцом, который всегда меня поддерживал. Мне не пришлось трепетать перед теми, кто принимает решение: им ведь совсем не улыбалось осложнить отношения с человеком, который притягивал миллионы зрителей.

Первый съемочный день. Я начинаю постигать азы профессии. Луи — я называю его так, ведь он сейчас мой партнер, — конечно, старается в каждой сцене помочь мне побороть страх, рассказывая анекдоты и всячески ободряя. Так, впрочем, он помогал всем актерам.

— Ну вот теперь все куда лучше, ты сыграл правдивее!

Он не перестает потешаться над теми, кто принимает себя слишком всерьез:

— Смотри на меня, перед тобой великий актер! Все глаза будут устремлены только на меня! Я вырежу все крупные планы других, чтобы остались только мои. Ведь я самый знаменитый актер в мире!

Свои лучшие уроки я получил из его откровенных рассказов о профессии. Никогда не считая, что достиг вершины, он часто говорил о том, что иной раз приходится пересматривать свои достижения, а также рассуждал о стремлении к совершенству, которое считал для себя обязательным, дабы добиться пресловутой правдивости, способной вызвать смех.

В день боевого крещения во второй серии «Фантомаса» я вхожу в студию «Булонь-Бианкур» через артистический вход. У меня своя уборная, где меня гримируют. Я обедаю в студийном ресторане: это самый приятный момент, ибо до сих пор я проходил туда по приглашению. Теперь у меня свое место, как у настоящих актеров, с которыми я здороваюсь, обмениваюсь шутками. Благодаря моей фамилии я имею доступ в кружок известных лиц, приветствующих меня громким и уважительным «Здравствуйте!». Я пытаюсь разыгрывать при этом непринужденность, присущую знаменитостям. То, что мне предстоит играть с Луи де Фюнесом, меня несколько не смущает. Зато общение на съемочной площадке с Жаном

Маре и Милен Демонжо буквально парализует. К счастью, они терпеливы и милы со мной, что помогает мне побороть робость. Во время первой сцены в спальном вагоне я должен открыть дверь в купе и сказать нежно целующейся парочке, что одной любовью не проживешь, пора, мол, идти обедать.

— Сыграть это совсем не просто, — говорит мне Луи. — Произносить банальные реплики, не будучи участником главного действия, ужасно трудно. Тебе следует, прежде чем открыть дверь, придумать какую-нибудь историю. Скажем, что ты уже долгое время смотришь на часы и начинаешь терять терпение или просто ревнуешь. Надо найти оправдание своему поведению. Иначе ты лишь пробубнишь свой текст!

Он рассказывает, как в начале карьеры снимался в пробах. Играть при этом правдиво было самой трудной задачей:

— «Мадам, кушать подано!» Вот и все, что от меня требовалось. Постучать, открыть дверь и сказать это. Что оказалось совсем не просто. Приходилось включать воображение. Например, что дверь скрипит и я ищу причину этого скрипа. Внезапно перехватываю удивленные взгляды моих партнеров, ожидающих, когда же я произнесу свою реплику. Тогда я разыгрываю растерянность, а это придает моим словам более точное звучание!

Приемы, которым учит меня Луи, отличаются от уроков на актерских курсах, однако он советует мне овладеть такими основами техники, как дикция и сценическое движение, то есть тем, чем сам никогда не пренебрегает. Каждый день я слышу, как он повторяет свой текст, прижав карандаш к краешку губы: «Вы... вы... смеетесь надо мной... Фили-и-ипп!» Такая требовательность к себе появилась у него после работы в театре.

— Люди платят за билеты, так что все должны меня слышать, даже те, кто сидит на галерке!

После сдачи экзамена на бакалавра отец намерен записать меня на старейшие в Париже актерские курсы Рене Симона, чтобы я овладел техникой сценического

поведения. Его уважение к зрителю мне представляется основой его успехов.

— Это он, зритель, меня кормит, поэтому я обязан дать ему то, чего он от меня ожидает!

Отправляясь утром на студию, я вижу, как счастлив отец, рассчитывая найти «нечто такое», что превратит простую сцену в жемчужину всего фильма. Он уверен, что сумеет повеселиться. Вчерашний день забыт. Он чувствует себя заново родившимся, как и перед каждым представлением в театре.

Сразу же закипает работа. Мы расходимся по своим гримерным. Его одержимое желание во всем добиваться совершенства проявляется и в желании быть вовремя на гриме.

— Никакой болтовни в коридорах, иначе мы опоздаем!

Он всегда пунктуален, то есть приходит заблаговременно. Сеанс перевоплощения подчас бывает трудным, например, когда приходится играть двойника комиссара. То есть быть Жювом, не будучи им: для этого ему добавляют морщин на подбородке и на шее, покрывают крахмалом веки. Он пользуется этим временем, чтобы разузнать, что болтают о фильме, комментируя слухи с присущим ему юмором. Но беспокойство уже овладело им.

Повторяя про себя текст роли, он стремится придать бровям движения, присущие знакомым ему персонажам комикса, добиваясь совершенства в том, что можно усовершенствовать. Он обдумывает свои сцены, чтобы они прозвучали более выразительно, чтобы и партнеры выглядели в наилучшем виде, — словом, весь погружен в работу. Затем, надев свое кепи, закутавшись в широкий плащ от сквозняков и в неизменных темных очках, чтобы ничто не отвлекало его, он направляется по длинным студийным коридорам в павильон. Отец страдал слабыми голосовыми связками и неизменно кутался в плащ, носил кепи или шерстяной шлем. Ему часто случалось оставаться без голоса.

По дороге Луи заставляет меня повторить мой текст.

— Все хорошо. Не беспокойся, все получится. Андре (Юннебель) будет руководить тобой рукой мастера.

В павильоне отец снимает очки. Лицо его проясняется. Оказавшись среди своих, он шутит, здороваясь со всеми рабочими. Ему очень дорога их реакция: они помогают ему понять, сколь удачна его игра. Услышав их смех после каждого дубля, он успокаивается. Ему всегда нужен зритель. Это не лицедейство: он просто убежден, что его лучшие придумки могут появиться только в доброжелательной обстановке.

— Мы очень забавляемся в съемочной группе, это так помогает в поисках новых находок! — говорит он.

В одном интервью Эдуар Молинаро очень тактично упоминает о некоторых стычках с отцом во время экранизации «Оскара» в 1967 году. Будучи режиссером талантливый, но строгим, он не поощрял комические эскапады отца. Ни он, ни его группа не смеялись после очередного дубля. Такое отсутствие отклика очень мешало актеру: ведь все эти хорошо знакомые эффекты он уже использовал на сцене во время многих представлений. Он даже критиковал режиссера, хоть тот и снял в конце концов превосходный фильм. Отец считал отсутствие восторгов на съемке тормозом для своего творчества. Он не любил, когда его ограничивали в этом процессе, и был безжалостен к себе как на репетициях, так и при просмотре отснятого материала — чем никогда не манкировал.

— Я хочу убедиться, что сохранен ритм снятых сцен. Это трудно понять, пока они не смонтированы и нет музыки, но я все равно могу заметить пробуксовку действия. А это может повлиять на успех картины.

И часто настаивал:

— Надо переснять! У меня невыразительный взгляд, это не годится!

После того как установлен контакт с группой, пора стать серьезным, ибо близится начало съемки первого плана. Отец успевает еще поработать с актерами. Проводит мини-репетиции в сторонке от занятых своим шумным делом людей, дабы найти верный тон сцене и предложить несколько своих придумок.

— Будет очень смешно, если у тебя внезапно заболит голова и ты перестанешь меня слушать.

Или:

— А тут ты начинаешь говорить, словно генерал де Голль.

Или еще:

— Да, именно так! Ты его хорошо играешь, просто замечательно!

Подобно Жану Габену, который сказал в одном интервью: «Я люблю актеров! Они молодчаги!», отец своими коллегами тоже восторгался, неизменно переживал за них, интересовался их трудностями, их местом на афише. Иногда он добавлял сцену, чтобы обогатить маленькую роль, желая, чтобы всех его партнеров считали актерами первого плана.

Оказавшись в перегретой прожекторами декорации, он ориентируется, организуя движения, как летчик высшего пилотажа во время акробатического полета. Тихо повторяет свой текст, стараясь не мешать гримерше поправлять грим, а затем внимательно выслушивает указания режиссера. Он всегда тщательно одет, ибо стремится выглядеть элегантно.

— Чтобы заставить людей смеяться, нет надобности надевать короткие штанишки и смешную шляпу. Все зависит от взгляда, от поведения.

На нем хорошо сшитый костюм, не слишком кричащей расцветки галстук, отглаженная сорочка, и он неизменно проверяет, все ли на нем безупречно.

— Если есть пылинка на пиджаке, люди только это и заметят.

Отец вспоминает театр, где нет помрежей, обязанных следить за деталями одежды. Его Жюв не должен выглядеть ряженым: его следует принимать всерьез, как настоящего комиссара жандармерии, чтобы еще больше удивляться нелепым поступкам.

Когда Андре Юннебель обращается к нему, он выслушивает его, как ученик учителя.

— Очень важно, когда тобой хорошо руководят. Только режиссер имеет возможность видеть фильм целиком,

тогда как мы, бедные актеры, всего лишь играем сцену за сценой. И еще: только он способен ободрить, внушить нам веру в себя.

В этих словах я вижу всю хрупкость профессии актера, который нуждается в том, чтобы его направляли, дабы он мог лучше использовать свои придумки. Позднее он часто говорил мне о своем желании сняться у Романа Полански, с которым однажды обедал в отеле «Плаза Атене». Их взаимное уважение могло обернуться плодотворным сотрудничеством, если бы не личные проблемы, которые долго мешали этому великому режиссеру работать в кино.

— С ним мы бы сняли нечто иное! Помнишь его филигранную работу на картине «Бал вампиров»?

Как только в павильоне все готово к съемке, начинается репетиция. Луи не играет в полную силу. Произнося негромко текст, он проигрывает сцену. В этом заключается специфика комического актера, который боится заштамповаться и потерять непосредственность, а также не хочет, чтобы о нем судили поспешно по первому дублю.

— Надо всегда предупреждать, что ты не будешь смешить, иначе в тебя так и вопьются глазами! Мне хорошо было бы иметь в своем распоряжении два маленьких флажка: зеленый — смешно и красный — не смешно!

Когда звучит команда «Мотор! Начали!», я поражаюсь естественности актеров. Сам я не могу произнести, не зажимаясь, и двух слов! Но эти «священные чудовища» не хотят, чтобы люди подумали, будто все им дается просто. Отцу подчас трудно найти верный тон. Ему требуются иногда десять—пятнадцать дублей, пока он не скажет: «Мне кажется, этот дубль лучший!»

Это не нравится Жану Маре, который считает первый же дубль лучшим. Тогда арбитром выступает режиссер:

— Успокойся, Жанно! Ты сыграл хорошо. Сделаем еще один дубль для Луи!

В других случаях уже первый дубль был хорош для Луи, но не для Жана... Я не разбираюсь в этом, ибо нахожу все дубли отменными. В этот первый приход на

студию меня поражает, сколько времени приходится ожидать актерам, пока ставят свет. Луи усаживается на свой складной стульчик, надевает солнечные очки, оставаясь молчаливым и собранным, лишь иногда спрашивая: «Готово? Можно снимать?»

Спокойствие отца поражает меня. Его дублера для установки света зовут Фабр. Я так никогда и не узнал его имени. Этого маленького и печального человека, который долгие часы мучился под лучами прожекторов, каждую минуту передвигаясь на несколько сантиметров по требованию оператора, все называют по фамилии — Фабр. Он работает дублером де Фюнеса тридцать лет. Постепенно я постигаю механику создания фильма. Я никак не ожидал, что отец разбирается в технических тонкостях, а между тем он их знает наизусть: значение света, звука, обратной съемки, панорамы, голоса за кадром.

— Видишь ли, если свет излишне освещает профиль, любой кривой зуб во рту может превратиться в черную дыру!

Когда вечером мы возвращаемся домой, он всячески меня поощряет, успокаивает. Я чувствую, как он счастлив, что я работаю вместе с ним.

— Я доволен отснятым материалом. Ты хорошо сыграл. Все заметят твои широко раскрытые голубые глаза! Ты больше не смотришь в пол!

Вскоре мы отправляемся в Неаполь, чтобы снять натуру на вершине Везувия. Летим на «каравелле». Это мое воздушное крещение. Отцу очень нравится самолет, он подробно объясняет мне, какая у него скорость при взлете, при полете и при посадке. С гордостью говорит, какие мужественные и умелые люди пилоты. А потом вытягивается в своем кресле, вцепившись руками в подлокотники. Потому что не очень уверен, что все пройдет гладко, хотя не перестает повторять: «Теперь ты убедился, какая мощь в моторах!»

Родители любят Италию: в этой стране, по их мнению, во всем чувствуется хороший вкус.

— От памятника до простой скатерти — здесь все так красиво!

Во время этой поездки я впервые живу в роскошных отелях, о которых до сих пор не имел понятия, ибо каникулы мы проводим в деревне или в нашем домике в Довиле. Постепенно привыкаю к ночным съемкам, к трудным часам работы, долгим ожиданиям. Мы используем их, чтобы воздать должное местной кухне. Наконец-то Луи де Фюнес может запросто войти в ресторан или выпить кружку пива на террасе, не боясь толпы поклонников... Эти праздники обернутся для нас по возвращении несколькими килограммами лишнего веса!

Съемки на Везувии довольно сложные. Каждый день нам приходится взбираться по горной тропинке в клубах дыма. Запах лавы проникает в легкие, доставка аппаратуры занимает кучу времени. Видя, что я приближаюсь к кратеру вулкана, чтобы помочь ассистенту оператора, родители пугаются, что я могу поскользнуться и упасть. Несмотря на все трудности, Луи играет так же азартно и правдиво, как на студии. Чтобы разрядить обстановку, он даже шутит:

— Знаете, Милен, с вашей внешностью вы никогда не выйдете замуж, имейте в виду!

Милен Демонжо смеется, понимая, что он ее подругески дразнит. Но дни кажутся долгими и утомительными, нам все время мешают тучи и ветер. Ради четырех минут на экране Андре Юннебель предусмотрел пять съемочных дней.

Добравшись вечером до отеля, мы начинаем готовиться к ужину. И тут оказывается, что у отца нет нужного галстука!

— Это не тот! Нужен другой, голубой, где он? Придется идти в пижаме!

Мама безуспешно убеждает его, что бежевый галстук ему подойдет лучше. Он еще пуще нервничает:

— Я хочу голубой! В этом я похож на шута!

Открыв ящики шкафа, он вываливает из них содержимое, перебирает рубашки и пуловеры... Напрасный труд — галстука нет!

— Все, в ресторан не идем, поедим в номере, тут галстук мне не понадобится!

Через несколько минут мы входим в ресторан. Отец в бежевом галстуке... Подобные вспышки по мелочам у него всегда были связаны с бытовыми трудностями: с одеждой, машиной, пробками на дорогах. Повседневные неприятности раздражали его. Сильнее всего он злился, помнится, когда дарил маме электрический нож или кухонный комбайн. Битый час длилось чтение инструкции по применению, сопровождаемое бранью в адрес автора:

— Какой идиот ее написал! Ничего понять нельзя! Придется прочесть заново!

Переход к практике выглядел еще хуже. Он нервничал и так нажимал на одну из кнопок, что ломал ее. Десятки комбайнов находили таким образом последнее пристанище в нашей кладовке.

К счастью, ужин возвращает ему улыбку. Принятие пищи должно стать праздником, особенно в ресторане, и особенно в Италии. Перечисление официантом блюд приводит его в восторг, и он повторяет за ним с невообразимым акцентом: «Бистекка алла фиорентина! О-о-о!»

За ужином мы обсуждаем предстоящую прогулку по улицам Неаполя или поездку на Капри. Он пользуется этими свободными минутами, чтобы принадлежать только нам: ни слова о работе.

Мы часто ужинаем с супругами Динам. Отец высоко ценит Жака (Бертрана в «Фантомасах»), это простой человек, его старый приятель. Вообще-то он мало с кем соглашается поужинать. Малейшая расчетливость со стороны собеседника, малейший непонятный ему намек или претенциозность в общении лишают его всякого желания разделить с ними приятные минуты.

Патрик

Жак Динам, Ги Гроссо и Мишель Модо составляли «ближний круг»: их верная дружба успокаивала отца. Они были членами его кинематографической семьи. В перерывах между двумя дублями, не теряя собранности, он мог свободно пошутить с ними. Макс Монтавон был

его талисманом. Отец просто не мог не поручить ему хоть маленькую роль в своем фильме: надзирателя в «Фантомас разбушевался», метрдотеля в «Фантомас против Скотленд-Ярда», флейтиста в «Большом ресторане»*, учителя в «Больших каникулах», аптекаря в «Жандарме и жандарметках». Макс мог приходить к нам в гости, когда хотел, никогда не забывал про наши дни рождения, звонил почти ежедневно. Он знал все про всех, но не позволял себе, к удовольствию отца, никакой скабрёзности. Если же он допускал какие-то вольности, следовало неизменное:

— Передаю трубку Патрику!

Отец знал, что я люблю слухи с сальным привкусом, которые Макс рассказывал мне, не допуская, впрочем, никакой вульгарности. Незадолго до ухода отца он умер от астмы. На похоронах родители встретили всех членов его семьи, с которыми не были знакомы. Направляясь к выходу, отец заметил одинокого господина, прятавшегося за колонной.

— Давай-ка поздороваемся с ним! Наверняка это друг Макса! — прошептал он маме.

И не ошибся! В этом проявился весь его характер с внезапными, хотя и обдуманными порывами: я уверен, например, что еще во время заупокойной мессы он знал, что встретит этого человека, и был готов прилюдно выразить свою симпатию тому, кто на протяжении многих лет делил жизнь с его другом.

---

* В российском прокате шел под названием «Ресторан господина Септима».

7. ПОСЛЕ РЫВКА

Патрик

Цветение каштанов в парке Монсо вызывало чихание у мамы, а шелест их листья и воркование голубей убаюкивали отца, проводившего много времени в большой кровати, сделанной по рисунку Жака Коломбье. Его ночной столик был настоящей свалкой! Первое, что бросалось в глаза, — настольная книга отца, толстенный «Дневник» Жюля Ренара. Его желтая обложка была наполовину разодрана, смята и напоминала старинный пергамент. Чтобы достать его, отцу приходилось перекидывать на другое место «Мемуары» Сен-Симона и «Характеры» Ла Брьюера. Он совершенно намеренно никогда не дочитывал книги до конца.

— Я не хочу стать излишне образованным человеком, зритель это почувствует, — объяснял отец.

Меня поражает точность и прозорливость его выбора. Многие актеры имеют обыкновение рассуждать и высказывать свое, часто пустопорожнее, мнение по поводу политики или нищеты мира: таких в конце концов уже не хочется видеть на экране.

Я делился с ним впечатлениями от прочитанного и подчеркивал заинтересовавшие меня места. Так, позднее я познакомил его с книгой Рене Фалле «Капустный суп», которую он решил экранизировать в 1981 году.

Перед сном отец ставил рядом три будильника, позволяющие ему вычислить среднее, самое точное, время. Здесь же он раскладывал необходимые ему драже от кашля, которые не следовало путать с вынутыми из коробки розовыми шариками, напоминавшими вишни на торте, — ушными затычками, которые он долго разми-

нал пальцами, прежде чем использовать по назначению. После чего приступал к ноздрям: закапывал с помощью старой пипетки маслянистую жидкость и несколько раз громко сморкался. Это был неизменный ритуал, который, по его мнению, помогал ему справиться с искривленной носовой перегородкой.

После таких приготовлений ко сну оставалось только надеть черный наглазник. Но опасные пощипывания в горле подчас мешали ему полностью расслабиться. Тогда приходилось приподнимать ужасную черную повязку, чтобы проглотить несколько драже. А так как потом он долго не мог заснуть, то вытаскивал из нижнего ящика ночного столика, изначально предназначенного для горшка, большой черный портативный радиоприемник, весивший минимум четыре килограмма и способный, по его словам, ловить все станции мира. Чтобы не разбудить маму, он вытаскивал из ушей затычки, надевал большие наушники и начинал крутить ручку в поисках информации: сначала на английском, чтобы освоить этот язык, но так как понимал одно слово из трех, то переключался на испанские станции.

Каждую ночь я слышал, как он на цыпочках идет проверить, выключен ли газ и хорошо ли заперты все окна, на обратном пути останавливаясь у моей двери, дабы убедиться, что у меня все в порядке. В мои 20 лет я все же не мог внезапно умереть, как грудной ребенок! Если бы тогда существовало кабельное и спутниковое телевидение, убежден, он бы просиживал ночами перед экраном телевизора. Ему удавалось находить счастье как в лучшем, так и в худшем.

— Лулу, зачем ты смотришь все эти глупости? — огорчалась мама.

— Мне интересно! Я учусь тому, чего не надо делать. А я добавлял:

— Ты глотаешь столько драже, что закончишь жизнь диабетиком!

Он всегда увлекался американскими сериалами. Много лет спустя, после просмотра «Коломбо», «Кожак» и особенно «Интриги в Белом доме» с Робертом Во-

оном и Джейсоном Робардсом, он говорил, что они сняты так же тщательно, как и фильмы для кино, и что все актеры играют отменно.

То, что происходило по другую сторону маленького экрана, интересовало его куда меньше.

— Если какой-нибудь журналист пригласит меня на передачу, я стану для него лишь источником заработка. Ему важна только его карьера. Он хочет блистать один. И в самый неподходящий момент подсунет глупый вопрос. Только Мишель Дрюккер* работает достойно.

Такая подозрительность приводила к тому, что в своих интервью он предпочитал говорить о природе, о божьих коровках и черенках, чтобы помешать журналистам задавать свои излюбленные вопросы.

Наш сосед сверху имел скверную привычку будить маму в шесть часов утра, принимая ванну. Ей было хорошо слышно, как течет вода по трубам. Потом родителей начал беспокоить, как им казалось, запах эфира. Отец обследовал балкон и окна, где обнаружил на диком плюще, увивавшем дом, какие-то желтые потеки. И убедил себя, что эти люди подпольно изготавливают наркотик. Я не мог этому поверить: соседям было за восемьдесят!

Однажды утром меня разбудили вопли. Отец, который всячески старался не бросаться в глаза, подчас удивлял нас своими выходками. На глазах посетителей парка, в одной пижаме, он жестами и криками старался привлечь внимание к окнам над нами. Обычно не терпевший грубого слова, он позволил себе отпустить на этот раз несколько довольно крепких выражений. И пока его жертва дрожала за занавесками, все остальные соседи наслаждались спектаклем. Я чуть не умер от смеха, когда он закончил свои инвективы громогласным: «Какая мерзкая личность!»

---

* Один из самых знаменитых французских шоуменов и телеведущих (р. 1942), ведущий популярного ток-шоу «Елисейские Поля» и др. Автор романа «Телесеть», экранизированного для Второго канала ТВ Парижа режиссерами Жаком Кирснером и Клодом Фаральдо.

8. ВСЕГДА УДИВЛЯТЬ ЗРИТЕЛЯ

Оливье

Первые профессиональные шаги на актерском поприще доставляли мне столько удовольствия, что я решил провести очередные каникулы при свете софитов. В 1966 году меня пригласили сыграть поставщика в «Большом ресторане». Фильм снимался Жаком Бенаром в естественных декорациях ресторана «Ледуайен». Вагончики, размещившиеся на газонах Елисейских Полей, были артистическими уборными. Ресторан окружали студийные грузовики, а кормились мы в фургоне — все очень ценили эту актерскую столовку. Как и Габен, Делон и Бельмондо, отец требовал, чтобы в контракте был предусмотрен такой фургон. Хотя сценарий страдал многими недостатками, продюсер добился подписи Луи де Фюнеса, рассчитывая, что выдумки отца смогут его улучшить. Его опыт выступлений в ночных барах во время оккупации имел некоторое отношение к этой незатейливой истории, над которой Луи теперь работал каждый день. Он вспоминал сложные отношения между хозяевами и служащими ресторана, их изворотливость, дурное обращение друг с другом, доносы, низость... Короче, все то, что клиентам неизвестно, вернее, о чем они предпочитают не знать. Каждое утро он просыпался с новыми идеями.

— Я придумал, что один из официантов будет бесконечно повторять: «Боже мой!!!» Мне нравятся обиженные люди, они очень смешные! Перепелки подгорели: Боже мой! Как жарко: Боже мой! Вы уволены: Боже мой!

Нравы большого ресторана очень похожи на театральный спектакль. Наверное, именно это пробуждало в нем творческое воображение, как уже было во времена «Оскара» на подмостках.

— Ресторанная жизнь — непочатый край ситуаций. В них участвуют на низшей ступени официанты — мелкая сошка, шеф-повар, метрдотель и патрон — хозяйка жизни, ну и, конечно, клиенты! Есть еще пианист, которого никто не слушает, об этом я мог бы многое рассказать!

Такое замкнутое общество очень интересовало его. Давление тут оказывается без помех и свидетелей. Тем, кто сопротивляется, грозит увольнение, у патрона в руках вся власть, старшие мучают подчиненных, которые думают лишь о том, чтобы донести на других подчиненных, а те, в свою очередь, ждут своего часа, чтобы отомстить им, и т. д. Такие своеобразные кулисы его манили.

В «Большом ресторане» у меня очень мало сцен. Главная длится две минуты. Но чтобы снять ее, я не спал четыре ночи подряд! Остальные сцены — скорее массовочные, но я присутствовал на всех съемках, чтобы поучиться профессии.

— Побольше наблюдай, так ты всему научишься, — советовал мне Луи. — Интересуйся техникой, светом и звуком, это тебе поможет в дальнейшем. Понимаешь, если бы я не обращал внимания на свет, то никогда бы зритель не увидел мои глаза или они были бы блекло-голубые. Операторам наплевать на твои глаза!

Приступаю к моей самой длинной сцене. Она происходит на кухне рядом с шеф-поваром, которого играет Рауль Дельфос. Он защищает меня от Септима — Луи. Внушительная фигура повара мешает ему продолжать свои наскоки. После двух-трех репетиций у Луи возникает новая идея. Надо прибавить рост Раулю, поставив его на табуретку и сделав еще более импозантным.

— Тем самым меня еще более напугает его угроза вклеить затрещину! Рядом с ним я буду выглядеть маленькой козявкой!

Образ представляется ему более важным, чем текст: не случайно он всегда мечтал сняться в немом фильме. Когда мы жили в Клермоне, отец показывал нам комедии с участием Лоурела и Харди или Чаплина. Он купил все их фильмы на узкой пленке и любил демонстрировать по вечерам после ужина в специально оборудованной для этого бильярдной. Установка аппаратуры, в частности бобин на проекторе, не всегда проходила гладко... В течение получаса мы слышали лишь его ворчание:

— Окаянный проектор! Все время рвет пленку. Какой-то негодяй продал мне его. Ну вот, опять обрыв!

Ни в коем случае нельзя было приходиться ему на помощь.

— Ну конечно, ты же во всем разбираешься, ты ведь знаток по части проекторов! Ну-ка, загляни внутрь! Нет, я справлюсь сам, так будет лучше!

Иногда мы уже теряли надежду увидеть фильм. Тем не менее, нанеся несколько ударов кулаком по корпусу и покрутив отверткой, он добивался того, что на экране наконец появлялись исцарапанные титры картины... Он настолько хорошо знал эти шедевры, что нам было трудно следить за интригой, ибо он заранее сообщал очередной потрясающий гэг.

Его анализ комической игры Лоурела и Харди был чрезвычайно полезен для меня, начинающего актера.

— Они большие молодцы! Видел? С ними постоянно происходят невероятные катастрофы, которые не вызывали бы смеха, если бы были плохо сыграны. Понимаешь, парень, которому выливают на голову ведро воды, никого бы не рассмешил, если бы актеры не сыграли неотразимо эту сцену. Трагическое событие они проживают с большим достоинством. Незначительным событиям, которые предшествуют драме, добавляют необычную окраску и тем самым подготавливают к тому, что случится самое худшее. Падая, человек может сильно ушибиться. Основа эпизода, стало быть, носит драматический характер. Уморительно видеть, как при этом сразу куда-то пропадает человеческое достоинство. Когда ты идешь, то, по крайней мере, отдаешь отчет в своих

действиях. И вдруг — трахтарарах! Достоинство пропало, оно полностью позабыто. Но если это случится с ребенком или стариком, никто не засмеется! Чтобы падение вызвало смех, надо сначала увидеть, как некоторое время человек идет с сознанием своей значительности. Если закольцевать пленку с этой сценой и крутить ее несколько раз, она будет выглядеть еще смешнее, ибо зритель успеет обратить внимание на то, что предшествует падению. Лоурел заставляет нас догадываться о неизбежности катастрофы, ибо ведет себя весьма самодовольно. Он спокоен, уверен в себе, искренен. А Харди барабанит по столу в ожидании неизбежного. Чем трагичнее ситуация, тем большей сдержанности требует игра, дабы избежать малейшей вульгарности. Я говорю не о языке, а о необходимости сохранять дистанцию. В повседневной реальности всегда есть что-то гадкое.

Одна из самых трудных сцен в «Большом ресторане» происходит за столиком немцев. В сценарии Септим должен был просто произносить названия французских блюд с немецким акцентом. Но для Луи этого недостаточно, он считает это банальным и лишенным комического эффекта. А ведь он сам принимал участие в написании сценария, хотя теперь упрекает Жака Бенара: тот, мол, слишком строго следует ему, надо найти что-то другое. «Нет, так не годится, это не смешно!»

К вящему огорчению режиссера, он усаживается в свое кресло, и съемка прерывается. Вспоминая минуты, когда он так замыкался, некоторые называли его занудой. Ведь было куда проще сыграть, следуя по им самим написанному сценарию: время на студии обходится дорого!

— Известно, что успех фильма зависит от меня. Если он провалится, всё свалят на меня. Публика ждет чего-то иного, чем простой трюк! Она приходит, чтобы посмеяться!

Отец ищет совершенства, то есть того, чего меньше всего ожидают от комического актера, от забавника. Впрочем, одно его имя уже обеспечивает успех фильму... Сегодня у него плохое настроение. Помалкивает.

Солнечные очки скрывают глаза, но я догадываюсь, какое беспокойство в них: ему явно все надоело!

Никто не способен поколебать его решение. Жаку так и не удастся убедить его снять сцену. Возвращаясь домой, мы чувствуем себя провалившимися на экзамене. Настроение у него — хуже некуда! Он хочет, чтобы я разделил его поражение. «Все пропало! Мы снимем жалкий фильм. Просто ужасно, когда не хватает выдумки!»

Он быстро приходит в отчаяние, но вечер, проведенный в семье, и хороший сон помогают ему справиться со своими страхами. На другой день он снова в прекрасной форме.

— Мне еще вчера пришла в голову отличная мысль, но я не хотел ею делиться с ними. Было бы слишком просто услышать: «Луи, у тебя есть идея? Потрясающе!» Еще бы! Пусть лучше сами потрудятся!.. Вот что я придумал. Во время чтения меню по-немецки на моем лице с помощью тени появляются гитлеровские усики.

Оператору потребуется меньше часа, чтобы выполнить этот трюк, и сцена снимается одним дублем. Луи снова полон уверенности. Он понимает, что, наверное, слишком требователен, и говорит, что его припадок пессимизма никак не связан с режиссурой.

— В конце концов, фильм неплохо выстроен. Жак снимает его так, как считает нужным, и он прав. Но если я привнесу еще несколько идей, он будет иметь полный успех.

Мне кажется, что, именно впадая в панику, он отказывается от всякого обсуждения. Это происходит всякий раз, когда он устает. Некоторым режиссерам, например Жану Жиро и особенно Жерару Ури, удавалось его успокоить. Последний очень метко анализировал эту хрупкость отцовского характера. А главным для него было присутствие мамы на съемках. Она всегда помогала ему превзойти себя.

Теперь надо приступить к репетиции балета: Септим учит свой персонал поведению и манерам. Колетт Броссе берется за хореографию и заставляет всех работать в

полную силу. Чтобы балет выглядел идеально, Луи еще добрый час отрабатывает свои па.

— Раз, два, три и раз... Нет, не так, начнем сызнова! Домой он возвращается без сил, но довольный.

— Нам хорошо работается с Колетт, кроме шуток! Надо, чтобы все было отлажено так же, как в «Вестсайдской истории».

Он хорошо разбирается в музыке и танце, считая их необходимыми.

— Ритм фильма имеет важное значение. При малейшей потере ритма зритель сразу ощутит это и начнет думать о своей плохо припаркованной машине или о налогах!

После трех дней репетиций он еще недоволен результатом. Уже много лучше, но надо еще постараться. «Раз, два, три и раз... Вот теперь куда лучше!»

Он хочет превратить сцену, построенную на гэгэ, в спектакль. Мастерство, с каким он руководит балетом на экране, позволяет думать, что его талант может проявиться в самых разных ипостасях. На самом же деле он, подчиняясь требованиям Колетт, без усталости отрабатывает каждое па и каждый жест. Позднее на картине «Приключения раввина Якова» он будет брать уроки танца для того, чтобы как можно лучше сыграть прославленную сцену в этом фильме.

— Я должен танцевать так же хорошо, как еврейские танцоры. Комический эффект создается не нелепостью танца, а как раз наоборот!

Точно так же в фильме «Человек-оркестр», добиваясь, чтобы его игра выглядела убедительно, он репетировал с очень требовательным английским хореографом.

В эту пятницу нам потребовалось больше двух часов, чтобы добраться до нашего деревенского дома в Сен-Клер-сюр-Эпт, хотя он всего лишь в шестидесяти километрах от Парижа. Сидя за рулем своей «ДС-19», Луи нервничает:

— Погляди на этого лихача, он хочет занять место в нашем ряду, и в результате возникнет затор!.. Мы сто-

им, а у меня мало бензина! Сам увидишь, нам не избежать аварии! Ничего не поделаешь, поездка займет восемь часов!

Но по прибытии на место он чувствует себя лучше и больше не думает о лихачах на дороге. Дом пропитан сыростью даже летом, поэтому отец решает затопить камин. Уже приготовлены грелки, чтобы согреть наши постели. Мама готовит импровизированный ужин, и отец, взяв фонарик, отправляется срезать несколько пахучих травок для салата, а также принести красивую розу на стол. Большой букет появится завтра. После этого он робко усаживается за стол, как ребенок, не уверенный, что правильно сделал уроки.

— У меня есть идея для фильма, расскажу завтра... Ладно, сейчас, но только быстро! Я инспектирую свой ресторан, выдавая себя за клиента. Представляете меня в образе старого зануды, который требует на закуску одну редиску? Не тарелку редисок, а только одну!

Мы так и видим лицо метрдотеля. А он продолжает:

— К тому же, если у него будут женоподобные манеры, он вызовет смех официантов. И тут — гоп-ля! — я застаю их на месте преступления!

Он знает, к чему придаться, чтобы довести до белого каления своих служащих: сладкое вино, но не слишком, нет, лучше полусладкое... ох!.. рюмка разбилась!.. Здесь жарко, сквозняк, мясо недожарено, пересолено... и т. д.

На другой день, собирая малину и срывая груши, он продолжает искать новые трюки. Может быть, одеться в женское платье? Застукать пианиста, который прикарманивает купюру, упавшую с тарелки? Подрезая секатором розы, он не перестает думать о фильме.

— Когда я занимаюсь цветами, я отдыхаю и совершенно спокоен, это очень располагает к размышлениям о человеческой глупости.

В понедельник все готово для съемки сцены. Когда отец входит в зал ресторана в напыленном седом парике и в пиджаке денди, его нельзя узнать. Вся группа умирает от смеха. Но вместо того чтобы воспользоваться этим

маскарадом и сыграть рядового комика, он держится серьезно. А это еще смешнее! Пьер Торнад не в силах произнести свой текст, и Жак Бенар не может справиться с ситуацией. После пятнадцати дублей ни один не признан удачным. Серьезная работа начнется завтра. На съемочной площадке царит столь любимая им атмосфера: ему так нравится шутить с людьми, которые не способны сдержать смех.

— Вспоминаю труппу Бранкиньюлей*, у нас теперь так же весело! Именно так я люблю работать!

Сцены с Бернаром Блие** приводят его в восторг. Они отлично ладят. Рассказывают друг другу анекдоты, как школяры на переменке.

— Какой очаровательный человек! Он неподражаем в комедии! Настоящий бонвиван, способный дать кому надо под зад, любитель хорошего вина... А уж когда вспоминает театр, его не остановишь!

Меня часто спрашивают, как отец работал над своей мимикой, тренировался ли перед зеркалом. Точность его игры не являлась результатом тщательной подготовки. Она скорее рождалась у него в ходе работы. Он так внимательно наблюдал за людьми и животными, что в результате очень верно подражал им. Его работа была ближе к труду карикатуриста, чем часовщика. На протяжении своей карьеры он, боясь заштамповаться, часто вносил исправления в свою игру. Мама очень помогала ему, предупреждая о подводных камнях, о повторении комических эффектов. Еще раньше ему удалось освободиться от такого штампа, как подмигивание. А после

---

* Популярный эстрадный коллектив, из которого вышли многие комики парижской эстрады и кино.

** Французский актер (1916—1989), ставший популярным в 50-е гг. XX в. после фильма о послевоенном Париже «Адрес неизвестен» Ж.-П. Ле Шануа. Сыграл в фильмах «Забытые сувениры» Ж. Дювивье, «Преступление и наказание» Ж. Лампена, «Мари-Октябрь» Ж. Дювивье. Снялся у сына, известного режиссера и актера Бертрана Блие, в фильмах «Кальмос» и «Холодные закуски».

«Столкновений» — от повторения одних и тех же гримас. На фильме «Жандарм женится» отец перестал бить партнеров, как в «Оскаре» и в других фильмах. К этим изменениям в игре он прибегал часто вопреки желаниям режиссеров, которые стремились эксплуатировать его прежние находки.

— Видишь ли, очень опасно повторять то, что уже имело успех. Ты рискуешь при этом заштамповаться, истощить свою игру. Публике хочется, чтобы я повторил старые трюки. Она и не догадывается, как быстро ей это прискучит. — И добавлял: — Телевидение губит актеров. Фернан Рейно напрасно соглашался участвовать в таком количестве передач. Зря его столько видели на телеэкране!

Он удивлялся, как мог этот комик подчиняться продюсерам, заставлявшим его играть скетчи без зрителей, то есть, как он говорил, «замыливаться».

— В пресловутом «22 в Аньере» он играл свою обычную роль, а также роль телефонистки. На сцене это выглядело замечательно, ибо его невозможно было представить в женской роли. А тут ничего не получалось: все и так было понятно! Да еще полное отсутствие ритма между репликами. Если хочешь нравиться своему зрителю, его надо удивлять. При этом он не должен догадываться о тех изменениях, которые ты внес в свою игру. Завтра я никогда не стану играть как Ален Кюни*, например...

Он мне часто говорил об этом актере, чтобы рассмешить, ибо находил его игру скверной:

— Видеть его два с половиной часа на сцене — то еще испытание. У него такая постная рожа! На то, чтобы пойти открыть дверь, у него уходит пять минут. И столько же, чтобы вернуться! Представляешь?

---

* Французский актер (1908—1954). Его самые знаменитые фильмы «Вечерние посетители» М. Карне, «Любовники» Л. Малля, «Эмманюэль» Д. Джастина, «Сладкая жизнь» Ф. Феллини.

9. СПАСЕМ ЗАМОК!

Патрик

Верхом оптимизма у отца была фраза: «Когда я умру...» В своем завещании тетка Мари решила осчастливить всех. Матери досталась половина замка в Клермоне, две или три фермы и кое-какие драгоценности. Остальное поделили шестеро других наследников. Зброшенный уже шесть лет тому назад, замок разрушался с каждым днем все больше.

— А что, если тебе выкупить их долю? — спросил отец.

Мама согласилась договориться с другими наследниками, предложив им свои фермы и драгоценности в обмен на вторую половину замка. В 1967 году в результате долгих переговоров весь замок стал нашим.

Затея была поистине неподъемная, но отца это не смущало. Ему в любом случае нужно было вложить деньги в проект, чтобы отгородить себя высокими стенами от поклонников, осаждавших его после триумфа в «Большой прогулке». Теперь уединение стало для него насущной необходимостью. Он стремился спрятаться от любопытных воскресных фотографов, готовых на все, чтобы снять его. С другой стороны, ему не хотелось отдыхать в местах, где любят бывать богачи, как, например, в Сен-Тропе. Вся жизнь Брижит Бардо на вилле «Мадраг» была исковеркана осаждавшими ее прогулочными катерами, а когда она шла купаться, то тотчас попадала в объектив фотографов.

Не привлекала его и компания любителей аперитива или стрелков по мишеням на одной из вилл в Люберо-

не. Другие звезды покупали ради своего спокойствия дома за границей, а он предпочитал жить во Франции.

Однажды мы отправились полюбоваться своим новым жильем в новехоньком «ягуаре». Почему отец приобрел эту роскошную машину, столь противоречащую его скромным вкусам? Просто-напросто из-за двух ничем не связанных обстоятельств: своей левой ноги и Робера Дери. После съемок в 1955 году в картине «Ах, прекрасные вакханки!» отец впервые получил главную роль в пьесе Жоржа Сонье «Поппи». Ее играли в театре «Ар», небольшом зале, ныне не существующем, на улице Рошешуар. Он играл папашу-неаполитанца, закрывающего глаза на поведение дочери, которая продает себя направо и налево немецким, а потом американским солдатам. На премьере его скосила страшная боль в левом колене. Он свалился на пол и не мог подняться! Пришлось опустить занавес и отменить следующие представления. Рентгенолог впрыснул в больной сустав воздух и покрутил ногу во все стороны. По окончании этой пытки отцу сообщили, что он порвал мениск. Требовалась срочная операция. Хорошо знавший Мольера отец с недоверием отнесся к обещаниям скорого выздоровления.

Госпожа Рубежански, хозяйка театра, посещала его ежедневно и баловала нас с Оливье конфетами и шоколадом. Не имея сил прогнать такую милую особу, отец предложил установить на сцене кровать, чтобы играть лежа. Критики сочли пьесу аморальной, но восхищались талантом Луи де Фюнеса и изобретательностью режиссера.

Он принимал по часу в день ледяную ванну (так поступают с лошадьми), затем тщательно бинтовал ногу. И вскоре обратил внимание, что боль особенно усиливается после того, как он посидит за рулем.

— Если я хочу продолжать играть, дети мои, мне не следует нажимать на сцепление.

Фиолетовую машину марки «ДС-19» обменяли на черный полуавтомат «ДС», в точности такой, каким он пользовался в «Раввине Якове». Постепенно нога стала

проходить, хотя и случился рецидив на «Большом вальсе», когда он танцевал севилиану.

В «Большой прогулке» Колетт Броссе играла маленькую роль хозяйки гостиницы и была занята на съемках всего три дня, после чего хотела отправиться отдыхать на Юго-Запад. Но съемки затягивались, и Роберу Дери пришлось уехать раньше нее, чтобы устроиться в снятом доме. Это была настоящая драма для таких голубков-неразлучников. Но о том, чтобы она оставила его одного на уик-энд, не могло быть и речи. Заказав билет на самолет до Биаррица на вечер пятницы, она после дня репетиций сцены «Мой конёк — постельное белье» опаздывала на самолет. Ехать, чтобы добраться до аэровокзала «Инвалиды», несколько минут. Отец как раз вышел следом за ней из студии, тоже куда-то опаздывая, и увидел ее, как она тщетно пытается поймать такси. «Садись. Я тебя подброшу, давай быстро, я тоже спешу!» Колетт не заставила себя ждать. Сев рядом с ним, она надеялась, что отец тотчас рванет с места. Но его «ДС» продолжала стоять на месте, а он не собирался жать на газ и лишь задумчиво смотрел вперед.

— Что ты медлишь, Луи, я опаздываю!

— Я жду, когда она закончит подниматься.

— Кто?

— Машина!

Машины этой марки, как было обозначено в проспекте, имели гидропневматические подвески, которые поднимались, когда запускали мотор, а затем опускались, чтобы стабилизироваться. Под впечатлением этой техники отец никогда не выруливал, не дождавшись завершения всего цикла, хотя это не имело никакого значения.

Колетт успела на самолет, но в последнюю минуту.

— Не может быть! — воскликнул Робер, услышав ее рассказ. — Он больше не должен ею пользоваться!

И стал донимать отца:

— Луи, купи «ягуара»! Увидишь, у тебя не будет никаких проблем. Тебе даже не придется переключать скорости!

— Но такая, как в фильме, не годится! В нее не влезет багаж! (Они снимали тогда «Маленького купальщика».)

— Да нет же, это седан.

— На кого я буду в ней похож? Подобные роскошные машины не для меня. Я не люблю шикавать!

— Зато будешь в безопасности. Она сделана из очень хорошего металла. К тому же у нее такая же приборная доска, что и в машине, на которой ты едешь в фильме.

— Мне не по душе ездить на иномарке. Ну ладно, раз ты так считаешь...

Вот каким образом мы оказались в то утро в новеньком «ягуаре» на пути в Клермон. Робер, правда, скрыл от нас, сколько литров бензина пожирает эта машина. Как и в автомобиле хозяина «Маленького купальщика» месье Фуршома, на панели управления были тумблеры от двух отдельных баков.

— Ну вот, наконец-то видны крыши Шартрского собора! — воскликнул отец, делая очередной вираж. — Нет, вы только подумайте, левый бак уже пуст! Эта машина меня разорит! Придется переключиться на правый. Каким тумблером надо воспользоваться?

— Справа, папа!

— Где это справа?

— Под правым циферблатом, посередине.

— Его надо поднять или опустить?

— Опустить.

— О-ля-ля! Надо быть инженером, чтобы управлять этим барахлом! Слишком сложно для меня. И к тому же она качается и менее устойчива на шоссе, чем любая телега. Лучше заправимся сейчас, не дожидаясь, когда и этот бак опустеет!

Останавливаться для заправки приходилось чаще, чем на «ДС». Заправщики узнавали отца на каждой станции. Приходилось давать автографы, в чем он никогда не отказывал.

— Жанна, сядь за руль. Ты сама попросишь, чтобы залили полный бак. Так меня не заметят.

Он съезжился на пассажирском сиденье, но это выглядело еще хуже! Повторялась сцена из «Разини», ког-

да Сароян прячется в своем «ягуаре» и звонит Бурвиллю, находящемуся рядом в «кадиллаке»!

— В конце концов, дети мои, это лучше, чем иметь неподвижную ногу на всю жизнь и распрощаться с карьерой!

Так мы доезжали до Со-сюр-Юзин и таверны «Корзина с цветами», где неизменно останавливались, чтобы закусить.

— Вы не застали Шарля Трене!* Он только что уехал, — сказала нам в тот день хозяйка, свертывая в рулон бумажную скатерть. — Он написал тут целую поэму.

— Вы же не собираетесь ее выбросить? Лучше поместите в рамку! — запротестовал отец.

— Вы так считаете? Ладно, сохраним ее!

Моя мама обожала этого «поющего безумца», как его называли. Отец же, помимо Мориса Шевалье, отдавал предпочтение Луи Армстронгу, Нату Кингу Коулу и Фрэнку Синатре.

Отведав хорошо прожаренных лягушачьих ножек с рисом, под винцо из долины Луары, мы продолжали свой путь. В те времена не было алкотеста. Мама садилась за руль: это успокаивало отца. О том, чтобы дать порулить мне, не могло быть и речи. Когда я вел машину, он не спускал глаз со спидометра и жал на несуществующий тормоз на каждой развилке с криком: «Осторожнее!» Но мне все равно не нравилась коробка передач. Миновав Шантосе-сюр-Луар и замок Синей Бороды, а затем Ансенис, мы наконец достигали вершины Удонского холма.

Замок Клермон выглядел оттуда довольно зловещим в сумерках уходящего дня. Можно было предположить, что Кристофер Ли в роли Дракулы ожидает нас на крыльце. Мы предпочли отложить осмотр здания до утра.

Обходя всевозможный мусор, разбросанный по двору, мы направились к ферме вышедшей на пенсию Жо-

---

* Известный французский шансонье (1913—2001), автор множества шлягеров.

зефины, с нетерпением поджидавшей нас. Хозяйством тут занимались ее дочь Мими и зять Жозеф. По случаю нашего приезда они принарядились по-праздничному.

— Господи, как же выросли Патрик и Оливье! Мадам де Фюнес, вы все такая же красивая! А вы, месье де Фюнес, слегка располнели!

— Это с тех пор, Жозефина, как я бросил курить.

Мальчишкой я проводил тут все каникулы, кормил огромных свиней, которые запросто могли бы проглотить меня живьем. Как же мне повезло, что еще в детстве я получил возможность именно тут открывать красоты природы! К счастью, родители никогда не ставили себя в смешное положение замысловатыми объяснениями о том, как происходит размножение у животных.

Месяц спустя поспешно установленная отцом сигнализация сработала посреди ночи. Разбуженные фермеры и соседи примчались, вооружившись охотничьими ружьями. Они обнаружили широко распахнутую, даже не взломанную, дверь на кухню: вор же благополучно скрылся! Столовую он посетил тоже, но, к счастью, gobелены висели на своих местах. На паркетном полу валялось огромное количество окурков. Мошенник, очевидно, проник утром во двор вместе с рабочими, а вечером они его заперли. Но когда пробило двенадцать часов, покончив с третьей пачкой сигарет «Житан», он, как в детективных фильмах, приоткрыл входную дверь, которая была связана с сигнализацией. Отец радовался, что воришку, на наше счастье, не хватил инфаркт — Луи де Фюнесу только недоставало трупа в своем доме!

Оливье

Многочисленные закоулки в огромном замке тревожили его — воры вполне могли притаиться там. Не уверенный, что запер все ставни и выключил радиатор, он обходил комнаты по два-три раза. Растущая популярность внушала отцу опасение, что его дом привлечет грабителей. Погреб, гараж, часовня, нежилые комнаты, секре-

теры, шкафы — все тщательно запиралось по вечерам и открывалось утром. С большой связкой ключей он скрупулезно проверял все шкафы, хоть они и не содержали ничего ценного. Мама терпеливо ждала, когда он найдет нужный ключ, чтобы достать скатерть или кастрюлю! За столом приходилось долго дожидаться вина: отперев три замка в винный погреб, он часто приходил не с той бутылкой.

— Вот, я взял премилое белое винцо. Оно прекрасно пойдет с антрекотом. Я сейчас вернусь, принесу шампанского!

Вино имело для него большое значение. В погребе хранились лучшие сорта. Заказывая ежегодно десятки ящиков отменного бургундского у одного и того же торговца, сам он пил лишь вино с виноградников долины Луары.

Патрик

Мы договорились с Оливье ничего не говорить в этой книге о смерти отца, дабы избежать столь модной в наши дни дешевой сентиментальности. Но как не упомянуть второго раза, когда сработала сигнализация? Это случилось в день его похорон! В то время как черный катафалк пересекал ворота, она завывала со страшной силой. Процессия замерла на месте: что случилось? Иные подумали было о сомнительной шутке. Жандармы тем временем обнаружили в замке одного из наших двоюродных братьев, которого по недосмотру оставили взаперти. Это он привел в действие сирену, пытаясь открыть дверь. А затем с бокалом коньяка спокойно дожидался, когда его хватят.

10. ФЕРНАНДЕЛЬ, ГАБЕН, БУРВИЛЬ

Патрик

Многие считают, что слава пришла к отцу после выхода «Разини». После долгого прозябания в неизвестности «Фюфю», которого едва замечали, внезапно предстал боевым, агрессивным быком; терроризирующим съемочные группы, опрокидывающим куадрильо и грозно атакующим матадора-режиссера. Просто смешно это слышать! Его восхождение было постепенным.

Отец представлял себе карьеру как дом, чтобы попасть в который надо подняться по лестнице, на каждой площадке останавливаясь передохнуть. После подвала и первого этажа, когда он участвовал в массовках и играл случайные маленькие роли, отец добрался до второго этажа. Те, кто уже обосновался повыше, были любезны с молодым актером, но разговаривали покровительственным тоном. Вот, к примеру, Фернандель, повстречавшийся ему в Риме после съемок фильма «Пятиногий барашек», воскликнул:

— Что вы тут делаете, Луи?

— Я снимаюсь в фильме с Тото в главной роли. Фильм будет убогим, мне это крайне неприятно.

— А я ведь тоже снимаюсь в какой-то ерунде! Неприятно, а что поделаешь? Чтобы платить налоги и содержать семью, приходится сниматься в таких чисто «кормовых» фильмах! — успокоил он отца, немного утрируя марсельский акцент и улыбаясь своей неподражаемой улыбкой.

— Да еще съемки затягиваются, — добавила мама. — Тото постоянно болеет. Он приходит через день. Рим —

великолепный город, но мы хотели бы поскорее вернуться в Париж к детям.

— Приходите вечером ко мне в отель! Я приготовлю вам отличный суп, — тотчас предложил Фернандель. — Это вам напомнит Францию.

К сожалению, новоявленный шеф-повар, игравший дона Камилло в фильме Коменчини как истинного князя церкви, решил заменить лопаточную часть говядины филейной: бульон получился совершенно безвкусный. Но Фернандель ничего не заметил, и хорошее настроение сотрапезников не было испорчено.

Однажды после съемок фильмов «Через Париж» и «Джентльмен из Эпсому» нас пригласил к себе на ферму в Нормандии Жан Габен. Стиснутые в нашей старой малолитражке, мы прибыли в залитый солнцем двор его имения Эгль немного раньше, чем было назначено. Вокруг ни души. Может быть, мы спутали день? Наконец появилась очаровательная мадам Габен и угостила нас аперитивом. Но Жан по-прежнему не показывался, и мы отправились на поиски. Обнаружили мы его в гараже: удобно устроившись в машине, он слушал радио.

— Мы тебя обыскались, Жан! Что ты тут делаешь?

— Подыхаю от скуки.

Заметив наше замешательство, он решил все же вылезти из машины. После обильного обеда Габен повел нас показывать свои владения, с удовольствием демонстрируя лошадей и в особенности коров. Я уже начал тогда увлекаться животными и был в восторге от увиденного. Одна из коров подняла хвост и испачкала великолепный серый свитер Габена. Ничуть не расстроившись, он почистился и флегматично продолжал прогулку.

В 1968 году, когда снимался «Татуированный», стареющий Жан Габен был куда менее радушен. Забавы ради он решил подтрунить над своим партнером. По-крестьянски хитрый, он составил небольшой список вещей, которые могли разозлить отца. Например, тот мало ел перед съемкой, считая, что на сытый желудок играет хуже. Однажды после умеренного обеда, сидя на-

против декорации и стараясь собраться, он увидел Жана, схватившегося обеими руками за толстый живот. Звучно рыгнув, тот сказал ему:

— Я съел кровяную колбасу с пюре. Третий раз бегаю в сортир!

Впервые после Бурвиля в «Большой прогулке» имя отца значилось рядом с именем другой знаменитой звезды. Но теперь, покинув барокко дворцов с их изысканной едой и вынужденный есть простую пищу, он словно спустился с небес на землю. Однако худшее его поджидало в дальнейшем, когда один журналист взял у обоих интервью на съемочной площадке. Он начал с отца и спросил, каким фильмам с Жаном Габеном он отдает предпочтение.

— Мне нравятся все, — ответил отец.

Когда же очередь дошла до Габена, он сказал, что не видел ни одного фильма с Луи де Фюнесом. Редко прощавший людям дурное воспитание, отец больше с ним не общался. Но это не помешало ему позднее пригласить дочь Габена Флоранс помрежем на «Скупого», а его жена Доминик осталась с нами в самых дружеских отношениях. Однажды, когда мы вспоминали фильмы с участием ее мужа, от которых я был без ума, она с сожалением припомнила тот инцидент.

— Надо признать, — сказала она, — у Жана был нелегкий характер...

Оливье

После несложившихся отношений с Жаном Габеном на «Татуированном» отец едва не отказался от мысли сниматься с актерами, с которыми не привык работать. Он так переживал по этому поводу, что даже заговорил на эту тему в одном из своих телеинтервью:

— Знаете, совсем не просто сниматься с отнюдь не забавным господином. А он как раз не очень забавен!

Эту историю охотно раздували некоторые члены съемочной группы, которым накалившаяся обстановка была только в радость. Отец опасался, что это отразится

на качестве фильма. А ведь они питали друг к другу большое уважение, но гнусные слухи на их счет раздули тлеющую распрю, омрачившую изрядную часть съемок. Рассказывая о великих актерах, отец всегда приводил мне в пример Жана Габена:

— Когда такой актер, как он, входит в комнату, ясно, что с ним шутки плохи. Вошел хозяин! Он производит сильное впечатление, но одновременно внушает доверие и чувство защищенности. Вот что такое знать себе цену!

Отец любил показывать Габена:

— Видишь, когда он ходит, его руки раскачиваются взад и вперед, как у военных на параде.

Он очень точно подметил деталь, которая придавала спокойной походке Габена уверенность сильного человека.

Позднее мы встретились с ним на студии «Бианкур», где снимался «Кот». Все было забыто. Они выглядели, как два старых приятеля. Со своим апломбом великого актера и шармом, который он умело скрывал, Габен сказал отцу:

— Понимаешь, Луи, сейчас есть немало талантливых ребят. Но у них всегда было что пожрать, вот им и неохота работать! Ты не считаешь, что нам повезло, потому что пришлось порядком попотеть?

Патрик

«Оскар» и «Большой вальс» позволили Луи де Фюнесу взойти на верхний этаж. «Жандарм из Сан-Тропе» дал ему возможность пользоваться террасой с обзором. Иные, косо глядя на этого пришельца с нижнего этажа, испытывали некоторую досаду и реагировали на манер Бертрана Барнье в «Оскаре» — когда он узнает, что его прислуга стала баронессой де ля Бютиньер.

Так повел себя и Жан Маре, который в конце жизни писал и говорил о нем неприятные вещи. Мама была поражена этим, ибо ничто не омрачало их сотрудничества. Выказывать недовольство мог бы скорее отец, с

которым на съемках «Фантомаса» в 1964 году случилась беда, оставившая следы на всю жизнь. В сцене, где Фантомас удирает на вертолете, отца подвешивали за руки к крану на фоне Парижа. На самом деле он был в метре от земли, но висеть ему пришлось несколько часов кряду. На другое утро отец уронил чашку кофе, не донеся ее до рта. Руки у него онемели, он даже не мог сам одеться. Во время долгого пребывания в подвешенном состоянии он растянул плечевые связки. Но, даже лишенный возможности свободно пользоваться верхними конечностями, он, следуя указаниям врачей, продолжал сниматься. Прошло несколько лет, прежде чем ему удалось полностью восстановиться.

На съемках «Фантомаса» вообще кипели страсти. Андре Юннебель неизменно прерывал съемку сцен, в которых Жану Маре надлежало бегать. Он кричал ему:

— Жанно, ты ходишь вперевалку!

Ничуть не огорчаясь по поводу этих перерывов, отец с удовольствием показывал нам дома непередаваемую походку Жана Маре, больше напоминавшую Мерилин Монро, чем Кларка Гейбла...

«Жандарм из Сен-Тропе» вышел на экран во время съемок «Разини». Его неожиданный успех вознес отца на вершину славы. Бурвиль, более известный и привычный к тонкостям подписания контрактов, получил за фильм больше отца. Тому на это было наплевать. Я узнал об этом только недавно, потому что дома мы никогда не говорили о деньгах. Но маме не нравилось, что по сценарию предпочтение отдавалось Бурвилю. Отец был так счастлив работать, что не обращал на это внимания. Бурвиль же, вопреки некоторым слухам, вовсе не был причастен к этим дрызгам. Бурвилю нравилось снова работать с отцом, с которым они уже встречались на съемках «Первоапрельской шутки» в 1954 году и в знаменитой сцене фильма «Через Париж» в 1956-м. Между ними никогда не наблюдалось никакого соперничества, наоборот, они крепко подружились.

Жерар Ури, Мишель Морган и Бурвиль познакомились на картине «Двустворчатое зеркало» Андре Кайат-

та в 1958 году. Забавно отметить, что в начале этого драматического фильма было показано, как Жерар Ури (тогда актер) на своей роскошной американской машине протаранил новенькую малолитражку Бурвиля!

Жерар, конечно, попытался сгладить острые углы. Но он не знал, какой настойчивой может быть моя мама. Она потребовала, чтобы муж спустился с облаков на землю. В общем, они пригласили Жерара позавтракать в свой отель. Бедняга не догадывался, что его ожидает... Мы же с Оливье хорошо помнили, как ругались родители с утра, после того как уже успели изрядно повздорить ночью.

— Мы с мамой не сомкнули глаз, — жаловался отец.

Выслушав их упреки, бедный Жерар капитулировал. Он добавил в сценарий «Разини» знаменитую сцену в душевой с чемпионом по кетчу Дюрантоном. И все от этого только выиграли. Позднее я где-то прочитал, что отец устроил своего рода забастовку, отказываясь играть, и пассивно присутствовал в массовке. Это неправда. Он был слишком ответственным человеком для того, чтобы так поступить. Зная его, трудно себе представить, чтобы он пошел на такое. Жерар это прекрасно объяснил: на самом деле в тот короткий отрезок времени, когда они несколько, скажем так, охладели друг к другу, отец играл строго по сценарию, как образцовый актер, то есть ничего не придумывая и не ища новых гэгов.

Актер не сценарист. Но и отец, и Бурвиль были исключением. Они действовали согласно своему инстинкту, находя по мере съемок новые диалоги и шутки, но никогда не претендовали на авторские права. В первом же дубле один обогащал начальную реплику другого каким-то словечком или жестом, и партнер раздражался смехом, принуждая Жерара говорить: «Стоп!» Так были сняты целые куски фильма. Это мой отец придумал сцену ремонта машины под музыку.

Оба они любили землю, природу. Бурвиль был крестьянином по рождению, к тому же смешным, уморительно смешным человеком. Между дублями они уса-

живались в сторонке, чтобы поговорить по душам о простых вещах, которые так скрепляют дружбу. Их смех можно было услышать издалека.

Съемочной группе часто приходится отправляться в долгие экспедиции. Съемки «Разини» стали поводом для незабываемого путешествия по Италии. В этих случаях все живут в одном отеле, питаются вместе, спят в тесноте; как на паруснике длиной в пятнадцать метров. Так возникают романы и дружбы. Добравшись до конечной остановки, все обещают друг другу встретиться снова, без конца обнимаются. Но повседневная жизнь быстро заставляет забыть обещания, и поцеловаться удается только на премьере фильма. Поэтому мы редко узнавали новости о Бурвиле. Как и мой отец, он выпалывал в своем саду репейник, который разросся в его отсутствие.

Два года спустя они встретились на «Большой прогулке». Для знаменитой сцены в таверне был предусмотрен один съемочный день в постели комнаты № 6: в конце концов их потребовалось десять! Бурвиль и он все время добавляли новые реплики. Жерар Ури, надо отдать ему должное, отпускал вожжи и смеялся вместе с ними, не считаясь ни с затраченным временем, ни с количеством использованной пленки, ни с удорожанием сметы.

Оливье

Бурвиль внушал отцу доверие. Уверенный в его таланте, он не считал нужным объяснять ему, что смешно, а что нет.

— Играя с Андре, я отдыхаю. К тому же он прелестный человек, всегда в хорошем настроении. Счастливым характер! Вот бы он поделился им со мной, мне бы тогда легче было ладить с людьми.

Этот внутренний комфорт совершенно менял его поведение. Не жалуясь, он переносил все трудности съемок, да еще смешил других, помогая им справиться со своими страхами.

— Гроза прекратится через час? Надеюсь, что Боженька ниспослал ее не в наказание за мои грехи. Потому что тогда мы тут застрянем на четыре дня! Ты думаешь, мы уложимся, Андре? Впрочем, не имеет значения, вернемся сюда в лучшее время года.

Я общался с Бурвилем только на съемочной площадке. Их обоюдная сдержанность объяснялась присущей им застенчивостью. И тем не менее я убежден, что отцу хотелось пригласить Бурвилей погостить в Клермон. Но он считал, что Андре предпочел бы нас пригласить к себе в Нормандию. А тот был уверен в обратном, словом, мы были не готовы к встрече!

Патрик

«Зритель потерял в его лице умного человека, обладавшего своим стилем и знанием людей... Это был очень порядочный, компанейский человек, простой, бескорыстный, без тени педантизма. Я достаточно знал его, чтобы сожалеть об его уходе». Так говорил Сен-Симон о Лабрюйере, то же самое мог сказать и отец после смерти Бурвиля. Его уход, увы, не стал неожиданным. Первые признаки болезни уже были заметны на «Большой прогулке». Его смерть положила конец поразительному дуэту.

11. ВРЕМЕНА МЕНЯЮТСЯ

Оливье

В июне 1967 года начались съемки «Больших каникул» Жана Жиро, талантливого человека, с блеском снявшего серию «Жандармов». Отец обожал с ним работать.

— Я в восторге, что снова встречаюсь с Жаном, вот уж повеселимся! — говорил он. — К тому же я по-настоящему обязан ему началом своей карьеры в фильме «Ни шиша!».

В первый съемочный день я отправляюсь на студию «Булонь-Бианкур». Плеяда молодых актеров, приглашенных сниматься, открывает передо мной новые горизонты. Я буду делить с ними их заботы, участвовать в розыгрышах, которые часто оборачиваются новой формой юмора. Короче, предстоит работа со сверстниками.

Сценарий Жака Вильфрида сразу понравился отцу.

— Просто здорово делать фильм с молодыми актерами и для молодой публики!

Нравились ему и сцены, которые должны были сниматься в Англии: он вообще любил английский язык.

— Говорить по-английски с сильным французским акцентом очень смешно!

Роль отличника мне предложил отец. Мы часто говорили о несносных первых учениках в классе, кляузничавших на своих товарищей. Я рассказал ему про одного моего однокашника, который каждую неделю показывал учителю естествознания свой гербарий. Он запомнил это и использовал, чтобы мой герой выглядел еще омерзительнее. В первой же сцене, когда я должен расхаживать по просторному салону в ожидании отца, что-

бы затем присоединиться к нему за столом, возникла проблема. Ослепленный прожекторами, я никак не могу проделать это естественно. Шесть метров, отделяющих меня от него, кажутся непреодолимыми.

— Тут ты ползешь, как улитка! — говорит он.

Или:

— Ты слишком опускаешь голову!

После десяти неудачных дублей отец просит оператора погасить свет.

— Пошли! Погуляем по декорации. Видишь, мы идем туда, потом возвращаемся, затем обходим все помещение. Теперь ты двигаешься совершенно нормально!

Включаются софиты, и он снова заставляет меня пройти по комнате.

— Ну вот и хорошо! Скоро ты сможешь танцевать тут ригодон!

Постепенно мой страх перед пространством рассеивается. Но понадобится еще десять дублей, прежде чем появится какой-то намек на непринужденность.

Отец успокаивает меня:

— Ты бы видел, как неловки были Делон и Бельмондо в своих первых фильмах! Им пришлось немало потрудиться, чтобы обрести нужную выправку.

Пока я зубрю свой текст, он мимикой показывает, как ведет себя первый ученик, помогая мне тем самым лучше войти в роль. Но я чувствую себя еще не очень уверенно.

— Ты должен повторять про себя: «Ну, что еще мне скажет этот болван?» Это облегчит твою задачу.

С помощью подобных приемов мне удастся справиться с замешательством, но я отдаю себе отчет, сколько усилий потребует моя роль.

— В нашей профессии надо выкладываться. Ты должен весь день думать о своей игре, даже в метро. Можешь придумать для себя ситуацию и закрепить два-три движения, две-три фразы.

Атмосфера на съемках приятная. Луи отлично ладит с Жаном Жиро, а молодые актеры Франсуа Леккиа, Морис Риш и Мартина Келли восхищают его.

— Они уже достаточно овладели ремеслом, чтобы забавляться во время работы. Их присутствие в компании старых скучающих профессионалов вносит разрядку. Это напоминает симфонический оркестр, в котором иные играют с унылым выражением лица, явно только ради заработка, и им наплевать на исполняемое произведение. Кстати, я вспомнил пресловутый гэг из «Большой прогулки», который мне пришел в голову еще до начала съемок. «Оркестр под руководством дирижера, — записал я тогда, — исполняет знаменитое произведение. Музыкантам на это наплевать, они переговариваются, как восьмиклассники на уроке!»

Для съемки на натуре сцены отплытия парусника мы отправляемся на берега Сены, в Мюро. Луи в этой сцене не занят. В отсутствие отцовского глаза я испытываю благодатное чувство раскованности. Мне кажется, что у меня выросли крылья, что меня взяли на этот фильм, как полноправного актера. Моя игра становится более естественной, я нахожу нужные интонации, не забывая, конечно, преподанные в предшествующие дни уроки. В первой сцене Мартина Келли грубо сталкивает меня в воду. Мостик яхты имеет в высоту четыре метра, и каскадер приготовился заменить меня на общем плане. Но, вспомнив о своих крыльях, я уверяю Жана Жиро, что сам могу прыгнуть, и это вполне устраивает оператора.

«Мотор! Начали!» Мартина хватает меня за шиворот и толкает через бортовое ограждение парусника. Я с громким плеском падаю в Сену, погружаюсь на пять метров в воду, задев попутно плечом якорь соседнего судна. Поднятый на палубу, понимаю, что легко отделался несколькими синяками. Очень довольный собой, рассказываю об этом в тот же вечер отцу.

— Я очень рад, что сделал этот трюк! Мой прыжок их всех устроил: был снят один только дубль.

— Конечно, устроил! Сейчас же позвоню Жану и отругаю его!

— Но ничего ведь не случилось! У меня остался только синяк.

— Никогда так не рискуй. Это не твое дело. Профессиональные каскадеры часто погибают именно во время подобных простых трюков. Я запрещаю тебе так поступать! Сейчас услышишь, как я его отделаю... Алло! Жан? Как ты мог допустить, чтобы Оливье заменил каскадера! Он мог разбить себе голову об этот окаянный якорь! Что?.. Мне наплевать, что он сам захотел! Просто удивительно, что никому не пришло в голову, как это опасно. Нет уж, думайте головой.

Подобные вспышки гнева, из-за которых он заслужил репутацию скандалиста, случались крайне редко, обычно они были связаны с мамой, братом или со мной. Он приходил в отчаяние, если его не понимали или когда сталкивался с отсутствием профессионализма, но в этих случаях замыкался в себе и не принимал никаких оправданий. Только в глазах его можно было прочесть невысказанный упрек, а это было еще хуже, чем если бы он наорал. Вспоминаю одну забавную сцену, хотя и забыл, когда это произошло. Во время съемок на студии «Булонь» он, внезапно прервав работу, на целый час уединился в своей гримерной.

— В чем дело, Луи?

— Раз вы не поняли, что именно меня раздражает, я ухожу!

Вернувшись на съемочную площадку внес ясность:

— Пока эта каланча в плаще будет на площадке, я не стану сниматься!

Речь шла о проникшем на съемку чужаке, приглашенном кем-то из техников без согласования с отцом и с сигарой во рту презрительно наблюдавшем за происходящим. Понимая, что не может нравиться всем, отец страдал от отсутствия уважения со стороны тех, кто приходил на него посмотреть из чистого любопытства.

— Они заходят на часок посмотреть на шута, чтобы затем вернуться к своим серьезным занятиям!

Отсутствие уважения к нему в повседневной жизни тоже выводило отца из себя. Он презирал всезнаек, полагающих, что талант — это простая сумма рабочих ча-

сов, которые и им позволили бы проявить себя, если бы только они получили такую возможность.

— В глазах этих весьма заурядных людей я неизменно читаю черную зависть, — говорил он.

В «Больших каникулах» были сцены, которые происходили в Англии, но мы их снимали в Ла-Бурбуле, в Центральном массиве, и на студии. Говорить по-английски, без малейшего труда прибегая к акценту, очень нравилось ему: ведь он играл героя, который в минуту праведного гнева забывает о правильном произношении. Зато в перерывах между дублями отец считал своим долгом произносить слова с почти безупречным британским акцентом. Он просил актера Ферди Майна помочь ему совершенствовать свой английский. Позднее, в Лондоне, он будет брать уроки.

Дружеские отношения, возникающие во время съемок, часто не имеют продолжения. Только старые друзья — супруги Дери приходили к нам в гости. Такие же теплые отношения и взаимное уважение существовали у него с Мишелем Галабрю и Клод Жансак. Они иногда перезванивались: до скорого, встретимся на следующей картине. Отец часто ссылался на них, когда говорил о своей профессии:

— У Галабрю большой талант. Это настоящий театральный гранд. Если он участвует в фильме, я подписываю контракт с закрытыми глазами. К тому же он хороший товарищ, и я всегда могу на него положиться.

О Клод он говорил:

— Мы очень забавляемся с Клод. Она все быстро схватывает. Нет надобности десять раз объяснять ей, что надо сделать, чтобы рассмешить зрителя.

Отец так уважал этих великих актеров, что почти робел перед ними. Он никогда бы не посмел вторгнуться в их личную жизнь, даже ради хорошей компании.

По окончании съемок отец продолжал трудиться: наблюдать за поведением людей и природой, которая так вдохновляла его. Все свои впечатления о людях, ситуациях, характерах, репликах он записывал в блокнот. Эти записи предназначались для будущего сценария, кото-

рый так и не был написан. Превращая ситуации из повседневной жизни в комиксы или мультики, он неизменно находил комическую сторону в любом событии.

По возвращении в Париж Луи принимает живейшее участие в монтаже, стремясь убедиться, что не потерял ритм картины.

— Зритель не должен отрываться от экрана, иначе потребуются десять минут, чтобы снова завладеть его вниманием!

Жан Жиро охотно шел на такое сотрудничество. Другие режиссеры не всегда соглашались, считая, что только им принадлежит право сконструировать свой фильм.

— Если бы они понимали механику смеха, мне бы не требовалось наблюдать за монтажом. Но когда они искусственно ускоряют сцену или вставляют музыку в снятый план, становится не смешно.

По его мнению, предварительные просмотры не позволяли судить, будет ли фильм иметь успех у французов или нет. Он не любил присутствовать на таких просмотрах для избранных, полагая, что приглашенные слишком много о себе понимают.

— Эти сильные мира сего никогда не смеются от души. Им ведь надо сохранять достоинство. Мне же хочется увидеть реакцию настоящего зрителя, который покупает билет и приходит развлечься.

Мы с мамой организовывали его тайные посещения кинотеатров на Елисейских Полях, куда приезжали на первый сеанс так, чтобы зритель не знал об этом.

Заказанное накануне такси доставляло нас на одну из перпендикулярных Елисейским Полям улиц. Прибыв на место, я должен был как можно незаметнее предупредить кассиршу о приезде господина Луи де Фюнеса, что приводило персонал в большое волнение. Начинались переговоры между капельдинершами и директором о том, как нам войти, не будучи замеченными публикой, — вся эта подозрительная суэта могла лишь обнаружить нас и все испортить.

После окончания переговоров и покупки трех билетов (ибо отец настаивал на оплате мест) я ждал, когда все зрители займут места, возвращался к такси и давал «добро» на высадку десанта.

Отец надевал летом каскетку, зимой шляпу и темные очки. Мы с мамой сопровождали его, как телохранители, до входа в кинотеатр и представляли директору. Теперь все бремя ответственности за осуществление нашего плана ложилось на его плечи. Начала фильма мы ждали обычно в пустынном коридоре и там же выработывали план бегства после окончания сеанса.

В сопровождении капельдинерши нас наконец незаметно вводили в зал. Настроение зрителей уже при появлении титров радовало отца своей непосредственностью. Но для того чтобы он успокоился окончательно, следовало дождаться первого взрыва смеха. Тогда он расплывался в улыбке, подобно недостойному абитуриенту, увидевшему свою фамилию в списке принятых.

Во время событий мая 1968 года я заканчивал учебу на частных курсах по подготовке бакалавров. Три года назад родители заставили меня покинуть католическое учебное заведение Сент-Мари де Монсо, где я остался на второй год в седьмом классе. Переговоры о том, чтобы перевести меня в восьмой, ни к чему не привели. Бунтарь по натуре, я не терпел замечаний некоторых священников, которые смотрели на меня, как на «папенькиного сынка». Один из них выгнал меня из класса, бросив вслед:

— Ковыряйте в носу где-нибудь в другом месте!

Отец поклялся, что разберется с ним у директора, в прошлом флотского священника. Приглашенный к нему, он бесконечно долго ждал в приемной. Спустя час, не выдержав, он сказал секретарше:

— Мадам, если директор не примет меня сейчас же, я сначала начну ломать стулья, а потом займусь вашей библиотекой!

Напуганный священнослужитель тотчас вышел к нему. Отец не дал ему произнести ни слова:

— Святой отец, я очень разочарован вашими методами обучения. К тому же вы невоспитанный человек. Я часто имею дело с деревенскими священниками и знаю, что они замечательные люди. А вы мне не нравитесь!

Он не мог стерпеть, что я страдаю из-за его популярности, хотя я никогда этим не похвалялся.

Во время майских событий отец мало интересовался волнениями в городе. Ему, впрочем, нравилось, что молодежь выражает недовольство деятельностью политиков. Как и они, он презирал их за нежелание что-либо менять.

— Это горстка пустобрехов! Они произносят речи, как плохие актеры. Им наплевать на свой долг!

Правда, его смущала начавшаяся охота на ведьм. Он не был согласен с тем, чтобы профессура университета, журналисты и даже хозяева предприятий платили за чужие грехи, и часто вспоминал ужасы террора времен Великой французской революции:

— Революция была необходима, но не такой же ценной! Для того чтобы человек мог высказаться, понадобился, оказывается, нож гильотины! Чик! Да здравствует Революция! Чик! Еще одна голова летит в корзину! Чик! Простым людям весьма присущ здравый смысл, но они становятся чудовищами, когда их возглавляют безумцы!

Он имел в виду некоторых ораторов 68-го года, подозревая, что они далеко не так порядочны, как хотят казаться:

— Посмотри-ка на этого болтуна, который явно не склонен считать себя бараклом. Зато он, по крайней мере, хороший актер. Ему удастся выгодно продать свой товар. Уверяю тебя, он убежден, что получит потом тепленькое местечко!

12. В ТУНИС

Патрик

— Люди любят драться, это стало привычкой, — любил повторять мой отец. — Войны начинаются внезапно: пиф-паф-паф! И пошло-поехало. Доколе? Никто не знает. Все, однако, с этим согласны: надо драться, говорят дураки, негодяи, дети, старики, даже старухи. И тогда появляется коммюнике Совета министров с чудовищным сообщением: на какую-то бедную страну пущена ракета!

Он не испытывал уважения к военным и одобрил мое намерение, по окончании отсрочки военной службы, в 1976 году, примкнуть к миссионерам. Врачи, пилоты, учителя направлялись в развивающиеся страны для оказания помощи. Особо лакомыми местами были Тунис и Марокко, но без протекции мне вряд ли удалось бы оказаться там. Я вспомнил про доктора Сомиа, тунисца, заведующего отделением пневматологии в клинике Бобиньи. В 1944 году он успокоил отца, который опасался, что в армии подхватил туберкулез.

— Патрик, можете паковать чемоданы, считайте, что вы уже там! — ответил он мне без раздумий. — Надеюсь, ваш отец не начал снова курить?

— Нет, он слишком хорошо помнит утренний кашель и чего ему стоило побороть эту привычку десять лет назад, так что ему это не грозит.

Спустя месяц я был в Тунисе. Покинув порт Ла-Гуллетт в сумерках и не встретив ни одной живой души, я подумал, что прибыл в необитаемую страну. Я не знал, что это был час ифтар (окончание поста во время Рама-

дана). На другой день, успокоенный, я уже ехал по забытым людьми улицам. Потребовался час, чтобы, несмотря на помощь прохожих, отыскать госпиталь «Шарль-Николь». Я еще не знал, что тунисцы, дабы скрыть свое невежество, отвечают Бог знает что. Через ворота я вошел на территорию с бесчисленным количеством домиков, скрытых за апельсиновыми деревьями. Патрон бросился мне навстречу с криком: «Патрик приехал!» За ним следовали санитарки с возгласами: «К нам приехал сын Луи де Фюнеса!» Меня целовали, ощупывали, спрашивали, как поживают папа и мама.

— Отдохните несколько дней, — предложил мне милейший патрон. — Купайтесь в море и покатайтесь в машине по нашей прекрасной стране. Дождитесь окончания Рамадана.

Родители решили навестить меня на новогодние праздники. За два дня до этого главный врач госпиталя вручил мне приглашение для отца от министра здравоохранения на чашку чая в Хаммамете.

— Уважаемый месье, я не смогу их сопровождать, — ответил я. — У меня дежурство. (Надо ж было делать вид, что я чем-то занят...)

— Ваши папа и мама пустились в столь долгий путь, чтобы вас повидать! Возьмите недельный отпуск.

Сколько их было, этих отпусков!..

Отца встречали, как главу государства. Когда я подошел к родителям у трапа самолета, их не было видно под жасминовыми гирляндами. Польщенный отец был в полном восторге от этого теплого приема. На другой день во время поездки в Хаммамет нам представилась возможность познакомиться с тунисской глубинкой. Покинув город, мы миновали огромное кладбище Баб-эль-Ауа.

— Смотри, Жанна, как красивы все эти одинаковые белые памятники!

— А что это за женщины со свертками у входа? Чего они ждут? — спросила мама.

— В этих свертках их умершие младенцы, которых они хотят предать земле. Для этого они кладут их в руки чужого покойника, чтобы дети составили ему компанию.

— Эти люди не лишены здравого смысла, — заметил отец.

Этот обычай сохранился и в наши дни.

На шоссе нас остановил мотоциклист национальной жандармерии в белом шлеме.

— О-ля-ля! Что от тебя нужно полиции? Наверное, ты гонишь слишком быстро, — сказал отец.

— Ничуть. Я его знаю. Он просто хочет с нами поздороваться.

Месяц назад этот полицейский уже останавливал меня за то, что я пересек желтую разделительную полосу. Вместо штрафа он тогда попросил меня покатать его в моем «мерседесе», который привел его в восторг.

— Не хочешь ли ты, Монжи, сопроводить нас немного?

Он был счастлив оказать нам услугу, завел свой огромный мотоцикл, включил сирену, и мы без помех промчались девять километров до конца его зоны. Все это время отец, словно на деревенской карусели, крепко держался за сиденье.

Оставшиеся пятьдесят километров пути он не переставал восторгаться природой:

— Жанна, ты видела эти агавы?

— Да. У нас точно такие же в Клермоне вокруг главного дворика.

— Но эти куда величественнее! К тому же их не приходится зимой пересаживать в оранжерею.

Он восхищался растениями, которые здесь росли без всякого ухода, — ему-то стоило большого труда вырастить их у себя в имении.

— Радио, которое мы слушаем, — тунисское? А ничего! По крайней мере, оно не передает дурных известий!

— Власти, знаешь ли, не желая рисковать, тщательно сортируют новости до выхода в эфир.

— Оно и лучше, так спокойнее. Когда во Франции включаешь радио, то узнаешь о девяноста пяти повешенных или обезглавленных и двухсот двадцати пяти умерших во время землетрясения! Самоубийства, утопленники! А от политики и вовсе тошнит. Скажи, верховный главнокомандующий, о котором они говорят все время, это Бургиба?

— Угадал.

— Они правильно делают, уважая главу государства. А наши совершенно напрасно стараются вывалить своего в грязи.

По дороге он расслабился, чувствуя, что ему ничто не угрожает. А между тем люди выбегали прямо на шоссе, чтобы поглазеть на проезжающие машины. Внезапно на нашем пути возникло стадо баранов во главе с пастухом. Грузовики с парусиновым верхом обгоняли нас на поворотах.

При въезде в Хаммамет нас поджидал голубой «мерседес»: оставалось лишь следовать за ним.

— Надеюсь, он симпатичный, этот министр, важные персоны не в моем вкусе.

После нескольких поворотов по грунтовой дороге мы увидели белый дом в национальном стиле, окруженный бугенвиллеями. Дрис Гига и его жена Шахша, начисто лишённые фанаберии, присущей «важным персонам», сразу создали приятную обстановку.

— Ваши гибискусы замечательны! Просто чудо!

— Всё благодаря солнцу и воде. Весь секрет в этом, месье де Фюнес.

— Ваш голубой «мерседес» просто великолепен.

— Да, но для ежедневных поездок у него слишком жесткие подвески. Скоро у меня будет «ДС».

— Будьте с ней осторожны. Ее кузов все равно что из папиросной бумаги. У меня есть такая машина. Но я предпочитаю простую марку. Вы не живете постоянно в столице?

— Нет. Мы переехали, потому что, когда президент Бургиба отправляется за границу, он требует, чтобы все министры приветствовали его у трапа. Хаммамет нахо-

дится далеко от аэропорта, и это служит оправданием моему отсутствию. О, это великий актер! Он репетирует свои речи перед зеркалом.

— И правильно делает. Меня раздражают политики, читающие речи по бумажке. Могли бы выучить их наизусть. По этой части де Голлю нет равных.

— Зовите нас по имени — Шахша и Дрис, — предложили гостеприимные хозяева. — В Тунисе не принято называть людей по фамилии.

— Шахша звучит, как шах Ирана, — заметил отец.

— Да! Однажды во время поездки в Иран Бургиба предложил называть меня как-то иначе. «Если вы не возражаете, Шахша, я представлю вас как Рашиду, или Латифу, или даже Симону, если угодно. Потому что Шахша на персидском означает «царь царей»! Ему это может не понравиться». — «Но, господин президент, возразила я, — я не хочу называться чужим именем! И не изменю своему». Представляете, Луи, если бы вас назвали Робером? Я ничуть не смутилась, когда шах, слегка удивленно, сказал: «Шахша! Вас зовут Шахша?» — «Да, ваше величество, — ответила я, — так звали мою мать. Вы шах, а я дважды шах». Он долго смеялся по этому поводу.

— Я однажды встретился с ним, — сказал, смеясь, отец. — Он не раз приезжал посмотреть «Оскара». Очень любезный человек.

Гордые представившейся возможностью показать достижения страны, хозяева повезли нас в один отель.

— Какой прекрасный вольер! — воскликнул отец, увидев на мраморном пьедестале двухметровой высоты огромную клетку для птиц.

— Эта клетка из Сиди-Бу-Саида. Она ваша, — тут же ответил ему директор.

— Мы только пошутили, — ужаснулась мама, не представляя, куда ее денет. Но перед отъездом им вручили подарок.

Шахша и Дрис стали нашими большими друзьями.

— Только представь себе, твой отец согласился остаться у них на целый уик-энд, — вспоминала мама. —

Это он-то, никогда не соглашавшийся ночевать в чужом доме!

В последующие дни у нас не было ни минуты свободного времени: на нас обрушился поток приглашений. Через три дня наши желудки уже не могли переваривать еду, мы были похожи на фаршированных гусей. За рагу следовал кускус, потом рыба. Было трогательно видеть, как нас стремились получше угостить. Но это становилось пыткой. Однако скажи мы, что сыты по горло, хозяева бы обиделись. За десертом отец отодвигал подальше приторные шарики, посыпанные какой-то зеленоватой субстанцией. Как в фильме «Большие каникулы» во время бесконечного ужина у англичан, он восклицал в полном восторге:

— Ммм! Какая прелесть! Ей-богу!

— Вот и прекрасно! Тогда еще ложечку!

Как ребенку, которого закармливают кашей, ему не хватало только слюнявчика на шею. Такие приемы напоминали лесные пожары: кажется, будто они погашены, ан нет — вспыхивают с новой силой. Родителям становилось плохо, когда перед ними возникали новые горы восточных сладостей.

— Их делают из фиников и меда, угощайтесь, это легкая пища!

Нафаршированные, как индюки, мы сбежали однажды утром на юг.

В Нефта, куда мы прибыли вечером, нам показалось, что мы находимся в самом сердце пустыни. Но это было лишь началом. Ветер свистел в ушах, пейзаж походил на лунный. Отель «Сахара Палас», построенный из красноватых кирпичей, напоминал корпус парижского госпиталя. Не хватало лишь машины «скорой помощи» перед входом! С балкона нашего номера отец восхищался пальмовой рощей. На другой день его восторги достигли апогея.

— Вместе с мамой мы наблюдали восход солнца! Этот серебристый свет под аккомпанемент лая собак я никогда не забуду. Ты обратил внимание, что петухи тут заливались всю ночь?

Пальмы, песчаные барханы, тянущиеся до горизонта каменные громады — все это останется в памяти отца на всю жизнь. Спустя несколько лет, работая над сценарием «Скупого», он скажет маме, разбудив ее посреди ночи:

— Мне пришел в голову финал фильма. Я утащу ящик в пустыню! Мы снимем сцену в Нефта.

Накануне Нового года, обратив внимание на столовую в гирляндах и на толпу туристов, приехавших 31 декабря, отец запаниковал:

— Они же все захотят ко мне приложиться!

Чтобы этого избежать, мы встретили Новый год в своем номере.

13. НОВЫЕ ПРИМЕРЫ АКТЕРСКОЙ СМЕЛОСТИ

Оливье

В 1970 году режиссер Серж Корбер решил снимать фильм «Человек-оркестр». Он только что выпустил хорошую картину «Идиот в Париже», и ему не стоило большого труда убедить отца поработать с ним. Этот новый эксперимент добавит нотку нежности его обычной игре и позволит осуществить давнюю мечту — сняться в музыкальной комедии. Съемкам предшествовала долгая работа над ролью. Серж написал сценарий вместе с отцом и композитором Франсуа де Рубэ, уже прославившимся своей мелодией в фильме Робера Энрико «Искатели приключений».

Атмосфера на съемках была прекрасная. Новые идеи фонтанировали, танцевальные сцены возникали сами собой. Готовилась экспедиция в Италию, для чего была отобрана женская танцевальная группа. Я получил роль ударника. Первые музыкальные такты оказались превосходны, написаны были и песни. Луи хочет в первых же сценах предстать человеком, жаждущим власти, затеявая для этого автомобильные гонки по улицам Ниццы, чтобы сбить спесь с молодого водителя за рулем мощной машины. Вся эта сложная механика, сочетающая танцы и песни с игрой актеров, становится возможной лишь благодаря безграничному юмору режиссера. Его оптимизм прибавляет нам сил, и вовсе не кажется, что мы работаем над трудным проектом. Обожающий всевозможные выдумки, он охотно принимает предложения Луи, чтобы потом отделить зерна от плевел.

У меня более важная роль, чем в прежних фильмах. Луи заставляет меня работать над самыми сложными сценами и учит, как реагировать на реплики:

— Для актера крайне важно уметь слушать. Все великие владеют этим даром. Обрати внимание, например, на Мишеля Буке: в этом вся суть его игры. Запомни это золотое правило актерского мастерства.

Когда мы репетируем наши с ним сцены, я играю за него, а он мою роль, объясняя, как придать репликам необходимую достоверность:

— Видишь, как искренне я сыграл удивление, потому что не был подготовлен к твоим словам. Перед тем как отреагировать, я внимательно слушал, что ты мне скажешь.

Он предостерегает меня от всякого комикования:

— Избегай этой западни. Главное — не быть смешным. То, чем ты можешь насмешить на вечеринке друзей, не вызывает смеха у зрителя. Ты достигнешь результата, лишь стараясь быть искренним. Чтобы добиться этой пресловутой искренности, не следи за своей игрой, не слушай себя и, главное, — не пользуйся чужими штампами. Если тебе надо, например, сыграть застенчивость, ты можешь это сделать, как другие: привычным способом. Тем самым ты уподобишься тем, кто так играл до тебя, и никак не сойдешь за застенчивого парня, то есть будешь выглядеть лишь актером, который играет застенчивость, используя чисто физические действия, никак не похожие на подлинные. А ведь существует полная возможность выразить застенчивость другим способом: без нескладной жестикуляции или заикания, а используя мнимую самоуверенность, насилие или другие приемы. Вот это ты и должен прочувствовать! Нельзя играть тот или иной характер: он должен стать твоей второй натурой.

Первые сцены с младенцем беспокоили всю съемочную группу. Очень трудно добиться желаемого от трехмесячного актера. В тот момент, когда мы готовы снимать, родители малыша бросаются к нему сменить пеленки или всунуть соску. После того как он хорошо

поел, надо ждать отрывки, потом он целый час спит. Чтобы ускорить съемку, Серж затребовал второго, похожего на первого, младенца. Теперь нам приходится раздваиваться в ожидании улыбки и столь нежелательных слез мальчика и его дублера — девчушки в голубых ползунках. Свет юпитеров не облегчает нашу задачу. Приходится ждать, когда прекратятся крики, и быстро снять, пока они не возобновились. Луи действует по-своему: он берет ребенка на руки и обходит с ним павильон, разговаривая, как со взрослым человеком:

— Здравствуйте, господин барон (или госпожа баронесса). Давайте осмотрим дом.

Успех подобной тактики принуждает его присутствовать в качестве няньки при съемке всех сцен, в том числе и тех, в которых он не занят.

Балетные сцены требуют многочисленных репетиций. С нами работает английский танцовщик и крепкий профессионал по имени Крис, которого персонаж отца, Эван Эванс, на протяжении всего фильма просит «показать птичку».

Как в «Большом ресторане» и «Раввине Якове», он тщательно отработывает свои па и движения.

— Я должен поднять руку на четвертом такте. А не на третьем? Итак, три, четыре... А если я повернусь в другую сторону? Может быть, так будет смешнее?

Музыка Франсуа де Рубэ очень ему нравится:

— Мелодия восхитительная, от нее у меня мурашки бегают. Под хорошую музыку куда проще изображать элегантного мужчину.

Музыкальное дарование сыграло большую роль в его карьере. Оно помогало ему, в частности, заполнять пресловутые паузы перед тем, как произнести реплику. Паузы эти зависели от серьезности того, что он услышал или узнал от партнера. Подобно солисту-певцу, который согласует свое исполнение с оркестром, он умел использовать ожидаемую ноту с некоторым отрывом, придав ей тем самым особое значение. Когда драматическое напряжение достигало своего апогея, он даже

опережал диалог, чтобы поддержать темп сцены нарастающим раздражением, предвещающим финальный взрыв. Достаточно вспомнить пресловутую реплику: «Смотрите туда! Нет — туда! Туда!»

Помнится, на него произвел большое впечатление фильм Спилберга «Челюсти», и особенно музыка, предвещавшая появление акулы. Жалобные звуки виолончели словно доносились из глубин океана.

— Музыка предвещает драму. Мы внимательно следим за малейшими деталями: ребенком, играющим на песке, или рыбаком, выбирающим сеть, — все начинает внушать страх. И этот саспенс возникает исключительно благодаря музыке.

На съемках «Большой прогулки» он брал уроки у композитора Жоржа Орика, автора музыки к картине, чтобы как можно убедительней дирижировать оркестром. Музыканты поражались, с каким знанием дела он давал им указания при исполнении «Проклятия Фауста» Гектора Берлиоза. В «Раввине Якове» танец раввинов потребовал от него многочасовых репетиций, зато он был счастлив, когда учителя признали в нем прекрасного танцора. В театре этот дар становился мощным орудием для решения нелегкой задачи: вызывать каждый вечер у зрителей нарастающие раскаты смеха.

Мой сговор с Франсуа де Рубэ обеспечивает мне спасительную независимость. Каждую субботу я прихожу к нему для участия в джаз-сейшен с лучшими музыкантами Парижа.

Мы работали также над песенками к фильму. Одна из композиций моей маленькой группы звучит в сцене на яхте. Слова там якобы английские: почему бы нет? Я ощущаю свободу: меня не считают «сынком Луи де Фюнеса». Музыку я постигал сам. То, с каким интересом великий композитор де Рубэ относился к моими скромным успехам ударника, убеждало в том, что как актер я лишь теряю время. Не объяснялось ли это трудностями, вызванными совместной работой с отцом, которого трудно превзойти?

Я окружен артистами, которые, играя хорошую музыку и дурачась, не обращают внимания на мою фамилию и всячески поощряют мое желание стать для них своим. Эти прекрасные минуты продлятся до того дня, когда спустя много лет Франсуа сыграет мне на старой фисгармонии в гостиной своей квартиры последний опус. Он спросил тогда, нравится ли мне мелодия, я ответил, что она дивная. Она и станет лейтмотивом в его последнем фильме «Старое ружье».

Мы снова в Италии. Целый месяц снимаем натуру в Риме, где наш отель расположен на холме Монте-Марио. Из номера Луи можно увидеть собор Святого Петра. Это его успокаивает.

— Мне приятно знать, где находится Папа. Каждый день я мысленно обращаюсь к нему с какой-либо просьбой и хочу быть уверенным, что он отпустит мои грехи!

Каждое утро продюсер предоставляет в наше распоряжение машину с шофером-гидом, чтобы мы могли осмотреть город. Мы работаем после полудня, когда группа давно на месте и улицы оцеплены полицией. Поведение нашего гида типично для римлянина: он на полной скорости приближается к машинам, чтобы объехать в последний момент справа или слева, часто заезжая на тротуар. Отец застенчиво просит его сбавить газ:

— Знаете, Витторио, мы никуда не торопимся. Я люблю любоваться памятниками, соборами или магазинами по дороге.

Но это не может поколебать рвение Витторио. Тогда отец говорит ему более строгим тоном:

— Я прошу вас ехать медленнее. Мне вовсе не улыбается встретиться со святым Петром на небесах! Я просто хочу увидеть его скромную обитель. Да к тому же мне страшно! Поняли?

Теперь мы катим со скоростью десять километров в час.

— Вот видите, так гораздо лучше.

Он всегда переживал, когда за рулем был кто-то другой. Рассчитывая только на свои рефлексy, отец не понимал чужих, особенно если водитель еще и выпендрился.

— Какой скверный шофер! И наверняка много о себе понимает! Посмотри-ка на него: он совершенно уверен в себе, но смею тебя заверить, он плохо кончит!

Собор Святого Петра произвел на него сильное впечатление.

— Огромное здание, но как изящно построено! Колонны так разумно расположены, что первая скрывает все остальные. Нынешние постройки не отличаются подобной изобретательностью.

«Pieta» Микеланджело взволновала его сильнее всего.

— Посмотри, как тонко выписано лицо этой женщины, ее доброжелательный взгляд. Какой контраст с сильными ногами крестьянки, прочно стоящей на земле и словно защищающей своего младенца в нашем несчастном мире!

Проходя по залам Музея Ватикана, он замирает то перед каким-то полотном, то перед скульптурой или триптихом, находя в них гармонию линий, красок или ощущая взгляд автора, который трогает его. При этом он неизменно высоко оценивает талант художника:

— Какой поразительный парень! Какая мощная хватка, как он умудряется передавать мельчайшие детали!

В Сикстинской капелле отец надолго замирает перед Страшным судом. Культурная программа визита ничуть его не волнует: он постигает шедевры искусства с величайшим смирением.

— Если бы мирские дела вершили художники, все было бы не так гадко!

Каждое утро мы бродим по улицам Рима, иногда забегая в лавочки с знаменитыми названиями: Гуччи, Черрути, Прада, Валентино. Виа Венето, которую итальянцы любят сравнивать с Елисейскими Полями, разочаровывает отца. Но ему нравятся здешние бары, где

можно попробовать замечательное мороженое с долька-ми апельсина.

Все великолепие римских музеев и церквей лишь подчеркивает бессмысленность человеческих раздоров. Эти красоты позволяют ему находить все новые реплики и манеру поведения, которыми он воспользуется в один прекрасный день для создания новых смешных характеров своих персонажей.

— Когда видишь все эти произведения, невольно задумываешься, сколько же времени тратится на склоки. Силовые приемы людей с претензиями выглядят при этом еще более невыносимыми!

Мы отправляемся на старую улочку, превращенную на день в съемочную площадку. Она больше не выглядит подлинной, ибо мощные юпитеры и гул электрогенераторов делают ее похожей на студийную декорацию. Мы с Луи играем сцену, в которой карабинерам кажутся подозрительными две коробки у нас в руках. Они ведь продолжают поиски похищенных младенцев.

Впервые с моего дебюта я позволяю себе импровизацию. Прежде чем броситься бежать, я вопросительно поглядываю на Эвана Эванса. Мелочь для опытного актера, но она приводит отца в восторг.

— Ты отлично сыграл, именно это ты и должен испытывать! Тут проложены рельсы, висят всякие надписи, и тебе приходится петлять между ними. Если ты отойдешь далеко от сценария, как я часто поступаю, режиссер поправит тебя. Но ты, по крайней мере, доказал, что способен найти что-то свое.

Все дни съемок отмечены у меня такого рода советами. Но, анализируя творческие усилия Луи, я быстро прихожу в отчаяние. У него, конечно, дар Божий.

По возвращении в Париж я присутствую при съемке сцены, когда он читает басню «Волк и ягненок» юным танцовщицам, чтобы развлечь их и помочь уснуть. Он уже записал басню Лафонтена на пластинку. Все родители купили ее для своих детей: благодаря его живой ин-

терпретации тонкое послание автора лучше воспринималось маленькими слушателями. Иные недоброжелатели утверждают, что это вздорная интерпретации. Они осуждают недопустимую вольность в обращении с классическим текстом. Но отчего-то те же люди помалкивают, когда театральный режиссер ставит «Мнимого больного» в современных костюмах и с единственными стулом и столом в качестве декорации? Ибо это рассматривается, как «современное толкование». Луи не обращает внимания на подобную критику, даже если она его ранит. Он думает лишь о той публике, которой должен любой ценой понравиться: о детях.

— Я хочу, чтобы этот требовательный зритель оставался неизменно со мной. Дети любят развлечение и не задают лишних вопросов — насколько хорошо и достаточно ли умно звучит текст. Рассмешить ребенка очень трудно. Конечно, его забавляют гэги мультфильмов, или вид злодея, падающего с десятого этажа, или когда на голову волка выливают ведро воды и т. д. Но, намереваясь рассказать ребенку смешную историю, надо уметь ее сыграть. Поскольку у него нет предубеждений относительно окружающего мира, он не анализирует то, что мы ему рассказываем. Только искренность убедит его, что перед ним отрицательный или глупый персонаж. К тому же, играя любые чувства, не надо переигрывать, чтобы это не выглядело драмой. В особенности при показе низменных чувств. Дети любят жестокость, но, разумеется, «понарошку».

Дети всегда любили отца и любят по-прежнему, спустя двадцать лет после его смерти. Многим это непонятно. Я же думаю, что помимо его всегдашнего интереса к молодежи этот успех связан с изяществом воплощения. Об этом так редко говорят, а ведь оно позволило ему обращаться к самым смелым сюжетам, никогда не допуская ни тени вульгарности, ни заигрывания со зрителем, — иначе он бы его несомненно потерял. Такая позиция не только обеспечила ему восхищение в любых слоях общества — благодаря ей он остался в сердцах. Его интерес к присущим человечеству порокам говорит

о том, что он был не лучшего мнения о себе подобных. Он полагал, что люди плохи, упорствуя в желании оставаться плохими. Взрослые, считал он, всегда будут злыми! Такое пророчество не могло не восхитить детей и укрепляло их непонимание окружающего мира. Взрослый расист из «Раввина Якова» убеждает, что сей мир плодит ксенофобов и людей, жаждущих власти и денег. Фильм «Мания величия» показывает, что эволюция человеческой породы запаздывает. Все эти истины трогают детей, ибо они их чувствуют, и еще потому, что у них не бывает случая об этом потолковать с кем-то и в особенности быть услышанными. Смех становится их оружием и лекарством.

Чтобы быть ближе к заботам молодого зрителя, отец оставался ребенком. Для этого он не жалел усилий. Он все время пересматривал свое отношение к мелочам жизни и выбирал поведение, отличавшееся от того, которое бы предпочел, действуя инстинктивно. Ему пришлось бы тогда со многим соглашаться. Он же остался таким превосходным актером, ибо все время подвергал сомнению свою игру. Он даже уверовал в то, что был не прав в прошлом и сумел искоренить недостатки в дальнейшем.

— Я рад, что зритель смеялся на «Раввине Якове». Этот смех очистил мою душу.

Вот такую фразу, смутившую иных людей, он произнес в одном из своих телеинтервью. Спешу их успокоить. Расизм представлялся ему такой мерзостью, что он уверил себя, будто эта болезнь присуща человеческой природе вообще, а раз так, то живет и в нем самом. Мне кажется, что, не желая публично высказываться относительно пороков нашего мира, он нашел повод, чтобы осудить его глупость и был этому несказанно рад. Он как бы предупреждал тех, кто легко отрещивается от расизма: в какой-то мере все мы расисты... Таким же образом он старался освободить человека от терзающей его зависти:

— У этого типа великолепная машина, которая стоит по меньшей мере миллион франков! Надо уметь уп-

равлять таким чудовищем! Он наверняка замечательный шофер!

К числу его редких вспышек гнева, которые журналисты считали хроническими, относится случай, свидетельствующий о том, что именно делало его раздражительным и неуживчивым. В тот день мы снимали «На древо взгромоздясь» на студии «Булонь-Бианкур». На съемочную площадку Луи пришел в хорошем настроении, готовый подарить фильму кучу находок. Серж Корбер встретил его словами:

— Итак, Луи, что мы снимаем сегодня?

Такой неожиданный со стороны режиссера вопрос вызвал у моего отца не менее неожиданную реакцию:

— Послушайте, Серж, я тут не для того, чтобы выполнять вашу работу! Раз ничего не готово, я иду в гримерку. Вы предупредите меня, когда напишете то, что давно должно быть сделано! А если не придумаете, я вообще отвалоу.

Я тотчас спрашиваю Сержа, что происходит. Он отвечает, что, раз Луи все меняет в каждом плане, он счел нужным его спросить — наверное, не очень тактично, признает он, — не намерен ли тот предложить новую идею. Буйная фантазия Луи часто мешала режиссерам снять то, что они задумали. Но в конечном счете они использовали его импровизации, способствовавшие успеху фильмов. В поисках идеи ему случалось неожиданно покидать съемочную площадку. Тогда считали, что всему виной его дурное настроение, и возникали всякие домыслы относительно того, что могло его разозлить. «Куда девался Луи? Он чем-то недоволен? Что он вам сказал? Где он? Надо послать к нему костюмершу».

Такие эскапады не были капризами звезды. Просто актеру надо было отдохнуть и собраться с мыслями, усталость мешала ему сыграть так, как он задумал.

— Я потерял кураж. То, что я делаю, никуда не годится. Я играю, но глаза пустые. Так бывает, когда ты говоришь с человеком, а он думает о другом или с официантом, который принимает заказ, наблюдая за про-

езжающими машинами. Мне надо полежать. Следовало бы их предупредить, но мне не хотелось объясняться, это еще утомительнее. «Да нет же, Луи, все было отлично, если хочешь, можно переснять!» — говорят они. А мне не хотелось втягиваться в бессмысленные переговоры.

Он вполне мог не лезть вон из кожи, просто сыграть сцену, не прибавляя ничего от себя, не превращая ее в маленький шедевр. Фильму бы это нисколько не повредило. Ничего не поделаешь: он не хотел жертвовать пленкой ради легковесности или банальности.

Патрик

После смерти Бурвиля в 1970 году проект «Мании величия» застопорился. Жерар Ури принялся искать другого партнера для Луи де Фюнеса. Но только не такого, который уверен, что он смешной, то есть умеет «играть комедию». Ив Монтан? Почему бы нет? Отец уважал трудяг. Монтан был славным человеком, но сдвинулся на социалистической и коммунистической риторике, непонятной простому смертному.

— Хуже всего, что он искренне верит во все это, — говорил отец. — Слушать его просто невыносимо!

Отношения у них сложились вежливые, но слегка отстраненные, дружбы не возникло. С Монтаном нельзя было разделить радость смешной находки: он был запрограммированным человеком. Во время ужина, проглотив три листочка салата, он вскакивал и стремительно бежал в свой номер, бормоча: «Надо позвонить Симоне! Надо позвонить Симоне!» Наверное, Симона Синьоре подсказывала ему, как играть завтрашние сцены.

Оливье

В панике, что роль Блаза досталась ему вместо Бурвиля, Монтан запирался в своем номере и сутками искал, как сыграть эту роль, вложив в нее всего себя без остатка.

Так же он репетировал перед песенными гастролями. Луи он восхищался и считал, что недостойн сниматься с ним. Отец же говорил о нем:

— Ремесло-то он знает туго... С Андре (Бурвилем) получилось бы лучше, но с ним я, пожалуй, сыграю роль по-другому.

Монтан тщательно отделывал каждую деталь своей игры. Хотя у них были разные взгляды на жизнь и на профессию, я не замечал, чтобы отец как-то страдал от этих различий. Они уважали друг друга. Дуэта Фюнес — Бурвиль больше не было, но этот новый союз вполне удался, хотя и не привел к рождению крепкой дружбы.

Мама, Патрик и я неизменно поощряли эксперименты отца, нам хотелось, чтобы он снимался с разными актерами и у новых режиссеров. Но это не всегда удавалось, ибо он не любил иметь дело с незнакомцами, явно предпочитая партнеров, которых хорошо знал.

Патрик

После того как гасли студийные прожектора, Алиса Саприч по-прежнему считала себя главной камеристкой королевы Испании. У нее не было ничего общего с принцессой, описанной Сен-Симоном, который говорил о ее исполненной достоинства и скромности походке.

Саприч сердилась, считая, что в «Мании величия» выглядит смешно. Родители раза два приглашали ее за свой стол, чтобы развлечь. Потом она стала подсаживаться к ним без приглашения. К ней присоединился один молодой человек, на следующий день — другой... Отцу было неловко, и он покончил с этим вынужденным приглашением. Так он заполучил еще одного врага, который станет болтать о нем, что он отвратительный и жадный человек.

На съемках родители подружились с доном Хаиме де Мора. Испанский гранд в фильме, и в жизни тоже:

он был братом королевы Фабиолы, супруги короля Бельгии Бодуэна. Он уговаривал отца заняться своей генеалогией, считая, что его фамилия принадлежит к высшей знати. Но тому было на это совершенно наплевать, и он только из вежливости не признавался, что чувствует себя чужим в стране предков. Зная наизусть генеалогию мамы, отец ни разу не проявил любопытства в отношении собственной. На этой стадии своей жизни он не желал быть Актером с большой буквы. Сознавая, что популярность изолирует, отец предпочитал общество людей, которые рассказывали ему о своей повседневной жизни.

14. ЖЕРАР УРИ

Патрик

В Париже Жерар Ури был нашим соседом. Он жил со своей матерью по другую сторону парка Монсо. Родителям достаточно было пересечь парк, чтобы найти его в закусочной на площади Терн. Мишель Морган присоединялась к ним только за ужином. Она не жила с Жераром, очень держалась за свою независимость. Намучившись с Анри Видалем, который с юных лет пристрастился к наркотикам, не без участия женщины много старше, стремившейся тем самым привязать его к себе, она и слышать не желала слова «свадьба». Брак испортил ей жизнь. Неизменно очаровательная, Мишель обладала настоящим парижским шиком, без малейшей тени жеманства. Я часто присоединялся к ним во время обеда, наслаждаясь их остроумной беседой.

После выхода «Разини» отец осознал, что стал публичным человеком. Он понимал, что его свобода передвижения будет отныне сокращаться, как шагреновая кожа. «Какой же я глупец, что не взял, как Бурвиль или Габен, псевдоним!» — ворчал он.

Журналисты осаждали его и часто искажали сказанное им. Другие, соперничая в недоброжелательности, использовали эти писания, в общем шла цепная реакция. В результате возникали самые абсурдные легенды. В то же время в доме неожиданно возникали из небытия давно пропавшие старые знакомые.

— Если завтра мой фильм провалится или я сломаю ногу и не смогу сниматься, эти люди и не вспомнят обо

мне. Они повернутся ко мне спиной, — заявлял он со своей неумолимой логикой.

Письма со всякого рода предложениями и просьбами сыпались на него, как из рога изобилия. Их тщательно укладывали по порядку в красную папку.

— Кто знает, что может случиться завтра! — повторял отец.

Одно письмо буквально ошарашило его своим бесстыдством. В нем говорилось: «Месье, вы подарили жене замок. Я тоже хочу сделать подарок своей супруге: пришлите мне двести тысяч франков, пожалуйста!»

Так поднимался занавес над человеческой комедией.

Жерар Ури чувствовал себя вольготно в этом мире. Обладая незлобивым умом, он культивировал искусство жить со вкусом, не выставляя себя напоказ. Портрет Регента*, написанный Сен-Симоном, вполне подходил и к нему: «Слушая его, можно было ошибочно решить, что это весьма начитанный человек. На самом деле он лишь пробежал тексты. Но, обладая удивительной памятью, не забывал ни факты, ни имена, ни даты, которыми затем пользовался весьма кстати. Любитель поговорить, он так и сыпал остроумными словечками или репликами... Ничуть не навязываясь, он умел с каждым находить общий язык и тем самым вести себя в обществе совершенно непринужденно». Жерар стал нашим лучшим советчиком в мире, кишевшем акулами.

Едва встав с постели, отец звонил ему и наверняка не раз будил. Ему надо было узнать, с кем он ужинал накануне, в каком ресторане, какие блюда заказывал и во сколько это обошлось! Из своей комнаты я слышал взрывы смеха, прерывавшегося восклицаниями: «Подумать только! Только подумать!»

---

* Имеется в виду регент Филипп Орлеанский, стоявший во главе Франции в период с 1715 по 1723 г. и успевший провести ряд прогрессивных реформ.

— Жерар умеет жить, как никто другой, дети мои, — говорил он нам. — Если он отправляется куда-нибудь, можете быть уверены, что это приличное место.

Жерар понял, что отец не любит говорить на «профессиональные темы». Кинематографические танцы ему были не интересны. Поэтому Жерар лишь изредка приглашал его к себе в компанию с актерами или режиссерами, понимая, что их банальные разговоры могли ему лишь наскучить. Но на встречу с Андре Мальро отец согласился сразу.

Я тогда был в Тунисе и, к сожалению, не смог присутствовать на их ужине у Жерара в сугубо неофициальной обстановке. Отец с удовольствием рассказывал мне потом об этом. Мальро только что прибыл из Коломбелле-дэз-Эглиз, где попрощался с умершим генералом де Голлем. Великий писатель произнес при этом с только ему присущим мастерством длиннющий монолог. По его словам, мадам де Голль велела завинтить гроб до приезда президента Помпиду. «Ну, нет! — произнесла она. — Он не увидит его мертвым!»

Размахивая руками, отец демонстрировал, как Мальро изображал кота генерала, который то забирался под катафалк, то исчезал. Пораженный услышанным, отец забывал есть, тогда как писатель ни на минуту не терял из виду ни свою тарелку, ни бокал, который опорожнял перед каждой новой фразой. Его нос начал опасно нависать над столом, погрузившись наконец в остатки голубя... Покатываясь от смеха, Мишель Морган и мама поспешили удалиться, чтобы привести себя в порядок.

Оливье

— В американских фильмах каждый план отменно выстроен, — говорил мне отец. — Массовка состоит из профессиональных актеров, специально отобранных для эпизода. Каждая минута съемки представляет настоящее зрелище. Когда я смотрю шоу Дэнни Кея, я отдаю себе отчет, сколько труда было затрачено на напи-

сание сценария. А ведь это всего лишь телевизионный спектакль!

Он сожалел, что французская продукция, в отличие от американской, часто бывает халтурной. Впервые его мечта осуществилась на «Разине». Режиссура Жерара Ури отличалась четкостью, все было хорошо выверено: звук, освещение, точки съемок, декорация, режиссерская разработка сценария, выбор актеров и в особенности сюжет. Все эти качества проявились в еще большей степени на «Большой прогулке».

— Уже титры сделаны превосходно, — радовался отец. — Настоящий фильм о войне! Можно подумать — вот сейчас появится Берг Ланкастер в роли командира бомбардировщика!

Он говорил, что куда легче играть в хорошо продуманном фильме.

— С Жераром словно окунаешься в детские годы кинематографа, когда к съемкам готовились очень тщательно. Я освобожден от каких-либо забот, наверное, я даже не заслуживаю гонорара. Зато другие должны были бы мне платить значительно больше, чем платят!

Они сделали вместе четыре фильма, и никогда я не видел отца таким счастливым, как в то время.

Патрик

Широкий по натуре, Жерар дарил нам цветы и шоколад. Его поставщики, тот же Дом Фукет, сразу становились и поставщиками отца. Свои покупки он демонстрировал друзьям и семье, но главным образом тем, кто способен был их оценить. Ни о чем не забывая, он сам обзванивал бутики.

На «Большой прогулке» съемки в Боне позволили ему познакомиться с бургундскими виноторговцами. Он даже был награжден орденом местных дегустаторов. Да простит мне читатель, я никогда не мог разобраться в его заказах. Наш погреб был забит картонками с такими сортами вина, как «Шамболь-Мюзиньи», «Нюи-Сен-Жорж», «Мерсо»... Но он не терял зря времени,

лишь любясь этими бутылками, как об этом писали: он был не из тех, кто долго вдыхает запах вина перед тем, как поднести к губам бокал, чтобы после пятиминутных размышлений и нескольких гримас объявить, что оно пахнет бананом или черной смородиной! Нет ничего более занудного, чем молча ждать, когда хозяин дома произнесет свой вердикт!

Со временем отец уже не принимал решений без одобрения Жерара, которому явно было неловко, когда приходилось отвечать по телефону на вопросы, далеко выходящие за рамки его компетенции: скажем, надо ли купить новую стиральную машину или что он думает о моих успехах в обучении медицине... Однажды я даже бросил мимоходом отцу:

— Послушай, папа, мне кажется, у нас скверная туалетная бумага. Спросил бы ты у Жерара, какую марку он предпочитает.

А едва он вешал трубку, как ему звонила мать Жерара. И повторялся тот же разговор: отец излагал ей то, что они с Жераром сказали друг другу.

Несмотря на растущую популярность, отец продолжал совершать свои привычные прогулки, во время которых посещал магазины овощеводов на набережной Межиссери. Он знал по имени всех торговцев, которые откладывали для него редкие растения, семена овощей, саженцы фруктовых деревьев. Однажды, увидев его выходящим из такси, какая-то дама закричала: «Да ведь это Луи де Фюнес! Смотрите, это Луи де Фюнес!» Поскользнувшись, женщина упала на горшки с цветами, стоявшие на тротуаре. Отец даже не смог прийти ей на помощь. Его сразу окружили хохочущие и хлопающие себя по ляжкам прохожие-зеваки. Он нырнул в такси и дал дёру. Этот инцидент положил конец его спокойным прогулкам.

Жерар посоветовал ему взять шофера-телохранителя и познакомил с Жоржем. Этот колосс с перебитым носом был бы великолепен в роли убийцы в американском боевике. В то время он как раз вышел из тюрьмы, и Жерар с Мишель решили дать ему шанс начать но-

вую жизнь. Когда, незадолго до смерти, Анри Видадь мучился от ломки, Мишель обратилась за помощью к Жоржу, и тот доставал им спасительный белый порошок. Эта деятельность в конце концов и привела его за решетку.

Отца ничуть не смутило бурное прошлое того, кто должен был его возить. В то время шоферы, приглашенные обслуживать съемочную группу, пользовались собственными машинами. И вот однажды утром Жорж приехал на старенькой черной колыхаге с расшатанными амортизаторами. Это был здоровенный детина, весь в шрамах, точно лев, которому пришлось расправиться с кучей врагов, защищая свою территорию. Этот большой добряк умел быть благодарным и без конца повторял, что, если бы не мой отец, он бы опять занялся сбытом «беленького порошка». Тогда как раз в «Олимпии» давал концерт Рэй Чарльз. «Понимаете, месье Патрик, его люди связались со мной, ясно для чего? Короче, я отказал им! Но не будь я знаком с месье де Фюнесом, наверняка бы принял за старое!»

Поездки на набережную Межиссери возобновились. Когда Жорж выходил из машины, зеваки разбегались во все стороны, как белки при виде тигра. Но была одна проблема: Жорж очень плохо водил машину. На каждом перекрестке отец, умирая от страха, кричал ему: «Осторожно!» Его своеобразная манера вести машину вызывала негодование автомобилистов и заканчивалась подчас потасовкой. Разумеется, отец запрещал ему такие выходки. Мы с Оливье, когда ездили с Жоржем, разрешали ему заехать в больницу, чтобы справиться о здоровье пациента, которому он помог попасть туда. «Только, пожалуйста, ничего не говорите месье де Фюнесу!» — просил он.

Отец добился, чтобы Жоржа приглашали работать на каждой его картине. Но на съемках «Жандармов» он с трудом представлял себе, как будет трястись от страха вместе с мамой на опасных горных виражах. Все могло кончиться точно так же, как в фильме, когда за рулем монашка! Не желая обречь Жоржа на безработи-

цу, отец нашел выход. Пригласив другого шофера, Мориса, Жоржу он поручил доставку багажа и бобин с отснятым материалом в аэропорт, откуда их переправляли в Париж.

Оливье

Отец оставался верен Жоржу в течение многих лет, и тот работал с ним на десятке фильмов. Он считал, что мы в безопасности рядом с таким здоровяком. Этот бывший кетчист не раз спасал нас от неприятностей. Помню, благодаря его внушительной внешности мне удалось уладить довольно щекотливое дело. Я был тогда ударником в небольшой рок-группе. Мы вложили все наши средства в современный усилитель гитары, который сразу после доставки вышел из строя: его наверняка собирал какой-то ремесленник. К моим требованиям заменить его продавец остался глух, и я понял, что сам ничего не добьюсь и придется вечно чинить усилитель. Узнав об этом от отца, дружище Жорж ужасно разгневался и отправился вместе со мной к продавцу. «Я хотел бы получить новый усилитель для месье Оливье», — сказал он. И я тотчас получил со всяческими извинениями хозяина новенький, последней модели, усилитель.

Эта безопасность нам, конечно, дорого обходилась, ибо десять лет приходилось пользоваться его развалюхой-«опелем»! Во время поездок отец любил слушать рассказы Жоржа о его последних сражениях, убежденный, что от агрессии может спасти только физическая сила.

— На полицию и суд им наплевать, — говорил он. — Боятся они только хорошей взбучки.

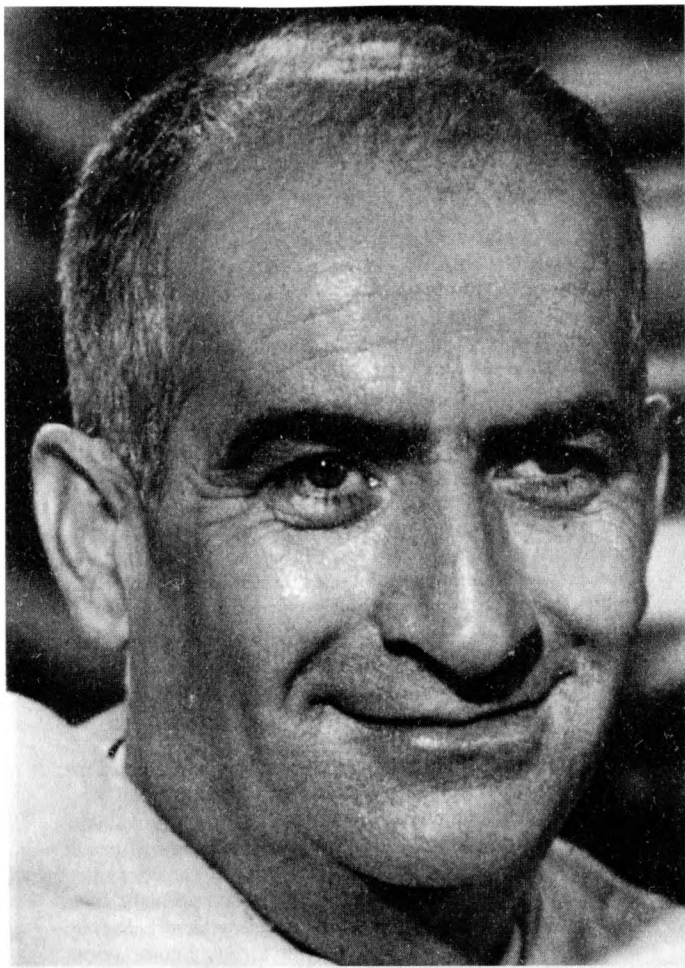
15. ОКАЯННЫЙ ТЕЛЕФОН

Патрик

По мере роста своей популярности отец оказался в золотой клетке. Мама поняла тогда, до какой степени ее муж изолировал себя от окружающего мира. Увидев однажды по телевизору новый супермаркет, он сказал маме:

— Только подумать, как набиты товарами все полки! Смотри, какие там дают тележки для покупок, очень удобно. Разве прежде такие были?

На маму легла обязанность вести все его текущие дела, обсуждать с продюсерами условия контрактов и новые проекты. Ей приходилось отвечать на массу звонков. Отец же много разговаривал по другой линии, беспокоя под разными предлогами людей. Гордясь возможностью пообщаться с Луи де Фюнесом, они бросали все свои дела. Всегда предельно вежливый, он рассыпался в извинениях, так что его собеседники ни в чем не могли ему отказать, даже в самой глупой просьбе. Отправляясь в Нант почти на каждый уик-энд, он тщательно готовился к поездке. Сначала требовалось не менее четырех звонков, чтобы заказать места на самолет «Эр-Интер», и даже больше, если не удавалось сразу дозвониться до нужного человека! Затем, чтобы его не беспокоили в зале ожидания, он звонил дежурному аэропорта Орли, чтобы ему позволили занять место до начала посадки. А в день отлета беспокоил диспетчера в аэропорту Нанта: если тот заверял его, что посадка пройдет без всяких осложнений, — можно было лететь. Но оставалось сделать самый важ-

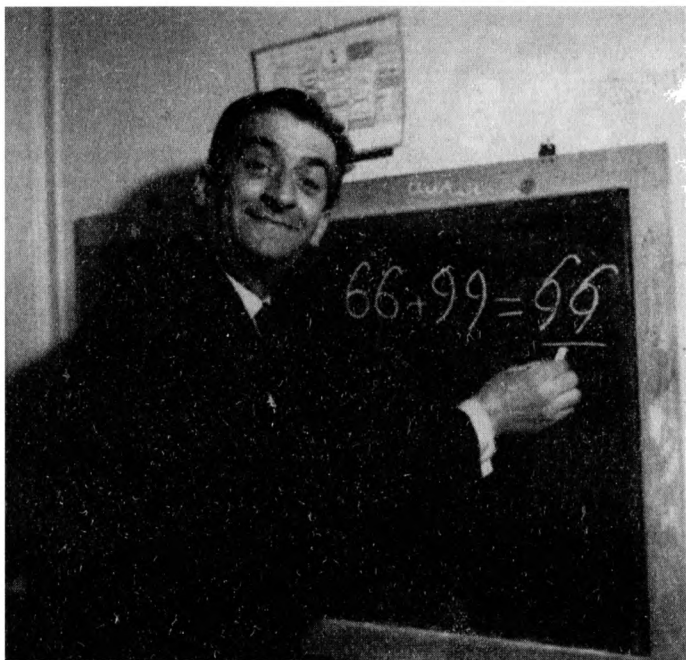
*Луи де Фюнес в зените славы
(в фильме «Фантомас против Скотленд-Ярда»)*

*В возрасте 11 лет Луи де Фюнес
уже играл роль жандарма в школьном спектакле
(лицей Куломье, 1925-26 учебный год)*

Луи и Жанна ни дня не могли прожить друг без друга

*«Отец превращал в комедии
даже наши уроки арифметики», — вспоминают
сыновья Луи де Фюнеса*

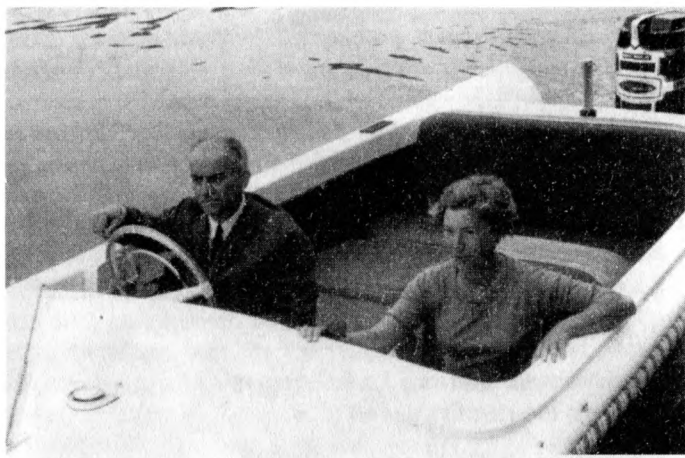

*Когда Патрик работал в Тунисе,
Луи и Жанна часто навещали его и на всю жизнь
влюбились в эту страну*

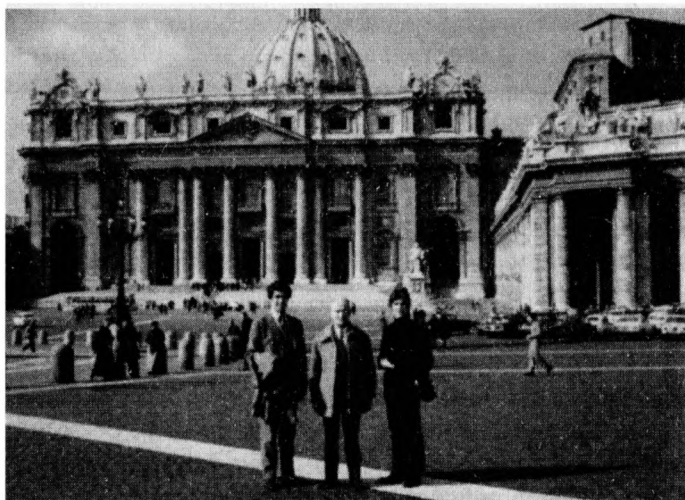

Луи де Фюнес на пробах (1962)

Луи и Жанна на съемках «Маленького купальщика» (1967)

*Луи де Фюнес с сыновьями в Риме во время съемок
«Человека-оркестра» (1970)*

«Боевое крещение»: сын Луи де Фюнеса Оливье дебютировал в фильме «Фантомас разбушевался» (1965)

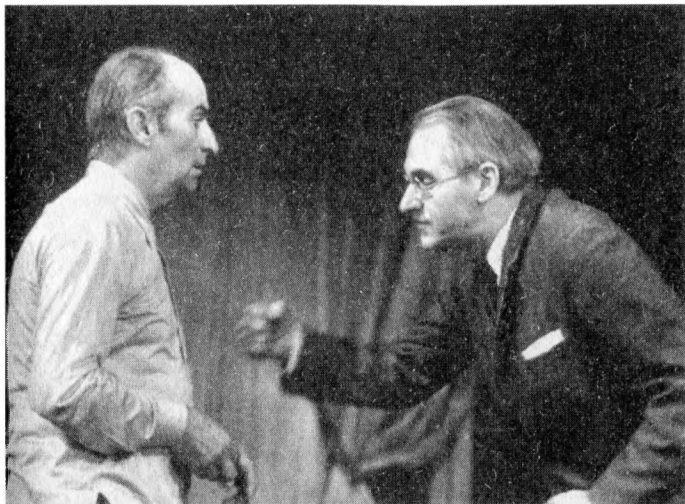

Mit de Funès
- nov-1965 -
vous etes au coté de
Audrey Hepburn. et le Fener -
Prince de Monaco. Grand de Monaco
Delrigida - etc -

1965: успех в «Жандарме» и «Разине»
сделал Луи де Фюнеса звездой первой величины.
Луи и Жанна на празднике «Ночь кино»

Великий комик никогда не пренебрегал маскарадом

*Луи де Фюнес и Жан Ануй
на репетиции «Вальса тореадоров» (1973)*

*Луи де Фюнес и его сын Патрик
у ворот замка Клермон (1970)*

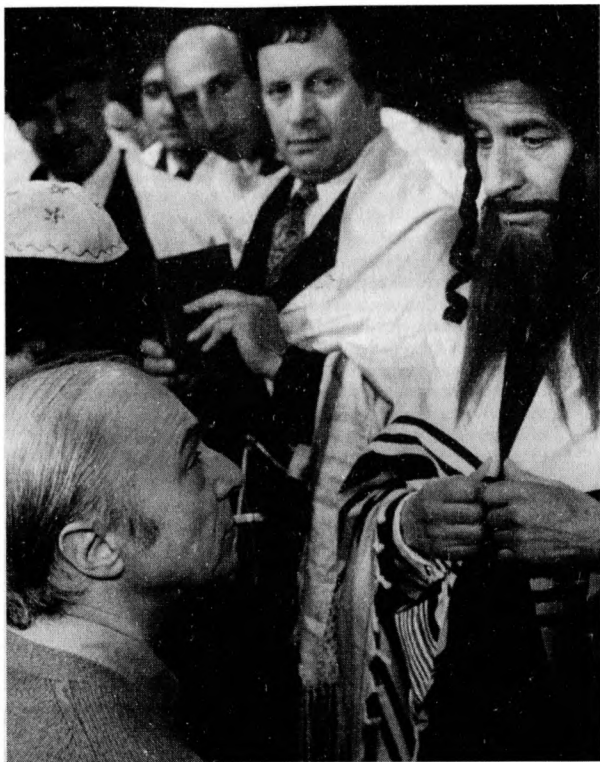
Луи и Жанна с Морисом Шевалье (1963)

*Съемочная группа «Жандарма в Нью-Йорке»
на борту лайнера «Франция» (1965)*

Луи де Фюнес с сыновьями

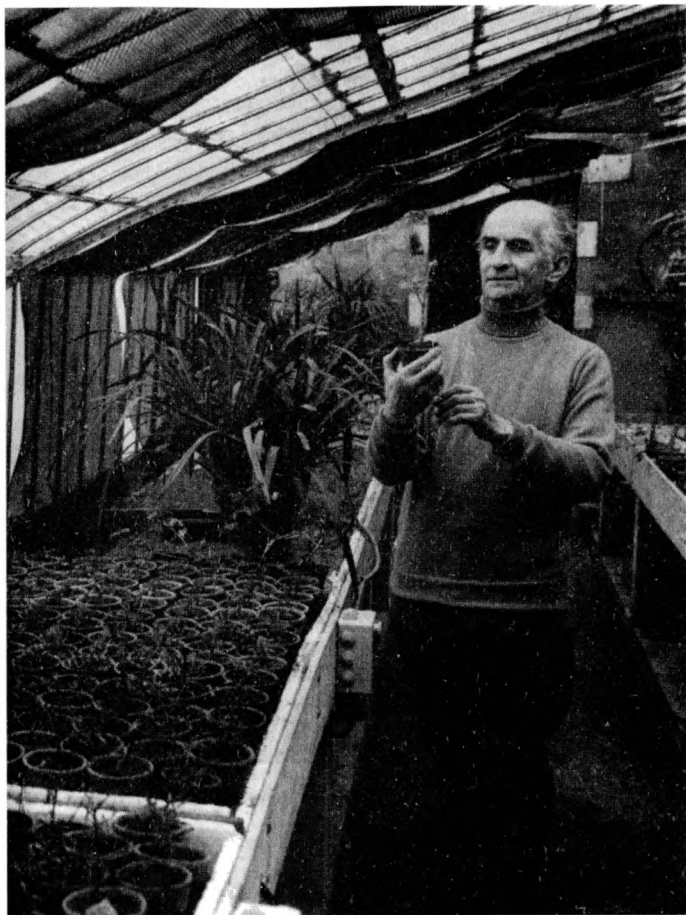

*Жерар Ури и Луи де Фюнес
на съемках «Приключений раввина Якова»*

*Идея финальных кадров «Скупого»
родилась в Тунисе*

*Весь свой досуг Луи де Фюнес
посвящал любимому занятию — садоводству*

ный звонок — в кафетерий парижского аэропорта Орли, чтобы ему отложили два круассана — те самые, которые так любит мадам де Фюнес. Чашка кофе с молоком выпивалась перед вылетом в обязательном порядке. Боясь быть узнанным, он надевал плащ и темные очки, что было само по себе довольно глупо. Стремясь сделать как можно лучше, отец на самом деле лишь все усложнял. Но когда достигаешь такой популярности, трудно найти место, где можно уединиться и сохранить свои привычки. Как ни старайся, повседневная жизнь все равно приобретает какой-то сюрреалистический характер.

Телефон стал для него такой необходимостью, что отец придумал гэг, в котором можно сегодня угадать нечто провидческое:

— Я мечтаю о телефоне, который бы звонил по-разному: в тех случаях, когда меня добивался неприятный господин, раздавалось бы «брум-брум!», а если красивая женщина — «дзинь-дзинь!». А, это сборщик налогов! А, это Мари!

Оливье

Однажды в августе 1969 года около шести вечера зазвонил телефон. Покатываясь от смеха, домработница сообщила отцу, что некто намерен похитить его детей.

— Алло, месье де Фюнес?

— Это я.

— Мне нужны пять миллионов франков, и быстро. Если вы откажете, пострадают ваши сыновья!

Отец побледнел: это не было похоже на блеф. Подобное требование уже содержалось в анонимке, обнаруженной в почтовом ящике. Отец тотчас собирает на совещание всю семью. Меня и Патрика не очень беспокоят эти угрозы. В возрасте 24 и 19 лет нам вряд ли может угрожать классическое похищение при выходе из школы. Не мешкая, родители обращаются в полицию. Польщенный тем, что разговаривает с самим Луи де Фюнесом, дежурный тепло приветствует его. Час

спустя известный своими расправами с преступниками всех мастей дивизионный комиссар Летайанте выражает желание посетить нас завтра утром. Крепко сбитый, с волевым подбородком и твердым взглядом, он производит сильное впечатление на отца. Все приготовлено для допроса: апельсиновый сок, кофе, бисквиты... Отдав предпочтение бокалу пива, полицейский внимательно выслушивает нас. Он хочет знать, в котором часу был звонок, как звучал голос шантажиста, в каких выражениях были угрозы и т.д. Потом рассказывает несколько историй, которые, благодаря его опыту, завершились благополучно. Полный восхищения, отец интересуется, как проходит задержание, какая у него марка револьвера, где находятся места содержания под стражей. За час мы узнаем все его секреты. Назавтра два телохранителя не спускают с нас глаз. Вечером шантажист звонит снова:

— Имейте в виду, если вы предупредите полицию, пеняйте на себя!

Настоящий детектив! Но это ничуть не радует отца. Новый звонок свидетельствует о решимости человека добиться своего. Рано утром, в сопровождении двух молодых инспекторов, комиссар появляется у нас для того, чтобы допросить Патрика: будучи совершеннолетним, он может в той или иной степени иметь отношение к этому делу. Есть ли у него сомнительные знакомые? В котором часу он вернулся в день первого звонка? Бывает ли он на вечеринках в пригороде? И т.д. Родителям все эти вопросы не по душе, они раздраженно заявляют, что комиссар выбрал ложный путь. Довольный приемом и вкусными круассанами, тот отказывается от этой версии и отправляется на набержную Орфевр, чтобы еще поработать над нашим делом. Каждое утро два лейтенанта провожают меня до Драматических курсов Рене Симона, а затем проводят день в доме, регистрируя каждый телефонный звонок. Телефон уже поставлен на прослушивание, когда раздается долгожданный звонок.

— Ваша жена должна принести означенную сумму в закусочную «Дюпон-Монпарнас». Только, упаси вас Боже, никакой полиции. Иначе...

Но тут выходит из строя магнитофон. В панике инспектора вызывают комиссара, который с ходу вырабатывает план действий. Надо приготовить пакет-«куклу» с вырезками из газет, а об остальном позаботится полиция. Мама мужественно соглашается осуществить задуманное. На другой день она нанимает такси и везёт толстый крафтовый пакет. Я, пренебрегая запретом, следую за ней. Увидев, как она вошла в закусочную, я стараюсь обнаружить человека в плаще с поднятым воротником и в темных очках, как это показывают в фильмах. Но никого не замечаю, а мама уже выходит с чувством исполненного долга.

После нашего возвращения становятся известны результаты слежки.

— Алло, говорит комиссар Летайанте! Мы повязали того, кто пришел за пакетом. Это шофер такси, которому поручено отнести деньги в отель на бульваре Распай. Мы позволили ему выполнить поручение. Теперь ждем продолжения. Не волнуйтесь!

Вскоре следует новый звонок.

— Благодарю за грандиозный прием моего посланца, месье де Фюнес. Это не пройдет вам даром!

Теперь понятно, что прятаться бесполезно. Шантажист не появится. Однако спустя несколько дней в интервью одной газете он сообщает, что уже пытался однажды похитить Джонни Холлидея, и предупреждает, что о нем еще услышат! Тем временем в картотеке набережной Орфевр обнаруживают некоего Жака Робера, которого после неудачного похищения Джонни Холлидея освободили по причине его психического заболевания.

— Думаю, этот бедняга не опасен, — заверяет комиссар.

Успокоенные и освобожденные от телохранителей, мы возобновляем нормальную жизнь. Через три недели комиссар извещает нас, что Жак Робер задержан, точ-

нее, он сам сдался полиции. Ему грозит несколько месяцев тюремного заключения. Дело, похоже, закрыто. Но однажды в июле 1970 года в нашем дворе в Клермоне появляется элегантно одетый мужчина.

— Я Жак Робер, — объявляет он маме, которая, забыв это проклятое имя, полагает, что перед ней местный чиновник.

— Здравствуйте, месье.

— Вы помните меня? Я сожалею, что доставил вам столько беспокойства! Жизнь, знаете ли, не простая штука, особенно после тюрьмы. И теперь я снова без гроша.

При этих словах мама едва не падает в обморок. Но, взяв себя в руки, решительно выдворяет его за ограду.

Мы больше ничего не слышали о Жаке Робере до того дня, когда узнали о захвате самолета «Эр-Интер» пиратом с таким именем, застрелившим при этом стюардессу. Этот «бедняга», как его назвал комиссар, стал убийцей. Тогда же мы узнали, что еще в двадцатилетнем возрасте он убил своего папашу. Но у следствия не хватило доказательств, чтобы вынести обвинение в отцеубийстве.

16. ЦЕНА ИЗВЕСТНОСТИ

Патрик

Наш сад в Сен-Клер-сюр-Эпт выглядел весьма скромно по сравнению с огородом в замке Клермон. Но он был превосходной лабораторией для изучения тех, кто, выдавая себя за садовника, на самом деле является лишь простым сельскохозяйственным рабочим. Отправляясь на съемку «Разини», отец покинул прекрасный цветущий сад, а по возвращении увидел, что из-за небрежности сторожа все засохло и пожелтело. Засучив рукава, он использовал короткий отдых перед новым фильмом, работая на огороде и отдавая все силы прополке, межеванию и вскапыванию. Выпускники сельскохозяйственных институтов использовались тогда для ухода за общественными парками, поэтому ему приходилось довольствоваться помощью кого придется. Он даже решил сам поступить на курсы Королевских огородников в Версале и Багателе.

Зато благодаря жене сторожа отец впервые осознал, какой стал «знатной особой». Не будучи чувствительным к лести, он пользовался, однако, многочисленными мелкими льготами, которыми охотно делился со своими знакомыми.

В ту очень холодную зиму снежные заносы сделали дороги непроходимыми, и, когда у жены сторожа внезапно сильно заболела голова, врач не смог добраться к ней. Муж звонил нам каждый час, бедняжке становилось все хуже. Из трубки до нас доносились ее стоны и жалобы. Встревоженный, отец вспомнил, что на премьере фильма «Жандарм из Сен-Тропе» познакомился с

шефом жандармерии Франции г-ном Перье. Ни минуты не раздумывая, он позвонил ему:

— Дорогой месье, боюсь, что у жены нашего сторожа менингит! Смогут ли жандармы вывезти ее на своем внедорожнике?

— Господин де Фюнес, чтобы забрать ее, мы тотчас отправим к вам вертолет.

Отец и не рассчитывал на такое внимание.

— Видите, дети мои! Ради меня поднята на ноги армия!

Представляете выражение на лицах соседей, когда на деревенской площади приземлился вертолет, точная копия того, который был использован в фильме «Приключения раввина Якова». Была предупреждена и больница в Понтуазе. Но неизвестно, по какой причине — то ли от полета на большой высоте, то ли от удовольствия вызванным ею переполохом, — когда эту даму, подобно раненому солдату, выгрузили из вертолета, невероятная боль чудесным образом испарилась. После тщательного обследования врачи убедились, что она страдает обычной мигренью. Отцу было крайне неловко. Он ругался на чем свет стоит. Но господин Перье его ни в чем не упрекнул. Эта история сдружила их и позволила потом оказать услугу мне.

В те времена у меня была черная машина марки «МЖБ». Эта потрясающая колымага досталась мне, как обычно, в награду за успешно сданный экзамен. Я был тогда на третьем курсе медицинского факультета. Хотя Оливье утверждает обратное, я всегда был очень осторожен за рулем... Итак, в нескольких километрах от Сен-Клера обгоняю медленно плетущийся фургон. И тут меня перехватывают два скрывающихся в кустарнике мотоциклиста, обвиняя в том, что я заехал на разделительную полосу. Они заранее радовались, что ущучат юнца в роскошной спортивной машине. Я не сдаюсь и доказываю, что пресловутая полоса стерлась и видны лишь ее жалкие остатки! Вынужденные это признать, они соглашаются не составлять протокол. Еще бы! Но через месяц мне присылают большой штраф. Отец час-

то ругал меня за лихачество, но проявлял понимание при более сложных обстоятельствах. Он знал, что сын звезды может испытать на себе не только симпатии, но и придирки дорожной полиции. Меня не раз задерживали по пустякам. Но, прочитав фамилию, спрашивали «не сын ли я...» и отпускали, рассыпаясь в комплиментах по адресу отца. Правда, иногда появлялся старший и выписывал максимальный штраф. Его подчиненные сочувственно вздымали очи к небу, словно говоря: «Ну, что возьмешь с такого дуболома!»

Мне уже случалось побывать в полицейском участке. На сей раз из-за пресловутой желтой полосы отец решил побеспокоить господина Перье, доказывая ему, что я хороший студент, не похожий на других звездных деток, всегда готовых нарушить правила дорожного движения. Дело приняло серьезный оборот, на «место преступления» была отправлена бригада фотографов, и меня оправдали.

— Милый друг, ваш сын был прав, и могу вас заверить, что эти полицейские будут строго наказаны. Они того заслуживают; их поведение недопустимо! — заключил господин Перье.

Когда я был на практике в акушерском отделении больницы Ларибуазьер, Соланж Труазье, заместитель главного врача, — умная, энергичная женщина, да к тому же депутат, спросила, не сможет ли отец походатайствовать за единственного сына ее безнадежно больной пациентки. Соланж, несмотря на ее связи, было отказано в отсрочке парню от призыва. Не знаю, что сделал отец, но через два дня проблема была решена.

Управляющий независимого кинотеатра в Сэн-Лу-г-н Руллан был одним из его любимых собеседников. Он познакомился с ним во время показа своего фильма и восхищался героическими усилиями этого человека, державшего на плаву тонущий корабль своего кинотеатра.

— Знаешь, кресла там отличные, он следит за этим. А капельдинершам запрещено просить механика уба-

вить звук, чтобы продолжать свою болтовню! Ему с большим трудом удастся доставать свежие копии. Это не торгош, а увлеченный своим делом человек!

Я не был с ним знаком, но весьма ценил присылаемые им еженедельно в подарок бараньи ножки (барашков он разводил на своей ферме в бухте Мон-Сен-Мишель) и устриц. Не желая остаться в долгу, отец посылал ему шоколад, пармскую ветчину, колбасу... Пришлось нанять человека, чтобы готовить из присланных припасов еду. Первым поваром оказался азиат. Блюда его были отменно вкусные, но продукты, доставляемые из Сен-Ло, не устраивали его, ибо мешали пользоваться услугами знакомых мясников за комиссионные. Чтобы досадить нам, он всячески расхваливал своего прежнего хозяина, Джонни Холлидея, который, видимо, оплачивал говяжье филе по цене икры. Короче, он вскоре покинул нас, вероятно, в поисках другого богачея. За ним последовала вереница так называемых поваров, надо признать, более или менее способных. Когда блюдо подавалось на стол, атмосфера становилась весьма натянутой. Обладавшая тонким вкусом мама обычно слегка кривилась: это не было похоже на то, чего она ожидала! Отец, утомленный постоянной сменой поваров, убеждал себя, что наконец нашел редкий бриллиант, и говорил, накладывая себе еду на тарелку:

— А мне нравится!

— Послушай, Лулу, это же несъедобно!

Тогда он накладывал себе вторую порцию.

Но с появлением Эмили случилось чудо. Эта уже немолодая женщина отлично справлялась с кухонными запросами таких буржуа, как мы. Именно о такой пище мечтала мама: простой, нежирной и съедобной. Слово «чудо» подходило к ней еще и потому, что она принадлежала к секте, которая высасывала все ее сбережения. Боженьку она поминала каждую минуту, даже преклоняла колени и простирала руки к небу, благодаря Его за удачно приготовленный соус. Со временем ее безумие стало усиливаться. Но больше всего нас смущало то, что даже в очках с толстенными стеклами она почти ничего

не видела. Когда отец входил на кухню, она его не узнавала. Однажды я услышал такой их разговор:

— Кто пришел?

— Это я, Эмили.

— Кто?

— Ваш хозяин! Луи де Фюнес, киноактер!

— Господи, я не узнала месье!

Она существовала в таком тумане, что маме приходилось помогать ей готовить соусы, зажигать плиту, то есть быть все время на кухне. Но так как мы любили эту женщину и не хотели с ней расставаться, то, чтобы дать маме отдых, отправлялись ужинать в ресторан. Это было непросто, ибо посещение с отцом маленьких закусок, составляющих истинное очарование Парижа, исключалось. Несколько попыток кончилось печально: выпросив желанный автограф, люди все равно мешали нам есть, отпуская по его адресу грубые шутки. Единственный раз нас вроде бы оставили в покое, но оказалось, что хозяин потихоньку предупредил журналистов и те в боевой готовности прибыли к нашему выходу. Таким образом, мы были вынуждены обедать за роскошно накрытыми столами в шикарных ресторанах, называемых сегодня на жаргоне «гастро». Посещение таких мест часто заканчивалось расстройством кишечника... Уже в те времена эти рестораны отличались большими претензиями.

— Как бы мне хотелось пообедать в простой пиццерии! — говаривал отец. — К сожалению, я лишен этого удовольствия.

В этих скучных заведениях ужин сопровождался выступлением фольклорных ансамблей. Как и в аэропортах, отец всячески стремился остаться незамеченным, и его застенчивость часто оборачивалась невероятными ситуациями, которые, надо признаться, нас весьма развлекали. Некоторые клиенты и персонал тоже не могли сдерживать улыбки. По прибытии он трижды менял столик, чтобы оказаться в укромном месте. Однажды вечером в «Реле Плаза» он обнаружил, что мама сидит под самым кондиционером. Не решаясь снова пересесть,

отец попросил сбавить обороты кондиционера. Метродотель заверил его, что это невозможно. Тогда отец попросил позволить ему попробовать самому. Вернулся он довольный: покрутив все рычаги, он просто вырубил кондиционер.

Когда подавали кофе, мама выражала сожаление, что он не похож на итальянский. Боясь обидеть персонал, отец заказывал двойную порцию и потом не мог уснуть. В другой раз во время обеда вдвоем в том же заведении, он заметил:

— Это приличное место. Видишь, кругом сидят немолодые мужчины со своими дочерьми.

Раскрыв от изумления рот, мама подумала, что он шутит. Ничуть не бывало: отец подчас проявлял поразительную наивность...

17. ОТ ДЕ ГОЛЛЯ ДО МИТТЕРАНА

Патрик

Вскоре после выхода «Разини» генерал де Голль принимал в Елисейском дворце деятелей искусства. Наш шофер Жорж от волнения едва не добил окончательно свой (и так разбитый) «опель», подъехав слишком близко к ступеням дворца. Вынужденный дать задний ход, чтобы развернуться, он внес беспорядок в расположение кортежа машин, а потом, подъезжая к крыльцу, еще и заехал на красный ковер. Церемониймейстер в белых перчатках никак не мог открыть дверцу машины. Через окна родители видели застывшего в ожидании, как соляной столб, генерала. Тогда они решили выйти с другой стороны. По протоколу мама должна были идти на ступеньку ниже отца, чтобы он представил ее генералу. Тот встретил отца звучным «Здравствуйте, мэтр!». Его так никогда не называли! Но дальше этого в своей любезности генерал не пошел, ибо в эту минуту из машины выпорхнула одетая в черную гусарскую форму с золотыми пуговицами прелестная Брижит Бардо. Открыв рот от восторга, глава государства не спускал с нее глаз. Отец же, по своему обыкновению стушевавшись, не сводил восхищенных глаз с мадам де Голль, о которой потом целую неделю не переставал нам рассказывать:

— Какая очаровательная, изысканная женщина, какой класс!

Мама тоже не скрывала своего восхищения.

В 1971 году Жорж Помпиду выразил желание посмотреть «Оскара» в Елисейском дворце в присутствии чле-

нов правительства. Происходило это в зимнем саду. Министры и государственные секретари, окружив президента, ожидали поднятия занавеса; отец без труда мог представить себя Мольером, играющим для королевского двора. Как на грех, у него страшно разболелась голова; он улегся на пол и, размеренно дыша, дожидался, когда боль утихнет. Сознание, что он заставляет ждать президента, не облегчало задачу. Но высокопоставленные лица не выражали никакого нетерпения. Немного придя в себя, отец распорядился дать третий звонок. На сцене все боли сразу чудесным образом испарились, словно его душа переместилась в другое тело, и он совершенно забыл о своем недомогании. Президент хохотал, как ребенок.

— Он был в восторге, — поведал мне отец. — А на приеме мадам Помпиду то и дело повторяла: «Жорж, вы слишком много курите!» Я тоже заметил: он курил одну сигарету за другой.

На следующий день из канцелярии президента отцу доставили акварель XVII века с изображением роз. Перед тем как ее повесить, он обратил внимание на дату. Через пару дней нам доставили пакет из княжества Монако: их сиятельства тоже желали посмотреть «Оскара» в своем дворце, подчеркнув, что отец может назначить любую цену. Обратной почтой отец послал отказ без объяснений.

— Коли принцесса хочет видеть пьесу, она может, как все, пойти в театр, — сказал он нам. — Когда мы снимали в Монако сцену «Разини», она вышла из машины, чтобы посмотреть на нас, и даже не поздоровалась. Я это не забыл.

При президенте Валери Жискар д'Эстене получить телефон было не простым делом. Хотя у отца уже был один, он захотел иметь второй. Белый телефон, подобный произведению искусства, занял почетное место посреди гостиной. По большей части он молчал, ибо никто не знал его номер, даже мы! Если раздавался звонок,

мы понимали, что это ошибка. Подняв трубку, я обычно шутил:

— Алло, вас слушают в резиденции Президента Республики!

Когда однажды мне ответили: «Мы как раз звоним из Елисейского дворца», я сначала подумал, что это розыгрыш. Но шеф протокола настаивал, чтобы я тотчас позвал отца к телефону! Президент Габона, находившийся с визитом во Франции, желал встретиться с Луи де Фюнесом через два дня на официальном ужине.

Удивленный отец призадумался. Он терялся в догадках, как могли позвонить по этому номеру, не внесенному в справочники.

— Это не случайно, дети мои, — сказал он наконец. — Мне как бы намекают, что было бы неосторожно отклонить приглашение.

В то время как раз разразился нефтяной кризис, и французское правительство заигрывало с президентом Бонго, всячески стараясь расположить его к себе. Мне иногда казалось, что отец склонен к преувеличениям. Только спустя тридцать лет я понял, как часто он был прав. Подобно другим великим артистам, он обладал удивительным чутьем, позволявшим ему обнаруживать мельчайшие нюансы, которые от нас ускользали совершенно. Когда оказываешь такое влияние на толпу и привлекаешь миллионы в кинотеатры, одним талантом трудно все объяснить: приходится в какой-то степени быть медиумом. Вынужденный отложить на несколько дней поездку в Клермон, он напялил на себя смокинг. Но если отправился он на прием неохотно, то вернулся в полном восторге.

Такой актер, как мой отец, умел различать в реальных людях то, что скрывается, как он говорил, «под маской». Он был польщен приемом, оказанным ему Валери Жискар д'Эстеном и его супругой, зато насмеялся над слугами, одетыми по старинке, которые под звуки камерного оркестра сопровождали гостей в большой зал столовой с канделябрами в руках.

— Это не модно теперь, дети мои! Это пахнет концом царствования!

Он сидел справа от президента Бонго, а мама справа от его сына, который рассказывал ей за ужином о слонах, львах и сафари. Из вежливости отец не стал говорить, что думает о тех, кто убивает животных.

— Мне кажется, детка, что он проявлял к тебе большое внимание. Уж не приволокнул ли он за тобой?

Подобные приглашения, от которых было трудно отказаться, отрывали отца от сада и вечеров в кругу семьи, которые он любил больше всего на свете. Но отец все равно не терял времени зря. Описывая эти приемы, он разыгрывал смешные сценки, имевшие подчас сюрреалистический характер, и, к вящему нашему удовольствию, пародировал видных гостей:

— Сцена происходит на заседании Совета министров. При появлении президента все встают, затем с мрачным видом садятся. Он начинает говорить: «Шурмурля». Заметив похоронные выражения на лицах министров, рывкает на них и продолжает свою речь. Потом жестом просит их улыбнуться и уходит, хлопнув дверью. Далее, принимая главу зарубежного государства, он слышит от него: «Шырмырля», которое переводчик переводит, как «Шурмурля». Иностранец продолжает: «Шымрымло!», а переводчик опять бубнит: «Шурмурля». Президент убегает в другой салон, где идет прием в честь награжденных орденами. Галстуки у всех завязаны на головах. Президент входит, нацепив на голову самый большой галстук, минуя толпу элегантно одетых мужчин, которые стараются перехватить его взгляд, в то время как дамы делают ему реверансы.

В его картинах можно обнаружить множество вариантов этих «шурмурлей», когда он говорит на иностранных языках, употребляя слова, которые ничего не значат. Обобщая, отец называл политику болтовней:

— Я когда-нибудь сниму фильм под названием «Болтовня». Разговоры политиков и переговорные устройства в тюрьмах производят одинаковый шум. Мы покажем школу болтунов, в которой учатся парламента-

рии, стремящиеся постичь искусство говорить ни о чем. Я буду обращаться к ним, как вождь, рассказывая всякие глупости с таким апломбом, что меня наградят громом аплодисментов. В смешном шествии можно будет увидеть всех великих людей — больших и маленьких. У одних будут перья на шляпах, у других на ногах ботинки в метр длиной.

У отца было довольно смутное представление о политике. Он в ней не очень разбирался и считал, что актер не должен быть ангажированным человеком. «Какие жалкие люди эти политики, только и думающие о власти! — говорил он — Они не замечают окружающей их красоты: лилий, роз, бабочек...»

Единственный раз он отступил от своих правил во время президентских выборов 1981 года.

Я тогда спросил, зачем он отправляется на митинг в поддержку Жискара, хотя его это не интересует?

— Было трудно отказать: Марсель Дассо всегда так любезен со мной. Он неизменно поддерживал меня в своем журнале «Жур де Франс», так что я проявил бы неблагодарность. К тому же Оливье любит самолеты.

— Ты ошибаешься, папа! Дассо принадлежит к партии Жака Ширака. Вот кого тебе надо было бы поддерживать!

— Да ну? — ответил он с недовольным видом.

В день, когда стало ясно, что победил Франсуа Миттеран, отец скорее забавлялся, называя его самцом-шимпанзе, победившим соперника в братоубийственной борьбе. Он считал политиков плохими актерами, думающими лишь о своей карьере и презиравшими народ. Левые или правые — все они, по его мнению, произносили общие, малоубедительные фразы.

— Почему бы им не поучиться на актерских курсах? — говорил он. — Вот Жорж Марше* наверняка посещал их! Сильным противником является и Пьер

---

* Французский политический деятель (1920—1997), возглавлявший ЦК Французской компартии с 1972 по 1994 г.

Моруа*. Он проявляет чудеса смелости. Я бы взял его партнером.

Хорошие актеры всегда способны оценить друг друга. Один лишь Жорж Марше написал ему, когда он лежал в больнице. А Пьер Моруа единственный после его смерти прислал нам длинное письмо с соболезнованиями.

Ролан Дюма** вызывал у отца смех.

— Он похож на даму!

В Франсуа Миттеране ему не нравилось, что тот скрывает «под маской» презрение к людям. В тот период пресловутых перемен он находил потешными журналистов, которые отращивали волосы в зависимости от результатов голосований:

— Уверен, что у этого, когда руль повернулся вправо, волосы были короткие. Теперь же, когда произошел поворот влево, они у него стали длинные.

---

* Французский политический деятель (р. 1922), дважды бывший министром иностранных дел (1984—1989 и 1988—1993 гг.). Запятнав себя в финансовых аферах, был вынужден уйти в отставку.

** Французский политический деятель (р. 1928), социалист, глава трех правительств при президенте Миттеране (1981, 1983 и 1984 гг.).

18. НА ПОДМОСТКАХ ВМЕСТЕ С ОТЦОМ

Оливье

Когда мы играли «Оскара» в театре «Пале-Рояль» в 1972 году, я заметил, что его ум напоминает огромную исследовательскую лабораторию. Не было ни одного спектакля, в котором он бы не находил новый взгляд, жест, выражение лица, а то и целый импровизированный скетч. Такая гиперинициатива меня очень беспокоила, я боялся, что он начнет уставать.

Присутствуя на его спектаклях, напоминавших боксерские матчи, зрители часто выражали беспокойство о его здоровье. «Вы, наверное, совершенно опустошены после такой темпераментной игры! Сколько кило вы теряется во время представления? Ваша игра — настоящий марафон!» — говорили ему.

Мне же кажется, что умственная деятельность утомляла его куда больше, чем физическая. Она сопровождалась к тому же болезненной тревогой, когда ему не удавалось найти то, что он искал.

Июль. Я учу текст роли в «Оскаре», который кажется мне бесконечным. Роль Кристиана Мартена очень многословная. «Труднее всего играть болтовню», — говорит отец. Он сам организует нашу работу, репетируя каждый день с 14 до 18 часов в маленькой комнате замка. Прощайте, катание на мотоцикле, прогулки и вечерние увеселения! «Сам увидишь, что играть в театре — это огромный труд!»

Сознавая значимость своей роли, я то радуюсь, что смогу добиться признания, как «Надежда года», то бо-

юсь, что окажусь никуда не годным на сцене. Но ведь я сам согласился играть в этой пьесе! Родители всячески поддерживали меня, но они оставили за мной право отказаться. Луи не пытается быть преподавателем актерского мастерства. Он не делает мне замечаний ни по поводу жестикуляции, ни по существу характера моего героя: ему важнее подмечать мои робкие знаки искренности, чтобы закрепить их и использовать в спектакле.

— Видишь, тут тебе это удалось прекрасно! Ты даже сам не заметил, как скрестил руки. Это получилось само собой. Пьер Монди поставит тебя на место во время репетиций. А пока постарайся отдавать все, чем располагаешь!

Меня очень страшит выход на сцену после поднятия занавеса. Я должен сразу удивить зрителя, обольстить его, заинтересовать сюжетом. И никоим образом не разочаровать, хотя опасность подстерегает меня на каждом шагу. Главное, следует быть достаточно убедительным, чтобы у Бертрана Барнье по прибытии домой были все основания прийти в отчаяние. Какая ответственность! Я не могу себе позволить выглядеть середнячком. От этого пострадает пьеса, и зрители окончательно отвернутся от меня. И будет провал. Так что надо сыграть хорошо. Мое волнение не мешает Луи сохранять веру в меня.

— Увидишь, все будет отлично! Ты способный парень и к тому же уже немного знаком с профессией.

Мама тоже считает, что я справлюсь с ролью. Поощряемый при каждой удаче, я сам начинаю в это верить. На мою игру наверняка повлияет адреналин в крови. Три месяца работы скажутся непременно. Я рассчитываю и на снисходительность публики к моему дебюту на сцене театра «Пале-Рояль». Название этого знаменитого театра лишает меня сна: я бы с радостью дебютировал на подмостках простого балагана!

Во время наших коротких репетиций Луи учит меня произносить реплики так, чтобы они выглядели спонтанными и лишенными декламации:

— Слушай внимательно партнера. Не думай о своей реплике. В данный момент я бы не хотел, чтобы ты знал,

что надо говорить. Просто когда я скажу: «Вы смеетесь надо мной?» — посчитай: раз, два, три. Важна интонация, с какой ты произнесешь свою реплику. Ведь в жизни, разговаривая с человеком, ты не отвечаешь сразу. Ты выдерживаешь небольшую паузу. Самое худшее, если все поймут, что ты готовишься выпалить реплику. Это заметят по твоему взгляду. Если ты умеешь слушать, это девяносто процентов успеха. Слушать надо не себя, а партнера.

Когда мне не удастся искренне произнести чуждую моему характеру фразу, отец облегчает мою задачу:

— Актеры-интеллектуалы называют это «влезть в шкуру трудного персонажа». Им помогает актерская техника. Надо разбить фразу, произносить ее, медленно артикулируя, повторять по несколько раз в день. Помаленьку она войдет в тебя и станет твоей. Но если она никак тебе не дается, ты сможешь обыграть это состояние. Скажи сам себе, что она не имеет для тебя значения. Когда ты рассказываешь анекдот, ты ведь изображаешь людей, ты подражаешь им. Вот и сделай так, словно она произнесена кем-то другим.

Чтобы я лучше понял его, он показывает мне, как бы сыграл мою роль известный актер.

— Подумай, что бы изобразил в этой сцене Джерри Люис.

Подчас он показывает, как сыграл бы сам. Эти показы не улучшают мое настроение. Но, устав объяснять необъяснимое, то есть что такое талант, он старается помочь мне найти палитру возможных подходов к раскрытию образа. Такой метод хотя и позволяет осознать, как много мне еще предстоит сделать, но в еще большей мере заставляет усомниться в своих способностях.

Во время съемок фильма «Оскар» Клода Риша страшно возмущал этот педагогический прием, он даже говорил о нем в одном из телеинтервью. Помня успех пьесы в театре «Порт-Сен-Мартен» с Ги Берилем в качестве партнера, Луи то и дело приводил для примера их находки:

— Понимаешь, Ги произносил это иначе, вот так. Получалось смешнее!

Подобные параллели обижали уже знаменитого Клода Риша. Отец, видимо, не сознавал, что проявляет бестактность. Он думал, что помогает партнеру, стимулируя его воображение.

В начале первой картины, когда я прошу слугу г-на Барнье доложить о моем визите, мне приходится некоторое время дожидаться, пока тот примет меня. Я остаюсь, стало быть, один на сцене, сознавая, что сотни любопытных глаз наблюдают за мной.

— Ты никогда не увидишь эти глаза, потому что не должен смотреть в зал. Но ты почувствуешь, если они начнут шуметь. Позднее, когда наберешься опыта, ты тотчас поймешь, интересен ты им или нет. Это одна из великих тайн театра!

Пока же мне непросто преодолевать подобные трудности.

— Запомни, твой герой изрядный наглец. Перед Барнье он разыгрывает застенчивость. Но это прожженный нахал. Тебе приходилось встречаться с нахалами? Ты заметил, с каким надменным видом они смотрят на все? И еще все время как будто что-то вынюхивают. Ты можешь рассматривать картину на стене или то, что лежит на столе. Можешь даже потрогать что-нибудь. Старайся не думать до моего выхода, что ты на сцене. Думай о маленьком, уверенном в себе жулике, с которого станет украсть всю мебель из дома. Но остерегайся подводных рифов в начале спектакля: пока зрители не увлечены действием, ты быстро почувствуешь, что еще не овладел их вниманием и не вызываешь ожидаемого смеха. В таком случае не надо переигрывать. Напротив, следует замедлить ритм, не говорить слишком громко. Мы все склонны ускорять действие, а это ошибка! Зрителя надо постепенно заинтересовать тем, что ты говоришь. А для этого необходима искренность. Говори себе: «Раз вы меня не слушаете, я спокойно объясню создавшуюся ситуацию кому-нибудь другому!»

Так мы работали вдвоем целый месяц, ожидая репетиций на сцене вместе со всей труппой. Пьер Монди руководит мной, словно я опытный актер. Другие актеры

испытывают те же страхи, что и я. Это меня немного успокаивает и убеждает, что я смогу справиться со своей задачей. Во время репетиций Луи мне больше не отец. Его интересует только пьеса, освещение, размещение актеров и собственная игра. Он превращается в профессионала. Лишь дома передо мной снова отец. Он рассказывает маме, как прошел день, отмечает мои успехи, говорит, что верит в меня и счастлив рискнуть вместе со мной.

Риск? Не думаю, что это риск для него. Помогая мне, он отнюдь не уверен, что меня интересует карьера актера. Но он, по крайней мере, старается. Единственное его требование заключается в том, чтобы подмостки не вскружили мне голову:

— Так приятно, когда тебе аплодируют каждый вечер и просят автографы при выходе из театра! Ты будешь играть в пьесе, имеющей успех, о тебе станут говорить... Постарайся оценить это спокойно. Я знаю твой характер, но ведь так просто бывает увлечься, особенно на пирушках с коллегами после спектакля. «Ты здорово играешь, парень, у меня есть для тебя предложение!» Еще бы! Не забывай о том, что завтра у тебя очередной спектакль. Если ты растратишь силы накануне, тебе не хватит энергии и ты сыграешь плохо! Поверь мне, музыкант накануне концерта в зале Плейель не позволяет себе развлекаться!

За несколько дней до премьеры я пытаюсь подвести итоги тому, чему научился. Я знаю наизусть свой текст, мои мизансцены отлажены, и ночами я не перестаю думать о том, как бы не потерять искомую искренность. Отступать поздно: жребий брошен.

В день премьеры я в полной мере ощущаю пресловутый мандраж, который знаком всем актерам. Луи это понимает лучше других — его самого трясет еще сильнее. Чтобы отвлечься, мы проговариваем кусочек текста, вышагивая по артистическому фойе за полчаса до поднятия занавеса. Потом стараемся обжить декорацию. В полутьме пересекаем салон и занимаем свои места.

— Когда я выйду на сцену, то буду стоять тут. Нет. Ближе к двери. Вот, я останавливаюсь здесь. Ты должен сохранить дистанцию между нами, поэтому остановись-ка там!

Глухой шум зала повергает меня в ужас. Но одновременно возникает желание покорить зрителей.

— Не волнуйся и думай о первой реплике. Только не произноси ее слишком быстро, и все будет отлично.

Звучит третий звонок, отец стоит сзади, чтобы вытолкнуть меня на сцену. Я похож на парашютиста перед первым прыжком. Спектакль идет своим чередом, но, даже используя уже накопленный во время репетиций опыт, я не в силах оценивать что бы то ни было. Успеваю лишь заметить, как умеет Луи приспособиться к неожиданностям, к моему ритму, к другим актерам. Он держит паузы, которых не было на репетициях, помогает мне, пристально глядя в глаза, живо интересуясь тем, что я ему рассказываю. Он «поднимает» меня до искренности. Ничто не ускользает от его внимания. Я не знаю, доволен ли он моей игрой, но читаю в его глазах одобрение, когда нахожу верную интонацию. Я словно слышу его голос: «Вот, хорошо! Продолжай в том же духе!»

Воскресенье тяжелый день, мы играем утром и вечером. В понедельник отдых. После спектакля я отправляюсь в свою однокомнатную квартирку на улице Сенже, а отец — на улицу Монсо. Он никогда не звонит мне, чтобы поговорить о работе. И точно так же ведет себя во время семейного обеда. У нас одна профессия, и это для него нормально: он оставляет свободное время для отдыха и личной жизни с мамой.

Один спектакль едва не вдохновил меня продолжить актерскую карьеру. Я узнал, что в театре находится Жан Ануй. Об этом по вине костюмерши стало известно и отцу. Как обычно, присутствие в зале известных персон усиливает его обычный страх. Он в ярости.

— Я ведь сказал, что не желаю знать, кто в зале! Теперь я выйду на сцену в полной панике!

Он очень нервничает в начале спектакля. И говорит все быстрее. По его глазам видно, как ему не по себе. Он настолько растерян, что произносит реплику из второго акта и, осознав свою ошибку, покидает сцену. В полном отчаянии я остаюсь один. Отец просит опустить занавес. Дежурный режиссер объявляет, что спектакль временно прерывается из-за легкого недомогания артиста.

— Придется собраться. Как можно не уважать зрителя!

После нескольких дыхательных упражнений он просит меня занять то место, на котором представление было прервано.

— Можете поднять занавес!

Видя, как он изо всех сил старается, чтобы зритель забыл инцидент, я обнаруживаю в себе неведомые силы. Я стараюсь быть максимально раскованным, чтобы ему было легче войти в образ г-на Барнье. Спектакль снова обретает свой ритм, я всячески помогаю отцу, и он постепенно успокаивается. Машина запущена вновь, и мы заканчиваем под гром аплодисментов, которыми зрители, как всегда, отмечают его игру, но на этот раз еще и проявленное мужество.

Жан Ануй тепло приветствует нас и предсказывает мне успех на сцене. Отец благодарит меня:

— Только благодаря тебе я смог продолжать спектакль! Ты поддержал меня, никто другой не сумел бы это сделать лучше!

Тем не менее гордость, которую я тогда испытал, не лишила меня трезвого взгляда на будущее. Новые актеры сменяют старых, и молодых романтических или комических звезд вытесняют «крутые ребята». Пришла новая волна: Депардьё, Девэр, де Ниро, Пачино работают в стиле синема-верите*. Мое решение покинуть под-

---

* В дословном переводе «киноправда»; эстетическое направление не только во французском, но и мировом кино, адепты которого добивались, чтобы игровые и документальные фильмы следовали правде жизни, отражали судьбу простых людей.

мостки не очень огорчает отца. Он только немного разочарован. Но с уважением относится к моему увлечению авиацией:

— Это потрясающая профессия! И не раздумывай, если тебе так хочется.

В пятницу вечером я выезжаю из Парижа в Клермон, чтобы начать занятия в аэроклубе Нанта. Ощущая себя уже летчиком, покупаю куртку с меховым воротником и пару кожаных перчаток. Увидев меня в этой одежде, отец не преминул заметить:

— Ты похож на летчика истребительной авиации! Даже походка у тебя изменилась. Как видишь, достаточно влезть в шкуру персонажа, чтобы прекрасно сыграть его.

Получив возможность заниматься любимым делом, защитив диплом пилота-любителя, я однажды взял его к себе в кабину. Это происходило в июльский воскресный день. Жара была ужасная. Боясь его разочаровать, я тщательно проштудировал за бутылкой лимонада технику посадки. Отца тепло встретили все члены клуба. Как могли они упустить такое событие! После того как мы сели в самолет, я тщательно проверил работу двигателя.

— Ты уверен, что все хорошо проверил? — спросил он.

— Да, не беспокойся.

— Но ведь всегда можно что-то упустить из виду. Он гудит — так и должно быть?

— Надеюсь, ты не трусишь?

— Нет, нет... Похоже, мотор работает нормально. Это хорошая марка — «жодель»?

— Да, отличная.

— Тогда я спокоен... Не слишком ли сильный ветер?

Для защиты от жаркого солнца он сделал из носового платка шапочку с узелками по краям. Я представил себе, какие снимки появятся в местной прессе, когда мы вернемся...

Во время разбега по взлетной полосе я был занят переговорами с диспетчером. А отец не отрывал глаз от приборной доски. Расслабился он только на высоте

пятьсот метров, но посмотреть с высоты на наш дом не пожелал: стоило мне только сделать вираж больше, чем на десять градусов, как он вцеплялся в приборную доску:

— А ты найдешь дорогу обратно?

После посадки, которая вполне удалась, отец не скрывал своих восторгов:

— Ты отлично пилотируешь! Я ничуть не трусил. Ты нажимаешь на педали, словно играешь на органе. Я, во всяком случае, так никогда не сумею!

Впрочем, после посадки я убедился, что ему было не просто дойти до машины. На другой день в местной газете не появилось ни одной фотографии. Я поблагодарил его за доверие и навсегда остался ему благодарен за то, что, поборов страх, он согласился стать моим первым пассажиром.

В 1974 году, работая профессиональным пилотом в коммерческой нантской компании, я прожил целый год вместе с родителями, прежде чем снял квартиру в городе. Зарплата дебютанта была жалкая, так что они мне помогали. Но всегда требовали, чтобы мы с Патриком не злоупотребляли их добротой и не росли лентяями. Отец тогда только что закончил съемки «Приключений раввина Якова» в кино и выступления в «Вальсе тореадоров» Жана Ануя в театре.

19. ЖАН АНУЙ

Патрик

Непосредственный контакт со зрителем и непредсказуемость театра всегда привлекали отца. Он высоко ценил таких великих классиков, как Мольер, но любил и Ануя. Он прыгал от восторга, когда в 1955 году получил роль Машетю в пьесе Ануя «Орнифль, или Сквозной ветерок». В ней он играл с одним из великих актеров того времени, «священным чудовищем», Пьером Брассером. Очаровательный и смешной, тот не скупился на советы:

— Поступай, как я, Луи. Приходи на спектакль за два часа до поднятия занавеса, чтобы проникнуться атмосферой театра, прислушаться к скрипу половиц, вдохнуть запах кулис... После третьего звонка ты перевоплотишься в своего героя, и память никогда не сыграет с тобой злую шутку.

У Пьера Брассера была пагубная привычка после спектакля обходить соседние бистро. Отец вежливо отклонял приглашения пойти вместе с ним. Однажды вечером, обидевшись на его постоянные отказы, актер позволил себе следующее замечание:

— Тебя что, дома благоверная дожидается?

Не допуская малейшей критики в адрес своей жены, отец решил ему отомстить и на другой день трижды заставил смеяться на сцене своим импровизациям. Брассер все понял, и в дальнейшем больше ничто не омрачало их отношений.

Десять лет спустя, после выхода «Разини», Жан Ануй написал отцу:

«Дорогой Луи де Фюнес,

Я был заморожен вашим Машетю и часто смеялся наедине с собой, вспоминая его и подражая вам, но никогда не смел вам это сказать. Когда я думаю об «Орнифле», я тотчас вспоминаю вас, испытывая такое же удовольствие, как за вкусной трапезой».

Он выразил желание написать для него пьесу, но в другом письме признался в своей неудаче:

«Вероятно, я так люблю вас, что сочинял реплики, прислушиваясь к тому, как вы их произнесете. И это, в конце концов, мешало мне».

Тогда он вспомнил пьесу «Вальс тореадоров», написанную много лет назад: ее поставили в Лондоне, где она имела средний успех.

«Я перечитал ее и в восторге подумал о том, как вы сыграете главного героя, которого я обожаю и который никогда не жил во Франции. Я испытываю ностальгию по «Вальсу», и мне хочется, чтобы эта пьеса ожила, чему способствовать можете только вы».

Пьеса была сыграна на сцене «Комеди де Шанз-Элизе» 19 октября 1973 года.

— Я никогда не видела папу таким счастливым! — признавалась не так давно маме Коломб Ануй.

— Представляю выражение его лица при виде Луи, выкатившего Люс Гарсиа-Вилль в тачке, вместо того чтобы внести на руках, трудно забыть! Находя свою партнершу слишком тяжелой, Луи придумал этот трюк.

— Да, папа был потрясен! Он умирал от смеха, когда рассказывал обо всех находках вашего мужа. «Представляешь себе, Коломб, — говорил он мне, — Луи сегодня схватился за двойной занавес и едва не сорвал его!»

У Фредерика Шопена был слабенький рояль, и он не имел счастья услышать свои вальсы, сыгранные на инструменте великого Стейнвея. Жану Аную повезло больше: он услышал свой вальс преображенным благодаря игре моего отца.

— Папу всегда беспокоило, что спектакль каждый вечер становился все длиннее, — продолжала Коломб. — Рабочие сцены даже жаловались директору театра!

Мама тогда же рассказала дочери Жана Ануя один случай, весьма характерный для понимания характера ее отца:

— Однажды ваш отец пришел и застал нас за уборкой. Он очень помог мне в споре с Луи.

«Вы пришли как раз вовремя, Жан. Разрешите наш спор. Я унаследовала от тетки комнатку для прислуги в Париже. Кузина захотела купить ее у меня для сына. Я готова продать, но муж хочет, чтобы я ее подарила».

Нисколько не раздумывая, ваш отец ответил:

«Мой дорогой Луи, если вы ей сделаете подарок, она вам этого никогда не простит!»

— Как это похоже на папу! — засмеялась Коломб. — И что ответил ваш муж?

— Он сказал: «Вы, как всегда, правы, Жан». Луи неизменно восхищался вашим отцом, испытывая к нему огромное уважение.

Оливье

Играя «Вальс тореадоров», отец купил новую машину «Фиат-650» для поездок в театр. Он считал ее весьма практичной и совершенно неприметной: никто бы не признал в неловком водителе этой малышки Луи де Фюнеса! Однажды он затормозил немного поздно и услышал от шофера такси: «Ты чего, папаша! Смазываешь тормоза вареньем?» Эта фраза стала в нашей семье образчиком народного юмора.

С «фиатом» связаны и другие памятные события. Например, однажды Мария Каллас давала гала-представление в «Театре Шанз-Элизе». Пока она шла через толпу поклонников к своему «Мерседесу-600», уставший после спектакля в театре «Комеди де Шанз-Элизе» отец направлялся к своему «фиату». Черный лимузин

певицы мешал ему выехать из тупичка между двумя театрами. Прощания дивы под вспышками фотографов затянулись на четверть часа. Но публика обнаружила Луи де Фюнеса, который ожидал, когда ему освободят выезд, барабаня по баранке своей машины. Когда вокруг него образовалось скопление зевак, он жестами попросил шофера машины Каллас освободить ему проезд. Эти жесты сопровождались громким хохотом и аплодисментами. То был еще один спектакль для зрителей обоих театров на авеню Монтеня.

20. ИНФАРКТ, ИЛИ КАК МАМА ДВАЖДЫ СПАСЛА ЕМУ ЖИЗНЬ

Патрик

Вкладывая огромные суммы в фильмы с участием Луи де Фюнеса, продюсеры щедро страховали его. Если бы он оказался не в состоянии сниматься, то мог бы получить все сполна, и даже больше. Из осторожности страховая компания посылала его на обследование к самым знаменитым специалистам.

— Мой дорогой, у вас детское давление! Вы в потрясающей форме!

— Но, доктор, меня подчас беспокоят боли в груди...

— Это у вас что-то с пищеводом! Отрыгните, и все будет нормально.

С каждым визитом к врачу отец становился все моложе! Похоже, что он нашел секрет бессмертия. Когда после успеха «Раввина Якова» у Жерара Ури возник проект «Крокодила», уровень бдительности страховщиков усилился. Они понимали, какого труда ему будет стоить картина. В этой новой аванюре отцу предстояло играть южноамериканского диктатора-реакционера. Свергнутый своим соперником, заключенный в тюрьму, он бежит, скрывается и, наконец, возглавляет орду леваков-партизан, чтобы с их помощью вернуться к власти. Разумеется, в сценарии были предусмотрены трюки, требующие большой физической нагрузки. Шутки в сторону, его следовало отправить к хорошему кардиологу!

— Мой дорогой, у вас сердце юноши! — сказал специалист, бросив взгляд на электрокардиограмму. — На всякий случай вот мой телефон.

Три дня спустя, мартовским утром 1975 года, сильная боль в груди приковала отца к постели. Не будучи неженкой, на сей раз он схватился обеими руками за грудь. Мама тотчас позвонила кардиологу.

— Успокойтесь, мадам, это все пищевод!

Не дожидаясь, пока муж посинеет, она вызывает на помощь пожарных. Не обученные на медфаке, они тем не менее сразу понимают, в чем дело, и звонят в «скорую», которая прибывает через пять минут.

Это инфаркт. Чтобы облегчить боль, принимаются меры на месте. Затем отца везут в больницу и помещают в отделение интенсивной терапии, где опутывают электродами и трубками. Клинике не доставляет никакой радости иметь дело с такой знаменитостью: им приходится все время отбивать атаки журналистов. Чтобы от них избавиться, запираются все выходы. Фото актера в реанимации уже стало бы их большой удачей, а если случится непоправимое, ему и вовсе бы не было цены.

В тот же день я приехал в больницу, где дежурный практикант, зная, что я медик, заговорил в мудреных медицинских терминах об ишемической болезни сердца...

— Послушайте, — говорю я ему, — я не разбираюсь в кардиологии. Я — рентгенолог и занимаюсь лечением женских грудей. С этим насосом для перекачки крови я не на «ты». Вы хотите сказать, что он не выкарабкается?

— Нет. Мы контролируем ситуацию. Но он не должен нервничать.

И действительно, выглядит отец неплохо. Под влиянием лекарств, разумеется, кажется спокойным и в хорошем настроении.

— Знаете, дети мои, этот инфаркт мне ниспослан Небом, мне очень повезло!

— В самом деле?

— Это сигнал. Мне не надо волноваться по всякому пустяку. К тому же я сам виноват. В последнее время я пил слишком много вина.

— Но ты же почти не пьешь!

— Напротив! Вчера вечером я выпил полбутылки в ресторане!

Нам ничего не оставалось, как улыбаться и не противоречить ему.

На другой день мама столкнулась в коридоре с очень достойного вида господином — заведующим отделением. Она могла бы об этом догадаться, увидев в петлице розетку ордена Почетного легиона.

— Какое страшное испытание для вас, мадам де Фюнес! Искренне вам сочувствую.

— Спасибо, профессор. Благодаря вашему персоналу ему гораздо лучше сегодня.

— Но, мадам, разве вы не видите, что ему совсем плохо? — говорит тот, пожимая ей руку.

— Неужели... он умрет?

— Увы, — кивает врач и отворачивается.

Мама чуть не падает в обморок, но ее вовремя подхватывает медсестра. По иронии судьбы через месяц отец, живой и уже почти здоровый, увидел входящего в палату удрученного практиканта.

— Что случилось?

— Сегодня утром умер профессор!

— Господи! От чего?

— Сердце!..

— Вот беда-то! Господи, Господи!

Мама едва удержалась от смеха.

Отец тем временем постепенно набирается сил. Ему оказывают особое внимание. И маме предоставлена койка в его палате. Я решил вернуться на работу в Тунис. На Пасху больница опустела, весь персонал отправился праздновать.

— Луи, я пойду пообедать и тотчас вернусь! — говорит мама.

— А ты не могла бы остаться?

— Конечно. Тебе плохо?

— Нет, но мне бы не хотелось, чтобы ты уходила.

Она осталась с ним и заговорила о пустяках. И внезапно заметила, что он молчит. Лицо его искривилось. А аппарат, к которому он подключен, зазвонил. На экране сердечная кривая судорожно задергалась, потом выровнялась. В палату вбежал дежурный практикант.

— Что происходит? — спрашивает мама.

— Не знаю.

Отец в полузабытьи жалобно стонет. Молодой врач, обливаясь потом, лишь таращит глаза.

— Облегчите же ему боль! Сделайте укол морфия, как поступила «скорая помощь», — требует мама.

— Нет, не могу...

— Тогда примите другие меры! Сами видите, все повторяется, как в первый раз!

На экране кривая становится все более ровной. Присутствующие сестры пребывают в растерянности.

— Немедленно вызовите лечащего врача!

— Мы не знаем номера его загородного телефона.

В этот момент молоденькая сиделка делает маме знак выйти. Открывает своим ключом кабинет врача. Разумеется, его номер телефона на письменном столе. И он отвечает на первый же звонок.

— Быстро позовите практиканта.

Он дает ему точные указания. И когда через час приезжает сам, отцу уже лучше. Позднее он расскажет, что не испытывал никакой боли. Только ощущал в своей руке руку мамы. Если бы не она и сиделка, карьера Луи де Фюнеса закончилась бы в пасхальный вечер 1975 года.

— Знаете, на сей раз его сердце выдержало тяжелое испытание, — сказали мне на другой день.

Вопреки пессимистическим прогнозам, больной быстро пошел на поправку. Однажды утром я нашел его палату пустой.

— Месье де Фюнес на обследовании?

— Нет, нет, он гуляет.

Я застал его в соседней палате оживленно беседующим с четырьмя больными в пижамах, ничуть не смущенными тем, что болтают с самим Луи де Фюнесом.

— Разрешите вам представить моего сына Патрика! Он врач. Видишь, у всех этих господ тоже был инфаркт: они были неумерены в еде, злоупотребляли соусами, — рассказывает он, жестами показывая, с каким трудом проходит пища по пищеводу, а те четверо кивают с видом проштрафившихся детей. — С обжираловкой по-

кончено! У этого господина уже второй инфаркт, а он не бросает курить, — продолжает отец, указывая на господина, весьма похожего на Раймона Бюссьера*.

Немного сконфуженный, «рецидивист» в халате лимонно-зеленого цвета подтверждает кивком головы.

— Господа, я вас покидаю! — заключает отец. — И не забывайте: надо ходить и ходить. Нет ничего лучше для укрепления строптивного сердца!

Дорогой читатель, позвольте дать вам совет: не увлекайтесь гимнастикой. Не курите. Не слишком переживайте, что прибавили в весе, и, как чумы, бойтесь диеты. Если вы в хорошей физической форме, вы куда быстрее поправитесь после любой болезни. Вопреки тому, что думал отец, он никогда не грешил излишествами, за исключением сигарет, да и то бросил курить двадцать лет назад. Ему удалось справиться с двумя инфарктами на удивление быстро. Уже через месяц он потребовал, чтобы его выписали. Это желание удовлетворили лишь после консилиума в составе трех белых халатов, которые поставили все точки над «і»: отныне ему придется считаться с врачами, людьми серьезными и «взрослыми». С шуточками Луи де Фюнеса покончено! И ни в коем случае никаких лакомств... Ему был предписан чрезвычайно строгий режим питания, который эскулапы огласили как приговор.

Лучшего всего — вообще ничего не есть. Каждый глоток сокращает жизнь. Масло и жирная пища — прямая дорога в ад. Из этого правила исключалось почему-то подсолнечное масло. Надо ли говорить, что бокал вина абсолютно недопустим: слишком большая нагрузка на сердечную мышцу, уже достаточно пострадавшую после двух инфарктов. Телятину надо варить и хорошо

---

* Французский комический актер (1907—1982). Начинал карьеру в любительской труппе «Октябрь» в 30-е гг. XX в., много работал в театрах, снимался у М. Карне в фильмах «Врата ночи» и «Странная драма».

прожевывать. Потребление баранины, увы, влечет за собой увеличение триглицеридов. О свинине следует вообще забыть...

— Лучше скажите, что мне не запрещено? — робко спросил больной.

— Вареная рыба не вызовет никаких проблем.

Врач выдержал паузу, прежде чем сообщить съезжившемуся на стуле пациенту еще об одном запрете:

— Только никакой жирной рыбы, особенно семги! Торжественно предупреждаем: если вы съедите ложечку икры, можете считать себя покойником. То же относится к фуагра. Зато, дорогой месье, вы имеете право по воскресным дням на несколько картофелин, поджаренных при температуре не выше восьмидесяти градусов.

Но самое худшее было впереди.

— Разумеется, профессиональную деятельность вы прекращаете окончательно. Не может быть и речи о съемках в новом фильме. Теперь все. И в особенности, господин де Фюнес, сохраняйте хорошее настроение! При таких болезнях это главное.

Едва вернувшись домой, отец позвонил мне в Тунис:

— Алло, это я! Я только что вернулся домой. Знаешь, мне прописали строгую диету! Меня только беспокоит, что сам врач придерживается такой же, он сам сказал. Видел бы ты его лицо эксгумированного покойника! Завтра мы уезжаем в Клермон. Спасибо, хоть жареную картошку разрешили.

Отец отправил Роберу Дери и Колеетт Броссе полную черного юмора открытку. Чтобы их насмешить, он накинул себе десять лет.

«Сегодня мне исполнилось 72 года. Жанна приготовила манную кашу на молоке, и мне удалось ее прожевать. На днях мое сердце остановилось среди ночи на три минуты. Я был очень обеспокоен. Сейчас оно вообще не бьется... нет, опять забилося».

Робера это очень позабавило. У него тоже сердце стало давать сбои.

Отец понимал, какая судьба в нашем обществе ожидает стариков, и развлекался, насмехаясь над этим.

— После шестидесяти пяти, дети мои, на тебя начинают посматривать искоса. Ты уже изъят из обращения. Представляю себе сценку, когда полицейский останавливает такого старика и требует его документы. «Сколько вам лет?» — «Тридцать шесть». — «Вот как!» И бедняга начинает, несмотря на подагру, прыгать, как мальчишка.

Мама была полна решимости следовать указаниям больничного аятоллы. На кухне стояла электрическая фритюрница с большим красным термометром, и из нее флегматично вылезали бесформенные картофельные дольки. Отец ел их, чтобы сделать ей приятное. Мама даже придумала подобие масла — своего рода белый подсолнечный соус, затвердевавший в холодильнике в маленьких вазочках, которые она подавала с зеленым горошком. Все эти предписания безнадежно устарели. В моде средиземноморская пища: вино, рыба, оливковое масло, кускус. Допускается и фуагра. Известно, что у жителей Юго-Западной Франции сердечные приступы редки. Но это лишь причуды. Представьте себе, если объявят, будто у тех, кто ест собак и змей, коронарная система идеальная!

Покинув Онкологический центр в Тунисе, я вернулся во Францию и обзавелся частным кабинетом. В один из уик-эндов, когда я приехал повидать родителей, меня встретила озабоченная мама:

— Знаешь, он неважно себя чувствует. Похудел. Что-то неладно.

— У меня впечатление, что он недоедает, соблюдая эту безумную диету, — ответил я. — Пригласи-ка на обед Эмиля.

Наш друг, нантский акушер Эмиль Гийе, обладал красочным словарным запасом и непревзойденным талантом рассказчика. Он был неистощим на самые невероятные случаи из практики деревенского гинеколога.

— Эмиль немного преувеличивает! — говорил отец. — Он явно привирает. Но при нем я отхожу на второй план, звездой становится он, обладатель несомненного комического дара.

На другой день за обедом Эмиль изображал нам свою старую пациентку-крестьянку, которую он спрашивал о сексуальных отношениях с мужем. И та ему отвечала:

— Отец-то еще иногда въезжает в меня!

Все покатываются со смеха. В том числе приглашенный господин кюре. Реплика была достойна пера Марселя Эме. А Эмиль продолжал рассказывать об этой достойной даме, которая забеременела, «ни разу не подойдя близко к мужчине».

Продолжая жадно поглощать пирожки без соуса, отец слушал, наслаждаясь солеными историями нашего друга. А тот между тем продолжал:

— Вот что она мне однажды сказала: «Доктор, я вообще-то всегда подмываюсь, но не может ли быть, чтобы биде в гостинице не почистили?» Тогда, Луи, я закричал: «Послушайте, мадам, сперматозоиды не поднимаются вверх по канализационной трубе!» Вы смеетесь, Луи. Ваше вино «Нюи-Сен-Жорж» превосходно. Давайте чокнемся за ваше выздоровление!

Мама сделала знак отцу, что ему нельзя пить. Тот поставил свой бокал, словно проштрафившийся мальчишка. Эмиль, рассчитывая на мою поддержку, поднял крик:

— Что это еще за выдумки! Бокал хорошего вина никому не вреден. Какой дурак вам вбил это в голову? С завтрашнего дня, Жанна, он будет следовать указаниям одного из моих друзей, которого нельзя упрекнуть в занудстве.

После этого отец стал набирать вес, почувствовал себя в отличной форме, и родители стали выезжать в гости.

21. СЕРДЦЕ, ПО-ПРЕЖНЕМУ СЕРДЦЕ

Оливье

Отнюдь не убежденный в том, что не станет больше сниматься, отец поначалу проявлял решимость фаталиста:

— Мне еще надо изрядно потрудиться, чтобы вырастить хороший сад и обновить дом. Вероятно, Господь Бог укрепляет меня в этом деле.

Но настроение его недолго оставалось радужным. Он начал сомневаться в полезности своего пребывания на земле.

— Если я не снимаюсь, значит, ни на что не гожусь! Это единственное, что я умею. И потом, я чувствую, что, заставляя людей смеяться, делаю доброе дело.

Посетив в зале «Олимпия» концерт популярного шансонье Анри Сальвадора, он, по его словам, получил жестокий удар.

— Стоит ли ходить в театр, зная, что для тебя с этим покончено!

Мама поспешила узнать мнение врачей клиники Нанта: сможет ли отец возобновить в дальнейшем свою деятельность? Их уклончивый ответ сводился к следующему: «Да, только не переусердствовать». Этого было достаточно: она обратилась к продюсерам с предложением вновь снимать Луи де Фюнеса.

Кристиан Фешнер очень любил отца и давно ждал своей очереди. Он нанес нам визит в сопровождении режиссера Клода Зиди. Его предложение было очень заманчиво: он брал на себя риск финансировать фильм «Крылышко и ножка» почти без страховки. После ин-

фаркта ни одна компания не согласилась бы страховать Луи де Фюнеса.

Мы пообедали в ресторане. Это было первым нарушением драконовского режима, предписанного врачами. Выражение глаз у отца стало прежним. Казалось, перспектива снова сниматься в кино помогла ему забыть о своих болезнях. За десертом он узнал, что его партнером будет Колюш. Отцу трудно было судить, насколько хорош выбор, ибо он видел этого комика лишь в нескольких скетчах.

— Он талантлив, но по силам ли ему сыграть такую роль?

Я же пришел в восторг и стал убеждать его в комическом таланте молодого артиста, которого видел в одном из парижских кафе-концертов.

— Раз Оливье так считает, — сказал отец, — значит, все в порядке. Что это я разворчался по-стариковски? Только молодые способны оценить работу молодых. Я согласен!

Благодаря своему мужеству и настойчивости Кристиан Фешнер спас отца от овладевшей им коварной меланхолии, которая могла лишь приблизить его конец.

— Какой прекрасный человек! — радовался отец. — Его мне ниспослал сам Господь Бог. Потрясающий парень! Ведь он так серьезно рискует!

С первого же съемочного дня между двумя комиками установилось полное согласие. Луи высоко оценил талант Колюша:

— Появилась смена, это феноменальный актер! Он многого достигнет!

Со своей стороны Колюш с удовольствием пользовался его советами. Он ведь дебютировал в кино.

После болезни отец решил изменить характер своей игры.

— Утомляться мне нельзя, вот и хорошо — я перестану играть в прежнем ритме. Придется найти более тонкий регистр выразительных средств.

В этом же регистре отец сыграет потом в «Капустном супе» вместе с Жаном Карме, с которым они всегда ла-

дили. Используя менее яркие комические приемы игры, он вносил в них, если допускал сюжет, нотки нежности. Но всегда решительно отказывался от чисто драматических ролей:

— Единственное, чего я всегда добивался, — это смех зрителя! И теперь все будет так же. Я никогда не соглашусь, как Бурвиль, на серьезные роли. Это не мой конек. Он начинал с опереточных ролей и только позднее пришел к комедийным. Жаль, что в моем жанре так мало хороших сценариев. Потому что писать комедии куда труднее.

Всю жизнь отец мечтал сыграть «Скупого» Мольера, единственную классическую пьесу, которую принимал безоговорочно, хотя роль Гарпагона драматическая.

— Это отнюдь не забавный персонаж, даже злоежкий. Меня же интересует, до чего способна довести человека жадность. Я хочу показать его безумие — безумие, которое охватывает всех нас в минуты паники. Когда мы не властны над ситуацией, мозг не выдерживает этого. Мы способны прыгать выше головы или кататься по земле. А это как раз и смешно!

Отец надеялся сыграть такое безумие на театральных подмостках.

— В рольходишь лишь на сцене театра, играя каждый вечер, при поддержке зрителей. Они руководят мною, направляя мои реакции в сторону обыкновенного безумия. Роль Барнье в «Оскаре» совершенствовалась от спектакля к спектаклю. Не знаю, что стало бы с Гарпагоном, на этот счет у меня нет предвзятого мнения. Но оно будет понемногу прорисовываться. Сначала в ходе репетиций, а затем во время представлений.

Увы, здоровье уже не позволяло ему играть на сцене. Начав писать сценарий с Жаном Жиро, он старался ничего не менять в тексте пьесы, но так, чтобы это не походило на театр. Большой экран требовал зрелища, предназначенного для любого зрителя. Отказываясь от скучной экранизации, он проявил большую изобретательность вполне, на его взгляд, уместную.

— Мне кажется, Мольер в этой роли был очень смешным. Все его пьесы имели успех у любого зрителя. Они могли играть на всех языках. Лишь наследники классической культуры делают их немного скучными. Когда все так здорово написано, можно себе позволить разные интерпретации.

Он стремился в этой роли осудить человеческие слабости, которые автор выразил в стихах, нарисовав картины, доступные даже детям. Он хотел создать фреску о человеческом отчаянии, то есть выразить именно те чувства, которые Мольер так блистательно разыгрывал со своей труппой.

В те времена его попрекали за то, что он затронул святое, исключительную собственность театра «Комеди Франсез». И тем не менее сегодня иные профессора комедии обучают актеров, используя фрагменты фильма, чтобы добиться от учеников оригинальной интерпретации образа героя. Даже в школах ссылаются на него.

Задуманные им проекты и постановки служили укреплению его духа. Но самым главным для него была возможность спокойно жить рядом с Жанной.

22. САД — ОГОРОД

Оливье

С годами замок потребовал ремонта. Кровля, туф, водопровод и электропроводка вызывали тревогу родителей. В первую очередь следовало провести в комнаты паровое отопление. Эксперты предложили сложную и громоздкую систему. Родители очень ею гордились, но лишь спустя полгода научились ею пользоваться!

— Все понятно! Сначала нажимаешь зеленую кнопку, потом двигаешь рычажок вниз. Но... Ну вот, опять не включается!

Замок был слишком велик для них двоих. Им было достаточно более скромного жилья — трех комнат, кухни, столовой, гостиной, бильярдной, служившей также кинозалом, и библиотеки. Не обладая талантами прораба, отец поручил маме вести переговоры с рабочими.

— Если я буду обсуждать вещи, в которых ничего не смыслю, меня обдерут, как липку. Представляешь, как они заморочат мне голову? «Луи де Фюнес, мол, богатейший человек. Вот мы и подсунем ему свой залежалый товар!» Я ведь не умею отказывать.

Главной его заботой был сад, но он взял на себя и несколько помещений, которые особенно любил: свой кабинет, чердак и часовню, а также все двери, замки, ставни и ограды.

Патрик

Под руководством мамы реставрация замка продлилась два года, что не так уж долго для подобной домины.

Единственный архитектор, присланный органами по охране исторических памятников, интересовался только второстепенными вещами, например придирался к цвету герани во дворе. По иронии судьбы, когда мы решили продать замок, та же администрация проявила куда большую снисходительность, позволив новым владельцам переделки, отличавшиеся полным отсутствием вкуса.

— Приглашенные рабочие были потрясающие, все местные, — вспоминает мама. — Впервые им была предоставлена возможность показать свое умение. Они стали нашими друзьями. Твой отец любил с ними поговорить. Какие приятные воспоминания! Помнишь, своей маленькой восьмимиллиметровой камерой он старался запечатлеть их успехи, восстановление, камень за камнем, фасадных башенок. Когда все было окончено, мы устроили большой обед для рабочих и их жен. А еще была целая история с туалетами, их надо было всюду оборудовать! Отец очень гордился бесшумным сливом воды, эту модель бачка ему наверняка посоветовал Жерар (Ури). Он купил целую дюжину таких унитазов и демонстрировал их гостям в первую очередь.

— Слышите, как все тихо, — говорил он, нажимая на рычажок слива. — И еще, заметьте, когда вы писаете, моча не льется прямо в воду, так что нет никакого шума.

Некоторые гости при этом с трудом сдерживали улыбки.

— Смотрите, как они солидно выглядят. Из какого прочного фарфора сделаны! А то ведь Патрик рассказывал, что в больнице бывали случаи тяжелых травм от расколовшегося под седоком унитаза.

Оливье

Он проявлял особую заботу о ванной комнате на первом этаже. Это была настоящая мания, одна из многих: место, куда заходят гости, должно быть безупречным. Отец каждый месяц менял раковины, ежедневно проверял освещение и напор воды.

— Знаешь, в конце концов я вставил шестидесятиваттные лампочки. Прежде было слишком темно.

Если бы он открыл замок для туристов, то наверняка показывал бы это помещение в первую очередь.

Патрик

Артисты всячески стремятся освободиться от материальных забот, которые им ненавистны. Их характеризуют два образа действия: либо аскетическая жизнь, разве что с электрическим освещением, либо наоборот — одержимость новейшими технологиями, от которых все они ожидают чуда.

Садом занимался отец. Ему удалось вырастить прекрасный огород. Казалось, овощи сами так и лезли из земли. Но тут не было ничего случайного, все тщательно обдумано. В созданной им композиции пейзажа ощущались ритм и вибрация, напоминающие картины импрессионистов. При этом — никакого насилия над природой, ее не приручили волевым способом. Высаженные цветы пестрели, украшая грядки лука-порейя.

— Я не желаю иметь дело с проклятыми химикалиями. Из-за них лук-порей в метр высотой вырастет за два-три дня, кому это надо? Божьи коровки, которых я подбираю в парке, отлично пожирают тлю! Не требуется никаких инсектицидов, а то еще отравим птиц. Да и змей зачем убивать? Они спасают нас от прожорливых грызунов. Надо только смотреть под ноги и не наступать на них. Если мы станем все уничтожать, то в один прекрасный день лишь в музеях сможем увидеть чучела белок, ласточек, трясогузок и всяких других исчезнувших с лица земли тварей. Человек не перестает убивать. Дети мои, надо бы мне сыграть роль болвана, который стреляет в то, что видит вокруг. Паф! — и падает фазан, паф! — другая птица. Этот тип любит красота одних птиц и убивает других, чтобы затем сравнить расцветку. Не хватает только рекламы ружей со слоганом: «Куропатки и утки! Берегитесь!»

Несколько чахлых розовых кустов, выживших в уголке прежнего огорода, тщетно цеплялись за прожравевшую арку не в силах подняться выше. В пору своего расцвета они затеняли аллеи мириадами пахучих бледно-розовых цветов. Кстати, существует роза «Луи де Фюнес»: отец просто согласился дать свое имя одной из разновидностей роз, выращенных фирмой «Мейан» в результате многочисленных скрещиваний. Ему нравился ее цвет, напоминавший его любимые цветы калужницы, которые он каждый день срывал по утренней росе и ставил около маминой чашки кофе.

Все эти посадки могли бы нас завалить фруктами и овощами. Но по ночам плоды странным образом исчезали. Еще накануне деревья ломились под тяжестью фруктов, а утром их не было видно.

— Это все проделки ухвертки, — говорили ему.

Стоило бы позвать энтомологов для изучения этих небольших, в сантиметр длиной, насекомых с маленькими щипцами вместо хвоста: те, что водились в Клермоне, похоже, были мутантами, вроде африканской саранчи. Отец только разводил руками. Куры тоже не несли яиц... Подчас какая-нибудь добрая душа нашептывала нам, что эти фрукты продавались на соседнем рынке. Случалось, мы находили чьи-то силки. Все это походило на римейк фильма «Не пойман — не вор», только с иным распределением ролей: отец не играл браконьера Блеро, а выступал в роли сельского полицейского Паржю. Особенно дорожил он созревающими грушами, чтобы украсить ими поднос с маминым завтраком. Каждый день он их ощупывал и обнюхивал, чтобы сорвать вовремя. Но созревшие груши тоже исчезали. Стоя перед деревом с маленьким секатором в руке, отец ругался на чем свет стоит. На другой день, спрятавшись в шесть утра в капусте, откуда было прекрасно видно грушевое дерево, он заметил ворону, которая, аккуратно сорвав плод, утащила его с собой.

Оливье

По-настоящему хорошо он чувствовал себя лишь на лоне природы. 90 гектаров парка ему не казались излишеством. А огород он считал даже слишком маленьким для своих честолюбивых замыслов.

Иные могли назвать его помещиком-фермером. Но все было как раз наоборот: он никогда не изображал владельца замка, не ездил на «рейнджровере». Ходил в рыбацкой робе и имел две маленькие машины «Рено-6». Зато в его повадке проявлялось истинное благородство. Его восхищали плоды, цветы, животные. Он не обижал природу ни словом, ни делом. Издавна покой этих мест приносил ему отдохновение, особенно после трудных съемок или года на сцене театра.

Для охраны своих «угодий», как он называл парк, ему по примеру других крупных землевладельцев пришлось обзавестись немецкой овчаркой по имени Царь. Эта собака, подарок Патрика, не пускала посторонних в дом. Страх перед непрошеными гостями заставил его приобрести револьвер, которым он, правда, не умел пользоваться. Мне было поручено купить в одном из оружейных магазинов Нанта пистолет «Смит & Вессон», напоминавший оружие Клинта Иствуда в «Грязном Гарри». Действительно, однажды мы обнаружили притаившегося за каштаном около огорода человека. Это оказался, к счастью, всего лишь папарацци, тотчас препровожденный к его машине вызванными жандармами.

Как-то раз в бессонную ночь отец услышал чьи-то осторожные шаги на чердаке. Набравшись мужества и вооружившись «пушкой», как он называл пистолет, и электрическим фонариком, отец отправился на крышу и обнаружил там... сову, вышагивающую в ожидании дичи. Уф, он успокоился! Я спросил, как бы он поступил, столкнувшись с настоящим грабителем.

— Я бы приказал поднять руки вверх и пригрозил, что выстрелю в ноги.

Но поскольку отец ни разу в жизни не сделал ни одного выстрела, я сильно сомневаюсь, что он попал бы в цель...

Часам к шести вечера отец наносил визит соседям-фермерам — Жозефине и ее зятю Жозефу. Потягивая белое вино, нацеченное из бочонка, он интересовался их удобствами:

— Ваш телевизор работает хорошо? Может быть, вам заколотить чердак, чтобы жечь меньше топлива?

Затем они обходили конюшни и свинарник. Ему очень нравилось беседовать с соседями.

— С ними, по крайней мере, говоришь о достойных вещах: о земле, животных, обо всем, чем мы живем. Не то что с «важными особами»!

Отец находил благородство в осанке Жозефа:

— Он выглядит очень элегантно, когда сидит за рулем своего трактора! Такие люди должны были бы служить образцом для актеров, играющих роли крестьян, — а они показывают их в карикатурном виде!

Общаясь с простыми людьми, он был счастлив, и эта безмятежность пробуждала его воображение.

— У Жозефины был взгляд страдающей жертвы, когда я заговорил с ней о сборщике налогов. Чем не сюжет трагикомедии? Я непременно напишу сцену встречи налогового инспектора. «Выпьете что-нибудь? Рюмочку конька? Во всяком случае, знайте, я с наслаждением плачу налоги и исправно заполняю декларацию, господин инспектор!»

Разговаривая с ними на любые темы, он мог позволить себе быть ребенком, давал волю буйной фантазии школяра. В этом и заключен источник его творчества. Он не любил общество «важных особ» не столько из личного вкуса, сколько в силу профессиональной ответственности. Ему хотелось любой ценой сохранить чистоту взгляда, чтобы прочувствовать вещи такими, какими они были, а не какими казались.

Дома он проводил час за сортировкой почты или писал срочные письма:

— Мне надо написать господину Вердье.

— Уже поздно, ответишь завтра, — говорила мама.

— Нет, я напишу сейчас, даже если это займет два часа. И вообще, я напишу сразу два письма.

Еле сдерживая смех, мама уступала и помогала ему разобраться в бумагах. Для чтения и письма отец надевал сильные очки дяди Шарля или пользовался простой лупой. Опасаясь выглядеть «важной персоной», он отказывался от бифокальных очков. Склонившись над своими документами, отец напоминал часовщика.

Встретив в 1976 году мою будущую жену Доминик, пассажирку частного рейса из Туниса в Париж, я очень удивил родителей, пригласив ее на уик-энд. До сих пор из застенчивости я ни разу не приглашал подружек погостить в семейном кругу. Отцу было бы неприятно догадываться, чем занимаются влюбленные под его крышей. Уверенный, что эта встреча нечто большее, чем случайное знакомство, я рискнул пойти против его понятий о приличиях.

Мы с Доминик были порядком удивлены, увидев скопление людей в зале аэропорта в Нанте. Уж не ждут ли министра? Вспышки фотокамер указывали на присутствие какой-то знаменитости. «Тут Луи де Фюнес», — доверительно сообщил один из пассажиров.

Мы не ожидали, что нас встретят родители, и собирались нанять машину, чтобы добраться до замка. Но, догадываясь, что это великий день, отец решил встретить нас у трапа. Они с мамой оделись как на праздник — мама в зеленое платье и лакированные туфли и отец — в синий пиджак с красным галстуком. Познакомившись с гостьей, они были очарованы, как и я, и не пожалели, что заказали столик в лучшем ресторане на берегу Луары. Доверив мне руль своей маленькой «Рено-6», отец уселся рядом, дамы разместились сзади. Как обычно, волнуясь перед дорогой, он предпочитал сидеть впереди и поближе к ручному тормозу.

— Поосторожнее, смотри, вон тот осел начинает перестраиваться.

Услышав покашливание мотора, я подумал, что он не в порядке.

— У твоей машины барахлит зажигание!

— Да, я отправлю ее на осмотр. Есть и другие мелкие неполадки!

— Да нет же! — запротестовала мама. — Она прекрасно бегают, ее чинили месяц назад. Просто мотор еще не прогрелся!

— Ты только послушай, что говорит великий авто-слесарь! — возразил отец. — К счастью, ты рядом!

Встретив человека, который был таким же забавным в жизни, как на экране, Доминик рассмеялась. Тогда отец решил продолжить:

— Сами видите, мадемуазель, что, если что-то не работает, вам следует обратиться к моей жене. Она умеет чинить все: моторы, самолеты, краны... все!

Как обычно, за столиком ресторана, чтобы не быть узнанным, отец сел лицом к стене. Весь вечер он проявлял особое внимание к гостье, спрашивая ее, чем она занимается, чем интересуется, о планах на будущее, о семье. При этом он был столь тактичен и любезен, что беседа никак не походила на допрос.

Мама призналась мне потом, что после ужина отец тихо шепнул ей на ухо:

— Вот кто станет его женой!

По дороге в замок он расписывал ей красоты Луары, рассказывал о ее маленьких островках, чудесных пляжах, рыбалке, садах и огородах, мимо которых мы проезжали.

Выехав на аллею парка, он рассмешил Доминик, сказав, что перед нею его скромное жилище, чтобы она не чувствовала себя подавленной. Простота и юмор человека, которого она знала лишь по экрану, совершенно успокоили ее. Пока мы гостили в замке, отец все время выказывал ей свое внимание. Она была красива и главное — наделена чувством юмора. Теперь он составлял великолепные букеты для двух дам. А в оранжерее срезал лучшие гроздья винограда для обеих и заносил в их спальни. Он сразу потребовал, чтобы Доминик называла их по именам — так проще. Чтобы ее развлечь, он рассказывал множество баек.

— Представьте, сегодня ночью я видел летающую тарелку! Уверю вас — видел своими глазами! Она зависла над домом, повисела десять секунд и улетела.

— Ты не спутал с самолетом, Луи?

— Нет, она была огромная, я ее видел!

— Вы знаете, многие считают, что видели летающие тарелки, а это были вертолеты или истребители.

— Стало быть, мне это приснилось. Вот ужас-то! Вы мне не верите? Говорю вам, она прилетела с этой стороны, видите? А улетела в ту сторону!

Он был любезен и с другими гостями. Каждое утро их комнаты украшались красивыми цветами или свежими фруктами. Едва созревали груши в оранжерее, он срезал самые спелые. Затем аккуратно заворачивал в бумагу, протерев рукавом, чтобы они блестели, и преподносил, как драгоценный камень. В шесть утра он брал секатор и корзину, чтобы принести из сада очередное чудо. Ему случалось забираться под кусты ежевики, чтобы дотянуться до ветки остролиста или золотистых бутонов.

После рождения нашей дочери Жюли он вознамерился расширить курятник и поставить клетки для кроликов, чтобы малышка играла с животными и ела биологически чистые яйца. Когда она начала ходить, он отправлялся с ней поздороваться с кроликами, попутно придумывая всякие истории, убеждал девочку, что некоторые кролики с ним разговаривают: «Большой рыжий кролик — это господин граф. Он просит, чтобы ты приготовила ему что-нибудь вкусненькое. Но консержка — белая курица — против. Тогда господин комиссар — петух — решил, что они могут приготовить прекрасный обед из тебя. Наверное, твои поджаренные пухлые коленки будут очень вкусные!»

Он рассказывал ей также про слонов и тигров, которые будто бы водились в парке. Неизменно называя Жюли «госпожой графиней», он увлекал ее в свой выдуманный мир. Роль деда еще более усилила его бдительность, он проверял, заперты ли двери и ставни, чисты ли соски, безопасны ли розетки и радиаторы, запирал

на висячие замки двери на лестницы. Номера телефонов пожарных, полиции, «скорой помощи» и токсикологического центра были приклеены к каждому телефонному аппарату.

На рождественские каникулы 1982 года родители увезли Жюли в Альпы, чтобы она подышала горным воздухом. Они остановились в отеле курорта Арк. Ненавидевший лыжи и холод отец внимательно наблюдал за спортивными успехами внучки. Отказавшись доверить ее детскому клубу из страха, что девочку могут похитить, он следовал за ней пешком, умоляя тренера не спешить и подождать его.

— Тут слишком много снега, нельзя ли нам вернуться? Очень холодно, отложим на завтра? Нет, нет, я не прошу вас отвести ее в отель! Я обожду... У меня отморожен нос, но я все равно обожду вас!

Отправляясь однажды домой после проведенного с ними уик-энда, во время которого пришлось в очередной раз выслушать его страхи, я в последний раз перехватил его взгляд в мою сторону.

ЭПИЛОГ

Патрик

Отец любил цирк. Когда мы были маленькими, он часто водил нас туда. Я не стану анализировать его пристрастие к красноносому клоуну, ибо свое предпочтение он все же отдавал белому. Поговорим лучше о шимпанзе, разодетых, как школьники по воскресеньям. Они бегали по манежу в сопровождении собачек, подгоняемые пошлыми шутками зрителей.

— Эти бедные звери чувствовали бы себя куда лучше в родном лесу. Как мне их жалко! — горевал он.

Став знаменитым, отец больше всего боялся оказаться на их месте. Он ненавидел праздники Нового года и 14 июля:

— Если меня, дети мои, вдруг обнаружат в машине, люди захотят меня потрогать, поцеловать, пожелать счастливого Нового года или отпустить шуточки вроде: «Как поживаешь, Фюфю? Покажи, как ты гримасничаешь!» Потом станут трясти, как грушу. Так что я быстренько стану для них обезьяной. Ненавижу толпу! Ее настроение меняется, как дуновение ветра, а симпатия может обернуться агрессией. Меня могут легко задавить в толкучке.

Мы тогда не много знали о шимпанзе, выступающих на арене цирка Медрано. Могли ли мы себе представить, что их ДНК отличалась от нашей всего на 0,3 процента? В 1960 году Джейн Гудалл, молодая англичанка-этнолог, по окончании университета отправилась в Танзанию для изучения этих животных. Сорок лет она жила с ними рядом, записывая ежедневно их поступки и жесты. Ведя по большей части праздную жизнь, эти обезьяны, как она

заметила, подобно людям, отравляют себе жизнь бесконечной борьбой за власть. Как и мы, они способны на всевозможное притворство и на сомнительные связи для достижения своей цели.

Когда Фредерик Дьедонне и Жан-Кристоф Жоффри, которые уже десять лет подряд проводят в Париже Фестиваль имени Жюль Верна с показом приключенческих фильмов, по дружбе предложили мне в 2004 году войти в состав жюри, я сначала призадумался. Я не был уверен, что сумею поглощать каждый день десяток-другой документальных фильмов подряд. Но, узнав, что Джейн Гудалл представит свой новый фильм «Возвращение в Комбе», я тотчас согласился. На сцене кинотеатра «Гран Рекс» появилась хрупкая, воздушная, но прямая, как буква «I» женщина. Было трудно себе представить, что она прожила большую часть жизни в джунглях, передвигаясь на четвереньках.

— Какая же она милая! Вот кто бы наверняка понравился твоему отцу, — прошептала сидевшая рядом мама.

Но он наверняка пришел бы в ужас, увидев на задымленных от барбекю африканских дорогах, как автомобилистам предлагают на шампуре жаркое из шимпанзе!

В тот вечер Джейн Гудалл, не выказывая усталости, отвечала на массу вопросов зрителей. Зал был набит до отказа. Дети, подростки, старики не могли оторвать от нее глаз. На таких мероприятиях особенно остро ощущаешь разрыв между властью имущими и обычными гражданами. Вы когда-нибудь слышали, чтобы министр говорил о том, что скоро исчезнут тигры? Приз зрительских симпатий, однако, получил превосходный документальный фильм именно об этих зверях. Отец давно выражал по этому поводу свое беспокойство.

— Увидите, через двадцать лет останется лишь полсотни пар королевских тигров. Зато число политиков увеличится с двадцати тысяч до двух миллионов, — говорил он.

На другой день в «Гранд-Отеле» состоялся банкет по случаю закрытия фестиваля. В великолепно отреставрированном салоне под золоченым сводом в стиле эпохи

Второй империи почетный гость Джеймс Кэмерон вполне мог бы почувствовать себя на борту «Титаника». По логике вещей я должен был сидеть рядом с ним, ибо его фильм «Титаник» побил все рекорды сборов, которые до него удерживал фильм отца «Большая прогулка». Но хитрющий Фредерик предпочел посадить меня рядом с Джейн Гудалл.

— Ах, так вы сын Луи де Фюнеса! Мне очень нравится этот актер.

— Как и вы, он тяжело переживал постоянное уничтожение природы. Остались ли леопарды в Комбе?

— Остались. Мы их слышали поблизости, когда спали с мужем под открытым небом.

— Но ведь это опасно. Они могли вас растерзать!

— Верно, но мы не боялись. В лесу мы чувствовали себя в безопасности. Это был наш дом.

— Знаете, как и вы, он не любил охотников. Он говорил нам: когда объявляется «открытие сезона охоты», следовало бы это назвать «открытием безобразия». Настанет, мол, день, когда какой-нибудь господин с флажком в руке подаст такой же сигнал к открытию сезона охоты, как при старте автомобильных гонок. И это будет показано по телевидению, хотя перестрелка сразу распространится на весь мир. Малиновки, кролики, медведи, волки, слоны... всех перебьют!

— Он был прав. Поэтому мы и живем в Африке! Там люди необразованны, они стреляют по всему, что движется.

Я боялся ее обидеть, но сказал: «Как и вы, отец изучал больших обезьян. Вы — породу шимпанзе, он — человеческую породу... еще более опасную!»

— Конечно! В этом и заключается труд великого актера. Обнаружить в своей игре наших предков-животных. Я написала книги о своих наблюдениях. А он фантастически использовал экран для воссоздания всего этого!

— Большинство комиков вызывают смех, когда им поддают под зад. Они — вечные жертвы. А он представлял собой нечто обратное: в шкуре обезьяны он похож

на Фродо, большого самца, который едва не сломал вам руку.

— Да, Фродо отличался невероятной жестокостью. Тогда как ваш отец никогда не использует силу, предпочитая ей хитрость.

Прекрасным примером всему этому служат взаимоотношения в «Большой прогулке» великого дирижера Станисласа Лефора (моего отца) и маляра Огюстена Буве (Бурвиля), когда они идут по дорогам Бургундии. Буве раздражен надменностью своего спутника, который относится к нему, как к прислуге. В своей удобной обуви тот свободно идет впереди. Лефору же неудобно в вечерних туфлях. Отнять ботинки у Буве силой невозможно. Тогда, чтобы их заполучить, Лефор разрабатывает макиавеллиевский план. Его как будто подменяют: он разыгрывает страдание. Съезживается и становится совсем маленьким. Его пронзительный взгляд заволакивает пелена. Он стонет, чтобы привлечь внимание своего спутника. И тот смягчается. Шимпанзе тоже умеют разыгрывать смиренных, оказавшись в невыгодном положении. Когда Бурвиль наконец оборачивается, он видит дирижера, прислонившегося к километровому столбу. Куда подевалась его спесь! Бурвиль возвращается. Сочувствуя, он старается подбодрить спутника, чтобы тот продолжал идти. Де Фюнес с трудом поднимается, держась за сердце. Сняв туфли, он не перестает ныть. Бурвиль протягивает ему руку: только что презираемый, он становится необходимым этому человеку! Когда Луи де Фюнес показывает с умоляющим видом на его ботинки, ему ничего не остается, как обменяться с ним обувью, надеясь тем самым закрепить свое превосходство. Своим благородным поступком он рассчитывает стать бесспорным хозяином положения, человеком, без которого нельзя обойтись. И глубоко ошибается. Добившись цели, Станислас Лефор обретает прежний тон и суровый вид.

Как Бурвиль, так и отец знали, что в мире животных побеждает более хитрый: тот, кто, проанализировав ситуацию, умеет использовать ее в своих интересах. Но

это не всегда тот, кто сильнее. В сумерках Бурвиль внезапно замечает направляющийся в их сторону немецкий патруль. По-прежнему обиженный, но добряк по натуре, он бросается к спутнику, который ничего не заметил, и прижимает его к земле.

Жерар Ури рассказывал, как ему пришлось настаивать, чтобы Луи де Фюнес в этой сцене поблагодарил Бурвиля. Тот не желал ничего слышать, вероятно, из-за своей застенчивости и сдержанности. По мнению Жерара, произнесенные им, однако, сквозь зубы слова благодарности обладали огромной эмоциональной силой.

С моей точки зрения, они звучат фальшиво. Отец чувствовал себя неловко. Вожак никогда не благодарит подчиненного из страха потерять частицу своей власти. Вспомните «Манию величия»: «Не извиняйтесь! Извиняются лишь бедняки!» Никогда в мире животных самец не станет благодарить нижестоящего, иначе он потеряет свой статус главного, который ему и так трудно удерживать.

Я часто задаю себе вопрос, почему Луи де Фюнес по-прежнему имеет такой успех. Конечно, потому, что смешит. Но еще и потому, что все, пусть даже безотчетно, ощущают воздействие унаследованных от предков и глубоко таящихся в нем генов. Тех самых, которые так осуждаются в ходе воспитания и под воздействием моды, но так естественны!

Отец не обучался этнографии в престижных университетах. Он видел ее примеры лишь в цирке и зоопарке. Зато человек был в сфере его досягаемости. Весь день он записывал на клочках бумаги поведение, жесты и походку людей, с которыми общался. В отличие от Джейн Гудалл, он не рисковал жизнью, но тоже должен был оставаться незамеченным, чтобы его соседи проявили себя в их истинном свете. А это не просто, когда ты звезда!

Оливье

— Я увидел однажды двух людей, которые поносили друг друга около машины: один был здоровенный, другой — маленького роста, — рассказывал отец. — Большой

уперся кулаками в бока и выпятил грудь. Он кружил вокруг машины маленького, точно боксер, уверенный в победе. Маленький, похоже, капитулировал и хотел скорее смыться, чтобы покончить с этим кошмаром, но большой стучал кулаком по капоту его машины при каждой попытке к бегству. Наконец соблагволив прекратить его мучения, он жестом регулировщика разрешил противнику покинуть место происшествия — живо!

Эта сценка свидетельствовала о власти, которая заключалась не столько в угрозе, сколько в том, что большой мог отпустить маленького, когда ему заблагорассудится. Пристальное наблюдение за поведением людей позволяло отцу с каждым днем совершенствовать работу над образами своих героев.

Поиск детали, чего-то необычного, верной интонации еще более обостряет любопытство поклонников Луи де Фюнеса.

— Откуда все это берется?

— Это дар, — скромно отвечал он.

Разумеется, дар, но постоянно подкрепляемый сомнениями и работой. Говоря о работе, я имею в виду не столько время, потраченное на проникновение в образ персонажа, сколько упорное стремление не растратить зря свою энергию.

— Я постоянно испытываю соблазн предаться развлечениям и комфортной жизни. Если я почию на лаврах, эксплуатируя свой успех, то стану всего-навсего хорошим маленьким актером, от которого нельзя ожидать сюрприза, — говорил он.

Фильмы Жерара Ури могли вполне освободить его от поисков нового. Они были хорошо написаны, хорошо скроены. Отец мог обойтись без внесения в них своих находок. Но именно во время этих съемок он был особенно изобретателен. Опираясь на основную часть работы Жерара, он старался сделать каждый план еще лучше своими непередаваемыми мазками, подсказанными знанием природы людей, ничуть при этом не заботясь, как некоторые, будет ли фильм иметь успех. Он

мог ограничиться лишь воплощением написанного в сценарии. Но, находясь в окружении профессионалов, имел возможность подчас сходить с накатанных рельсов, чтобы потом снова на них вернуться.

Придуманнные отцом невероятные эскапады позволяли ему обращаться к темам, которые в то время никто не осмеливался решать в комическом плане. Сцены в душевой («Разиня»), а затем в общей кровати с Бурвилем («Большая прогулка») стали поводом, чтобы коснуться гомосексуализма, «Приключения раввина Якова» — обыкновенного расизма. Не изменяя при этом хорошему вкусу, он черпал вдохновение не в сознании, а в подсознании, своем и других людей. Все находки оттуда. В этом и заключена сила его комизма. Он сторонился легких штампов и придуманных гэгов, выражая лишь то, что чувствуют все люди или чувствовал он сам когда-то. Подобно писателям, которые открывают то, что лишь смутно представлялось нам до прочтения их книг, он раскрывал наши самые потаенные чувства.

Его постоянный поиск мудрости мог бы, как мне кажется, привести к интереснейшей встрече с далай-ламой. Умение посмотреть на вещи со стороны и точное понятие о непостоянстве человеческой природы роднили его с духовным вождем тибетцев, чей юмор был — и остается — оружием воспитателя.

Рассуждая об ужасах войн и конфликтов, он находил их оправдание лишь в человеческом невежестве. Когда отец лепил образ человека, жаждущего власти или денег, он всегда придавал ему простодушный вид, избегая откровенной антипатичности. Демонстрируя его убежденность глупца, он подводил героя к коренной перемене поведения. Они с далай-ламой наверняка говорили бы о противоядиях от негативных мыслей, ревнивых чувств, гордыни или жадности. Не прибегая к одинаковым средствам, они бы несомненно сошлись на необходимости избегать разрушительных идей. Слишком большой фаталист в своих мыслях о хрупкости медитации, отец никогда не прибегал к искушению воспользо-

ваться ею. Но он бы оценил альтруистическую решимость буддийских монахов.

Когда мы с Патриком смотрим передачу о кино «Актерская студия» Джеймса Липтона, мы часто думаем, что наш отец охотно бы принял в ней участие. Не для того, чтобы поговорить о себе, а чтобы дать советы студентам. Я даже готов себе представить, что бы он ответил на пресловутый вопросник Пруста, который ведущий предлагает часто в конце передачи:

Ваше любимое имя? *Жанна.*

Слово, которое ненавидите? *Убийство, в том числе коррида.*

Ваш любимый наркотик? *Театр.*

Звук, шум которые вы любите? *Кудахтанье курицы.*

Звук, шум, которые ненавидите? *Ружейный выстрел на охоте.*

Ваше любимое ругательство, грубое слово или проклятие? *Остолоп.*

Профессия, с которой вы не желали бы иметь дела? *Политика.*

Растение, дерево или животное, в которое вы хотели бы превратиться? *Кедр.*

Если Бог существует, что бы вы хотели от него услышать после смерти? *Все ваши знакомые в сборе. Они давно, очень давно дожидаются вас.*

На этом пора поставить точку, ибо мы уже слышим его голос: «Не говорите обо мне слишком много, дети мои! Ведь на земле столько людей куда интереснее меня».

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	9
1. Луи и Жанна	12
2. Молодые годы	25
3. Первые каникулы в замке Клермон	35
4. Папе осталось только сыграть в «Оскаре»	50
5. Победный вальс	64
6. Отец обучает меня профессии	70
7. После рывка	82
8. Всегда удивлять зрителя	85
9. Спасем замок!	94
10. Фернандель, Габен, Бурвиль	101
11. Времена меняются	109
12. В Тунис	117
13. Новые примеры актерской смелости	124
14. Жерар Ури	137
15. Окаянный телефон	144
16. Цена известности	149
17. От де Голля до Миттерана	155
18. На подмостках вместе с отцом	161
19. Жан Ануй	170
20. Инфаркт, или Как мама дважды спасала ему жизнь	174
21. Сердце, по-прежнему сердце	182
22. Сад — огород	186
Эпилог	196

Фотографии предоставлены:

Обложка: © Unifrance/DR; с. I, II, III (вверху), V, VII, VIII, IX, XI (внизу), XII, XIII (вверху), XVI: © Collection Jeanne de Funès; с. III (внизу), IV, X: © Henri Galba; с. VI, XIV: DR; с. XI: © L'Aurore/DR; с. XIII (внизу): © Lázló Veres.

Де Фюнес П., де Фюнес О.

Ф99 Луи де Фюнес: Не говорите обо мне слишком много, дети мои! / Патрик де Фюнес, Оливье де Фюнес; Пер. с фр. А. Брагинского. — М.: Текст, 2008. — 205, [3] с.

ISBN 978-5-7516-0650-3

Всем известен актер Луи де Фюнес и его роли; но каким был Фюнес-человек, всегда чуравшийся публичности, мало кто знает; к тому же отрицательные черты его персонажей — глупость, жадность и вздорный нрав — зачастую проецировались на его личность. Эта книга предоставляет читателю редкую возможность: увидеть подлинного Луи де Фюнеса глазами самых близких ему людей, его сыновей Патрика и Оливье, приоткрыть завесу над частной жизнью великого комика, побывать на его творческой «кухне», узнать, как складывались его отношения с партнерами по фильмам — Жаном Маре, Бурвилем, Жаном Габеном и другими звездами первой величины. В искреннем и проникновенном рассказе перед читателем предстает человек, самозабвенно преданный искусству.

УДК 791.43(44)(092)

ББК 85.374(3)-8

Патрик де Фюнес, Оливье де Фюнес

ЛУИ ДЕ ФЮНЕС

**Не говорите обо мне слишком много,
дети мои!**

Редактор Н. О. Хотинская

Художественный редактор Т. О. Семенова

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 13.12.07.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная. Печать высокая с ФПФ.
Усл. печ. л. 10,92. Уч.-изд. л. 10,65. Тираж 3000 экз.
Изд. № 705. Заказ 41.

Издательство «Текст»
127299, Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 7/1
Тел./факс: (495) 150-04-82
E-mail: textpubl@yandex.ru
<http://www.textpubl.ru>

Книга издана при техническом содействии
ООО «Издательство АСТ»

Издано при участии ООО «Харвест».
Лицензия № 02330/0056935 от 30.04.04.
Республика Беларусь, 220013, Минск, ул. Кульман,
д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Открытое акционерное общество
«Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
Республика Беларусь, 220600, Минск, ул. Красная, 23.

**КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
«ТЕКСТ»**

Оптовая и розничная торговля:
127299 Москва, ул. Космонавта Волкова, 7/1
Тел./факс: (495) 156-42-02

Торговый представитель в СПб.
ООО «Алан». Тел.: (812) 312-52-63

**В Москве книги «Текста»
можно купить в магазинах:**

Дом книги «Молодая гвардия»
Большая Полянка, 28

Московский дом книги
Новый Арбат, 8

Торговый дом «Библио-Глобус»
Мясницкая, 6

Торговый дом книги «Москва»
Тверская, 8

«Пушкинист»
Страстной бульвар, 4, подъезд 10

Книжный магазин «Русское зарубежье»
Нижняя Радищевская ул., 4

Продажа книг через интернет:
www.booksy.ru

Я самый обыкновенный человек,
такой же, как все,
и мне повезло в жизни не больше
и не меньше, чем другим.
Просто когда мне улыбнулась удача,
я сумел поймать ее и удержать.
Она до сих пор со мной,
и я счастлив!

Луи де Фюнес

ISBN 978-5-7516-0650-3

9 785751 606503